А. А. АДАМОВ
И. В. БАЛЮНОВ П. Г. ДАНИЛОВ

ГОРОД ТОБОЛЬСК
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТОБОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМ. Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

ТОБОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

www.tobolsk-expedition.ru

А. А. АДАМОВ,

И. В. БАЛЮНОВ, П. Г. ДАНИЛОВ

ГОРОД ТОБОЛЬСК.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Ответственный редактор к.и.н. С. В. Сотникова

Тобольск 2008

ББК-63.48 (253.3)-42
А 28
Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.

www.tobolsk-expedition.ru

В издании обобщены сведения об археологических памятниках, расположенных в черте города Тобольска. Даны подробные сведения как об отдельных находках, так и о каждом из археологических памятников, в том числе и на сегодняшний день утраченных. Достаточно подробно изложена история археологических исследований, связанных с г. Тобольском: от первых упоминаний об археологических памятниках до самых последних научных изысканий. Подробно рассмотрены вопросы развития материальной культуры жившего здесь древнего населения и материальная культура горожан в XVII-XVIII вв.

Книга адресована археологам, этнографам, преподавателям, студентам и школьникам, руководителям административно-хозяйственных органов, а также всем интересующимся прошлым родного края.

© Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г., 2008

От авторов

В настоящее время можно наблюдать все более возрастающий интерес к изучению истории и культуры древней столицы Сибири - города Тобольска. Историко-культурный потенциал города привлекает внимание не только специалистов: историков, искусствоведов, архитекторов - но и широкого круга общественности. Вместе с тем необходимо отметить, что для основной части жителей и гостей города его археологическое наследие продолжает оставаться своего рода «белым пятном», и это при том, что древности Тобольска начали привлекать исследователей еще в XVIII веке.

Издание знакомит читателя с процессом освоения человеком небольшой по площади территории в месте слияния рек Иртыша и Тобола на основе имеющихся на сегодняшний день знаний. Зачастую главным, а иногда и единственным источником этих знаний являются археологические памятники.

Настоящая работа является фактически вторым изданием вышедшей в 2000 г. монографии А.А. Адамова «Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей». За прошедшие восемь лет, в связи с интенсивными реставрационными работами, большое внимание было уделено археологическому исследованию культурного слоя г. Тобольска. Эти работы позволили охарактеризовать материальную культуру горожан, о которой мы еще восемь лет назад не имели отчетливого представления. Значительно расширена и историографическая глава. В ней показан вклад в изучение археологического наследия как тоболяков, так и исследователей, посещавших г. Тобольск. Ими был накоплен огромный научный материал, который и позволил написать эту книгу.

Главы I, II, а также три параграфа III главы написаны А. А. Адамовым, параграф 4 третьей главы «Материальная культура г. Тобольска в XVII-XVIII вв.» написан И. В. Балюновым и П. Г. Даниловым.

www.tobolsk-expedition.ru

Глава I

Город Тобольск и история исследования древностей

Невиданная и загадочная земля Сибирь, представшая перед первопроходцами, таила в себе, кроме неисчислимых богатств, и множество тайн. Населявшие ее многочисленные народы, с богатой и самобытной культурой, говорившие на разных языках, обладали глубокими историческими корнями. Высокие курганы, остатки неведомых городов, чудские копи для добычи полезных ископаемых, открывшиеся взорам первопроходцев, при весьма малочисленных достоверных исторических сведениях о Сибири, не могли не привлекать к себе внимания. Пожалуй, одно из первых свидетельств об археологических памятниках содержится в дневнике одного из иноземных офицеров, выехавших 5 января 1666 года из Москвы в Тобольск для прохождения в Сибири военной службы. К сожалению, имя его пока остается неизвестным. При описании города Тобольска и его окрестностей он упоминает о расположенных в мушкетном выстреле от Тобольска жилищах двух мурз, или князей, вокруг которых еще видны рвы и валы (Алексеев М. П., 1936, с. 165). Если один из упомянутых памятников - это, без сомнения, сохранившееся до наших дней Потчевашское городище, которое, как указывал тобольский художник и краевед второй половины XIX в. М. С. Знаменский, служивший одно время переводчиком с татарского, у тобольских татар носило название «городок Махмет-Кула», то второе городище - это расположенный на Панином бугре городок Бицик-Тура, полностью уничтоженный в настоящее время, но укрепления которого в 1666 году, конечно же, были хорошо заметны.

По всей степной и лесостепной Сибири высятся искусственные насыпи - курганы, или, как их называли, «бугры», достигающие иногда в диаметре 100 м., а в высоту - 10 м. Назначение этих насыпей не было большим секретом, так как часть сибирских аборигенов еще продолжала хоронить в курганах умерших. Не было секретом и то, что по языческим правилам вместе с умершими погребали и разнообразную, иногда очень ценную, утварь. Жажда быстрого обогащения многочисленных авантюристов, наводнивших Сибирь, породила практику ограбления древних погребений. Первые сведения об ограблении курганов в Сибири относится к 1669 г. «Около Исети и в окружности оной русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные вещи и посуду» (Радлов В. В., 1891, приложение, с. 21). Сведения о древних памятниках и об ограблениях курганов содержатся и в «Повествовании о Сибири», составленном около 1680 г. для Гильдебранта фон Горна, секретаря датского короля, неизвестным иностранцем, проведшим 15 лет в ссылке. В нем отмечается, что в Сибири повсюду находятся неизвестные гробницы древних народов, на поверхности коих поросли уже кустарники или леса. Пишет автор и о широко распространенных ограблениях курганов, причина которых в том что сибирские татары имеют обычай погребать с знатнейшими людьми оружие, серебряные сосуды и конские убранства, и о том, что нашедшие таковые гробницы выкапывают иногда несколько серебра. Автор сам видел выкопанные таким образом серебряные сосуды (Повествование о Сибири 1822, с. 55, 56).

Находимые таким образом изделия, сделанные из драгоценных металлов, были столь прекрасной работы и необычной формы, что не могли не привлечь к себе внимания. Одним из первых, кого заинтересовали сибирские древности, был Н. К. Витзен, голландский юрист, государственный деятель, который прибыл в Россию с голландским посольством еще в 1664 г. В его доме в 1697 г. некоторое время жил Петр I во время своего пребывания в Голландии. В одном из своих писем за 1705 год Н. К Витзен писал: «Много лет тому назад в Сибири, близ Тобольска, Тюмени, Верхотурья и в других местах, на ровной степи вскрыты курганы, сначала случайно, а впоследствии умышленно, и в них были найдены склепы. Находились там остатки покойников со всякого рода утварью, ушными привесками, браслетами, идолами, цепочками и металлическими кубками, серебряными и медными» (Радлов В. В., 1894, приложение, с. 128).

Для него были собраны сибирские раритеты и отправлены морем, но до Голландии не дошли, так как судно было захвачено пиратами. В 1714 и 1715 гг. Н. К. Витзену было опять отправлено несколько посылок с ценными сибирскими находками. Но опять одна из них в Витзену не попала: «Я не знаю, встречаются ли курганы в стране, соседней с Туркестаном, где похоронены монгольские великие господа или князья. Но в Сибири и в Татарии находят очень много курганов. В них и теперь около истлевших трупов находят разные ценные домашние вещи, даже золото и серебро. Мне из Тобольска прислали браслеты и серьги, идолы и т. д., все из чистого золота, весом полтора фунта. На них были нарисованы драконы и божества. Но неверный человек, с которым все это было передано, продал серебро, так что, может быть, все переплавили» (Noord-en-Oost ..., 1785). Однако настойчивость, с которой стремился Н. К. Витзен получить драгоценные изделия, принесла свои плоды: «Мне из Сибири прислали найденные в кургане три серебряных и одну золотую монету. Золотые вещи теперь находятся в моих руках. Это три идола и еще браслеты, ожерелья и разные серьги. Один идол весом примерно 100 гульденов золотом, одну собачью голову с змеиным хвостом, осел и лев, два уродливых животных, толстые и тяжелые, из золота, и чашка для питья и т. д.» (Noord-en-Oost..., 1785); «Мне в прошлом году (1715) опять прислали несколько золотых украшений из Сибири, доставленных из курганов. Среди них две серьги, а под ними висят два человеческих зуба в золотом ободке, по-моему - женские и от пожилого человека» (Noord-en-Oost ..., 1785). После его смерти собранные им коллекции были распроданы за

www.knigafund.ru

долги и бесследно исчезли, и только впоследствии, в 1785 г., рисунки части вещей были опубликованы во втором издании книги Н. К. Витзена «Noord-en-Oost Tartarye».

Но не только Н. К. Витзена интересовали сибирские древности. Большая коллекция была собрана владельцем Тагильских заводов А. Н. Демидовым, который в 1715 г. поднес ее императрице по случаю рождения царевича Петра Петровича (Руденко С. И., 1962, с. 11).

Замечательными изделиями, собранными А. Н. Демидовым, заинтересовался Петр I, и сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин получил указ собирать и доставлять в столицу подобные вещи. Уже в январе 1716 г. от М. П. Гагарина поступило десять вещей: «Две бляхи больших, на них вылиты львы. Четыре штуки небольших, на них вылиты зверьки. Две серьги с цепочками. Два зуба человеческие, вделаны в золото с цепочками». Другая коллекция из 102 предметов поступила от М. П. Гагарина 12 декабря 1716 года (Руденко С. И., 1962, с. 11).

Преемник М. П. Гагарина на губернаторском посту кн. Черкасский в 1720 г. запрашивал Сенат, покупать ли ему золото, находимое в могилах, на что последовал указ Сената 1721 г.: «Курьезные вещи, которые находятся в Сибири, покупать сибирскому губернатору или кому где надлежит настоящею ценою и, не переплавляя, прислать в Берг - и Мануфактур-коллегию» (Руденко С. И., 1962, с. 11). Но указ явно запоздал, так как уже ко второй трети XVIII в. практически все курганы были ограблены и находки золотых вещей стали чрезвычайно редкими.

Еще один указ Петра I о сборе курьезных вещей относится к 1724 г., когда Петр устно приказал сибирскому губернатору М. В. Долгорукову собирать курьезные вещи. Последний, еще находясь в Москве, срочно отправил соответствующие указания в Тобольск. Из Тобольской земской конторы был послан в Туринск указ за подписью князя С. М. Козловского о том, что «... как можно к первому пути зимнему сыскать и прислать красных гусков маленьких и протчих курьезных птичек и зверьков и чтоб в том приложить старание, как найдутся, прислать в Москву в кабинет его императорского величества немедленно» (Памятники сибирской ..., 1885, с. 460, 461). Такой же указ был послан и в Тару: «Коликое число всякого золота могилного и других курганных вещей в покупке в казну было, и о присылке того золота и вещей в Тобольск», - из Тары по этому указу в Тобольск с золотом был отправлен служилый человек Федор Мясников (Памятники сибирской 1885, с. 429, 430).

Но сибирская земля хранит в себе не только драгоценные украшения, бесчисленное количество археологических памятников может рассказать тысячелетнюю историю народов, некогда живших на ней. Поэтому вполне естественен и интерес к ним путешественников и исследователей Сибири.

Городище на Чувашском мысу - один из замечательнейших археологических памятников Сибири - было хорошо известно жителям Тобольска, его месторасположение нанесено на план города 1701 г., составленный знаменитым тобольским историком и картографом С. У. Ремезовым (Чертежная книга ..., 1882). Упоминание о двух старинных татарских укреплениях на верху мыса Чуваш содержится и в описании города Тобольска за 1741 г., составленном Г. Ф. Миллером (Бакай Н., 1894, с. 48; Элерт А.Х., 1990, с. 235).

Другим замечательным памятником, расположенным недалеко от Тобольска, который не мог не привлечь к себе внимания является бывшая столица Сибирского ханства - городище Искер. Одним из первых посетил Искер направляющийся в Китай русский посол Н. Спафарий в 1675 году. В своем дневнике он писал: «И от села Абалак недалеко, версты с 2, течет речка малая, именем Сибирка, и чает, что от той речки и царство Сибирское именовано, для того что близ речки лежит пустой городок и шанцы Кучума царя Сибирского» (Спафарий Н., 1882, с. 45).

В XVIII в. осматривал бывшую столицу Сибирского ханства академик Г. Ф. Миллер, который подробно описал увиденное им городище (Миллер Г. Ф., 1937, с. 232, 233). 15 мая 1734 г. побывал на Искере и другой участник академической экспедиции Г. Г. Гмелин, а 6 июля 1740 г. - Кенигсфельд, спутник первого в России астронома, академика Н. И. Делиля, который совершал поездку в Березов для наблюдения прохождения Меркурия перед солнцем (Пекарский Н., 1865, с. 41).

Академик И. Г1. Фальк, путешествуя близ Тобольска в 1771-1772 гг., отмечал, что развалины от бывшего татарского столичного города Сибирь, называемого ныне Кучумовым городищем, находятся на высоком берегу Иртыша, где впадает речка Сибирка. Им же впервые отмечены древние курганы близ Тобольского Ивановского монастыря (ФалькИ. П., 1824, с. 394, 404).

Пожалуй, одно из первых обстоятельных описаний древних памятников окрестностей Тобольска было помещено в «Сибирском вестнике» за 1818 г., издаваемом Г. Спасским. В работе «Картина Сибири» подробно описаны памятники Чувашского мыса: «На Чувашском мысу видно поныне укрепление, отстоящее от окончательного предместья города Тобольска в 700 саженях, и курганы, оставшиеся от Чувашей, выведенных ханом Кучумом из Казани. Вал, как полагать должно, составлял важнейшую оборону. Ширина оного 5 аршин, высота 3/4 аршина, ров за ним 4,5 сажени шириной, глубиной 3 аршина. С западной стороны ров сей прикопан к лощине и от поверхности оной выведено наружное укрепление в параллель главному рву и валу, которое состоит ныне только из одного рва шириной в 2,5 сажени, глубиною в 1 аршин. По всему укреплению ничего нет, кроме кустов мелкого таволожника, а по курганам и вокруг оных низкого березняка» (Спасский Г., 1818, с. 26, 27).

Дано здесь и обстоятельное описание Искера: «Искер расположен был на берегу Иртыша и при впадающей в оной речке Сибирке. ... Крутизна берега с Иртыша не позволяет взойти на него, ниже приступить ноге человеческой.... Такой же крутизны у речки Сибирки лощина, простирающая от Иртыша. Здесь находятся

www.tobolsk-expedition.ru

вал в 15 сажень длины, а за ним ров шириною не более 2-х аршин; от сих вала и рва до самого возвышенного местоположения Искера высоты до 5 сажень. В лощине видны также остатки рвов, а к речке Сибирке и по лощине до самой почти воды был, как кажется, спуск к колодцу, приметной по остающемуся помосту. Все вообще здесь местоположение не ровное и в ямах: три из сих последних подобны погребным, весьма глубоки и, по словесному татар преданию, служили темницами для виновных» (Спасский Г., 1818, с. 28 - 30).

В своей работе Г. Спасский описывает и другие памятники: «В 25 верстах от Тобольска и 1,5 версте от деревни Нижнеярковой при речке Козловке находятся три вала и три рва. Валы шириною в 2 сажени, вышиною в 15 аршин; рвы шириною до 3 сажень, глубиною около 3 аршин, а третий вал и ров ширины имеют по одной сажени. ... Вверх по Иртышу в 29 верстах от Тобольска, между речками Асланой и Белкиной на 10 саженной возвышенности существуют два вала шириной по 3 сажени вышиною по 1 аршину, а наружный в 1,5 сажень и рвы оных шириною первый 2,5, второй 3 сажени глубиною 2,5 аршина. ... Под деревнею Новофилатовою в 100 саженях от оной по Иртышу, ... на правой стороне, приметное укрепление, расположенное на увале, имеющем вышины около 5 сажень. ... Укрепление состоит из главного вала, коего крутизна и со рвом вышиною ныне в 4 аршина - а ров шириною 2 аршина. Внутри укрепления сего находятся ямы. ... Остатки древняго укрепления, называемого Кысым-Тура - девичий городок, - находятся в 50 верстах от Тобольска вверх по Иртышу на бугре близ Ермаковой копи. Высота бугра сего простирается до 10 сажень. Главный ров ныне шириною 3 сажени, глубиною 2,5 аршина. Вал шириною 2,5 сажени, вышиною 1,5 аршина, за оным второй ров имеет ширины и глубины по 2,5 сажени, а второй вал шириною в одну сажень, вышиною около аршина» (Спасский Г., 1818, с. 30 - 36).

Неоднократно бывал на Искере и замечательный сибирский историк П. А. Словцов. Одно из своих посещений Искера П. А. Словцов очень образно описал в письме 1826 года: «Итак, не для древних кладов, не в надежде отрыть старинные металлические безделки и не на смену Миллера и Фишера, которые лет за 75 сюда являлись с резцом истории, я пришел теперь по перлам утренней росы. Нет, я пришел для идеала красоты, чтобы при восходе солнца насладиться утренним освещением Искера, насладиться пышным царским видом с этой вышины и обогреться воспоминанием загородных прогулок в кругу тобольских приятелей. ... Все вспыхнуло в памяти, и то, как, поверяя старые описания академиков, мы шагали, исчисляли длину и ширину Кучумовой столицы; и то, как по сравнению нашей меры площадь столицы уже убавилась от осыпей, и то, как мы свидетельствовали поросшие травой следы рва и вала с северной стороны» (Словцов П. А., 1892, с. 36).

Но не только описания древних памятников оставили нам проезжавшие через Тобольск или жившие в нем ученые и путешественники. В 20-х годах XIX в. были сняты и первые планы археологических памятников, расположенных у г. Тобольска. Это планы памятников Чувашского мыса и городища Искер. На плане Чувашского мыса нанесено городище, окруженное двумя рвами, на территории которого показаны две курганные насыпи, а также расположенные вдоль обрыва насыпи курганов Потчевашского могильника. Оригинал плана хранился у М. С. Знаменского, до наших дней дошла только сделанная им копия в альбоме рисунков, посвященных городку «Махмет-Кула» (ТГИАМЗ, кп, № 15675). Хранился у М. С, Знаменского и план Искера, опубликованный им в 1891 году (Знаменский М.С., 1891). Сейчас можно только предполагать, кем были сняты эти планы, вполне возможно, их автором является замечательный историк П. А. Словцов.

В XIX веке в понятие «археология» вкладывали несколько иной смысл, чем теперь. Археологию рассматривали как науку о древностях, причем «древности» толковались очень широко - как любые остатки прошлого. Поэтому П. А. Словцов в своем труде «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г.», стремясь показать Тобольск во всех возможных отношениях, в том числе и археологическом, к старейшим памятникам Тобольска отнес не только сам Тобольск, как основанный в 1587 г., но и каменные храмы, рентерею, построенную взятыми под Полтавой в плен шведами, крест первого сибирского архипастыря, посох патриарха Филарета, Угличский колокол и т. п. (Словцов П. А., 1834, с. 136 - 143).

В своем труде «Историческое обозрение Сибири» П. А. Словцов очень кратко перечисляет сведения об древностях Сибири, приводя свидетельства Страленберга, Спасского, Гумбольдта, Палласа, Беля. Содержит обозрение и описание Искера, «где нет ни кирпича, ни окладного бревна ... . Это суглинистое урочище, лежащее на нагорном берегу Иртыша ..., подмываемое с запада сильною рекою и орошаемое с северо-востока речушкой Сибиркою, доныне сберегает на перешейке след былого рва» (Словцов П. А., 1995, с. 313).

Во второй половине XIX века в России возникает широкий интерес к прошлому народов страны. Уже к 60-70 годам завершается процесс первоначального накопления археологических знаний, происходит становление археологии как самостоятельной, имеющей свои отличительные черты исторической дисциплины. В 1859 г. возникает государственное учреждение - Русская археологическая комиссия, а в 1869 г. был проведен первый Всероссийский археологический съезд (Лебедев Г. С., 1992, с. 88, 105). В Тобольске в 60-х годах XIX в. появляются энтузиасты, увлеченные исследованием памятников глубокой древности и собиранием археологических находок.

В 1863 году в «Тобольских губернских ведомостях» появляется небольшая заметка К. М. Голодникова «Слово о сибирских курганах», в которой автор попытался возбудить интерес к раскопкам памятников старины. Правда, этот призыв не имеет ничего общего со стремлением приоткрыть тайны далекой старины. Приводя сведения Беля, Г. Ф. Миллера, Г. Г. Гмелина о найденных в сибирских курганах золотых изделиях, автор замечает при этом: «Вот какие сокровища хранятся в наших курганах, которые мы так равнодушно попираем ногами». Далее следует вопрос: неужели в наше время не найдется предприимчивого охотника, который решился бы порыться в этих волшебных сокровищах? Заканчивается статья весьма справедливым

заключением, что, «… пожалуй, американских сокровищ здесь ожидать нельзя, но ведь для настоящих-то такого рода сокровищ - нужен настоящий Колумб - а такие люди не дюжинами родятся» (Голодников К. М., 1863, с. 423).

Важную роль в изучении сибирских древностей сыграл Тобольский музей. Инициатором создания в Тобольске в 1870 г. музея стал статистик Тобольского статистического комитета И. Н. Юшков. При нем к 1877 г. музейная коллекция предметов, собранных энтузиастами, достигла сотни экземпляров. После И. Н. Юшкова музей поначалу переживал кризис: часть собранных вещей была потеряна, другие не вернулись с выставок (НА ТГИАМЗ. Д. 937). Первый археологический экспонат поступил в музей в 1871 г. из Курганского округа. Железный наконечник стрелы был найден крестьянином с. Моршанского Петром Подсохиным при распахивании нового поля близ села (Протокол 1871, с. 275). Находка привлекла внимание члена Тобольского губернского статистического комитета Р. Г. Игнатьева, который посвятил ей специальную статью, высказав предположение, что поле, где она найдена, было местом битвы (Игнатьев Р. Г., 1871). Вслед за первой находкой в музей стали поступать и другие найденные случайно древние вещи. Так, в 1851 г. один из крестьян села Боровское выпахал на поле 11 серебряных тарелок древней работы и стальную древнюю кольчугу, которая попала в Тобольский музей (Голодников К., 1881, с. 168). В 1873 году в лесу, недалеко от юрт Аремзянских Тобольского округа, Бахметом Кучуковым была найдена серебряная чашка (ИИМК. Ф.1., 1889, № 93; Журнал ..., 1874, с. 1; Лыткин Н. А., 1890, с. 4). В этом же году в музей поступили часть древней кольчуги и «две части древнего оружия, деланного из литой меди, в виде топора». Медные изделия были найдены на городище, окруженном валом и расположенном в пятидесяти саженях от д. Логиновой Фирсовской волости Ишимского округа. Место находки было обследовано Тюменским окружным землемером Новиковым, снявшим и план городка (Журнал ..., 1874, с. 1). Были переданы в музей и представленные на усмотрение начальника губернии исправником А. П. Дзерожинским «клинок железного орудия, похожего на саблю», и фрагментом глиняного сосуда, украшенного орнаментом, найденным близ юрт Болчаровских на р. Конде (Журнал 1874, с. 1).

В вышедших в 1871 году списках населенных мест Тобольской губернии, по сведениям 1868-1869 годов, первоначальные данные для которых собирались низшими чинами земской и городской полиции, небольшой раздел посвящен археологическим памятникам, «оставленным первобытными и уже исчезнувшими обитателями нынешней Тобольской губернии. К числу их относятся разные предметы, находимые в земле, курганы и городища» (Тобольская губерния 1871, с. LXXXVII). Близ Тобольска отмечены городок Чуваш, укрепленный с двух сторон рвом и валом, городок Бицик-Тура на Панином бугре и Сузгэ-Тура (Тобольская губерния ...,1871, с. LXXXIX, XC).

14 мая 1876 года в Тобольск приехал И. С. Поляков, посланный Академией наук с научной целью описания природы и обитателей р. Оби. Иван Семенович Поляков (1846-1887), казак из Забайкалья, окончил Петербургский университет, стал магистром зоологии, много путешествовал, одним из первых стал изучать в России памятники каменного века. В Тобольске, в связи с задержкой парохода и ожиданием части груза, посланного по почте, И. С. Поляков пробыл неделю. Неожиданная задержка позволила ему осмотреть некоторые из археологических памятников, расположенных близ Тобольска.

Им была обследована Сузгунская сопка, в черноземно-растигельном слое которой найдены в большом количестве обломки весьма изящно украшенной глиняной посуды, вместе с нею были найдены кости лошадей, коров, овец, а также рыб, в том числе внешние покровы осетра и стерляди (Поляков И.С., 1877, с. 9). И. С. Поляков первым обнаружил уникальное поселение, получившее много позднее название Сузгун 2. Археологические исследования на этом поселении позволили выделить одну из археологических культур позднего бронзового века - сузгунскую.

Еще одно городище, которое, как считал И. С. Поляков, являлось бывшим укреплением Кучума, обследовалось им у деревни Яровой, расположенной в 30 верстах вверх по Иртышу от Тобольска (Поляков И. С., 1877, с, 9).

Обследовал И. С. Поляков и бывшую столицу сибирского ханства Искер, отметив, что он расположен на горе, возвышающейся на 20-30 сажень над уровнем Иртыша, с другой стороны - над уровнем маленькой речки Сибирки, с третьей - окопан рвами. Им отмечено, что на вершине горы в слое мощностью от 1 до 2-х саженей находятся всякого рода остатки человеческого существования: кости лошадей, коров, овец, птиц и рыб, тут же можно встретить и кожаную заплатку от обуви, кусочки бронзы и железа. Покровы осетра и стерляди лежат почти в самом основании этого пласта, часто сажени на 1,5 от поверхности, вместе с весьма грубою глиняною посудою (Поляков И. С., 1877, с. 9, 10).

Оставаясь прежде всего зоологом, он отметил, что стерлядь, несомненно, водилась в бассейне Иртыша гораздо раньше появления здесь русских (Поляков И. С., 1877, с. 8).

Во время своих разъездов около Тобольска И. С. Поляков узнал из рассказов крестьян о существовании каменных орудий, которых находят главным образом на пашнях. От местных жителей он смог получить несколько экземпляров подобных орудий. Не имея достаточного времени для детального обследования окрестностей, И. С. Поляков обратился за помощью к своим знакомым А. П. Дзерожинскому и П. И. Пузику. На обратном пути Поляков получил от них значительное количество орудий, которые были собраны по Иртышу между Тобольском и Демьянском (Поляков И. С., 1879, с. 88).

26 ноября 1877 года на заседании отделения этнографии Императорского русского географического общества выступал профессор Парижской школы восточных языков Уйфальви де-Мезо-Ковешд, совершавший

обширное путешествие по востоку России и Туркестану, который доложил краткий очерк о своем странствовании. Перечисляя важнейшие направления и результаты своих исследований, иллюстрируя их фотографиями собранных древностей и этнографических предметов, Уйфальви отметил, что около Тобольска им были собраны несколько каменных орудий (Журнал заседаний ..., с. 16). На этом основании Уйфальви сделал вывод, что впервые обнаружил изделия каменного века в Сибири и опровергнул таким образом существующее, по его мнению, в науке положение о том, что в Сибири остатков каменного века не существует (Поляков И. С., 1879, с. 87).

Однако столь сенсационный вывод Уйфальви о его приоритете в открытии в Сибири каменного века был опровергнут И. С. Поляковым как несостоятельный и свидетельствующий -об отсутствии у ученого научных сведений, относящихся к Сибири, опубликованных в вышедшей в 1879 г. небольшой статье, в которой были рассмотрены орудия каменного века из Тобольской губернии (Поляков И. С., 1879, с. 87).

Первые исследования археологических памятников у Тобольска поставили несколько вопросов. Нужно ли исследовать памятники? Что могут дать их планомерные раскопки? Ответом на эти вопросы явилась работа К. М. Голодникова «Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и тобольские в особенности?» Эта работа была продолжением статьи 15-летней давности, значительно переработанной и расширенной. Первоначально она была опубликована в «Тобольских губернских ведомостях» в конце 1878 - начале 1879 г., а в 1879 году этот труд был издан отдельной книгой (Голодников К. М., 1878-1879; 1879).

Приводя большой список местонахождения археологических памятников Тобольской губернии, автор констатирует, что Сибирь изобилует курганами, однако большая часть их остается и по настоящее время нетронутой исследованием. «Чему приписать это? Апатии ли нашего общества к науке вообще и к местной истории в особенности, - неимению ли средств для осуществления подобного рода ученых стремлений, или другим каким-либо причинам - трудно решить» (Голодников К. М, 1879, с. 1). Автор отмечает, что научные раскопки курганов могут открыть многое, теперь для нас темное, необъяснимое. Здесь, может быть, найдутся и монеты, и разные предметы с надписями, могущими дать понятие о народе, оставившем после себя эти курганы.

Далее подробно К. М. Голодников останавливается на памятниках, расположенных в окрестностях Тобольска. Вот что он пишет: «Если курганы, разбросанные по разным местностям Тобольской губернии, представляют собой значительный интерес как по количеству, так и по качеству найденных в них древних вещей, - то курганы собственно Тобольского округа, вмещавшего в себе резиденцию одного из сильнейших владык Сибири, царя Кучума, заслуживают тем более внимания историка и археолога. Здесь происходили самые кровопролитные битвы между туземцами и русскими пришельцами за обладание краем; здесь зарываемы были в землю первыми разные утварь, оружие и деньги из опасения захвата их алчными пришельцами; здесь, наконец, сложили многострадальные кости свои мужественные витязи Мегмет-Куль с товарищами и князья Демьян и Самар с дружинами их, защищая до последнего издыхания родные поля и холмы свои» (Голодников К. М., 1879, с. 19).

Приведен автором и список тех памятников, раскопки которых, по его мнению, могут быть наиболее интересными. Близ Тобольска, у нынешних Сузгунских юрт, получивших свое название от имени красавицы жены Кучума Сузгэ, жившей тут своим хозяйством отдельно от мужа, им отмечены Сузгэ-Тура, от которой сохранился до сих пор большой курган с валом, имеющим форму подковы, в 3 верстах выше Тобольска - был городок Чуваш, который располагался на мысу и был укреплен рвом и валом.

В конце работы было сделано важное заключение о том, что Западная Сибирь не бедна летописями, народными преданиями и памятниками. Только нельзя не пожелать, чтобы было обращено более серьезное внимание на наши древнейшие памятники: развалины древних инородческих городков и на курганы вообще (Голодников К. М., 1879, с. 22). Работа К. М. Голодникова показывает, насколько существенно изменилось всего лишь за 15 лет понимание роли и значения археологии для познания древней истории края.

Одним из самых замечательных памятников, расположенных непосредственно близ Тобольска, являются пятнадцать курганов Чувашского мыса. В 1878 г. по приказу Тобольского вице-губернатора А.И. Дмитриева-Мамонова были начаты их раскопки по случаю ожидания прибытия в г. Тобольск генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова, путешествовавшего к устью Оби. Всего было вскрыто два или три кургана. Курганы раскапывались перпендикулярными траншеями «2-3 аршина в ширину и сажень 1,5 и более в глубину, т. е. до самой почвы кургана» (Голодников К. М., 1879, с. 22).

В конце семидесятых годов XIX в. исследования археологических памятников начал тобольский художник, краевед М. С. Знаменский. В Тобольском музее хранится его дневник раскопок на городке Чувашского мыса, где М. С. Знаменский отмечал дни работы и вещи, найденные при раскопках. Судя по дневнику, работы на городище начались еще в 1878 г., однако о них известно только то, что на следующий год с отвалов земли были подняты две небольшие металлические пластинки (НА ТГИАМЗ, № 36).

Большие раскопки были предприняты М. С. Знаменским в 1879 году. Начавшись 4 июня, они закончились только 2 августа. Работы велись шесть дней в неделю, за исключением воскресений и редких дождливых дней. Работали двое нанятых рабочих, одному из которых М. С. Знаменский платил 80, другому 50-60 копеек в день. Всего на раскопки было израсходовано 57 рублей 10 копеек - весьма большая по тем временам сумма. Раскопки в 1879 году дали обильный вещевой материал. Каждый день М. С. Знаменский скрупулезно, но, к сожалению, очень кратко записывал, сколько и каких находок было найдено. В фондах

www.tobolskexpedition.ru

Тобольского музея сохранился небольшой альбом с черновыми рисунками вещей, сделанными М. С. Знаменским (ТМ кп, № 15535). Под рисунками отмечен день находки, а в некоторых случаях и год. Несмотря на то, что работало всего два человека, почти ежедневно обнаруживались замечательные вещи. Уже к 26 июля, по подсчетам самого М. С. Знаменского, было найдено 49 металлических предметов и 79 наконечников стрел. Культурный слой содержал много фрагментов от керамических сосудов. Судя по масштабам раскопок, их должно было быть тысячи. Но М. С. Знаменским они не собирались, а общее количество найденных даже не подсчитывалось.

Раскопки на Потчевашском городище (сам М. С. Знаменский называл городище на Чувашском мысу «городок Махмет-Кула») были продолжены и в 1880 г. Однако работы продолжались здесь только четыре дня - с 15 по 18 мая, и было найдено всего несколько поделок (НА ТГИАМЗ. № 36).

С первого июня 1880 года М. С. Знаменский начал раскопки Савинского кургана, находящегося в пойме левого берега Иртыша, на берегу Савинской протоки, напротив Тобольска. Курган, по данным середины XX в., был не менее 30 м в диаметре и до 4 м высоты. В средней части кургана имелась глубокая яма, к которой с северо-востока подходит траншея. Остатки траншей были видны и в юго-западной, западной и восточной полах кургана. Судя по всему, это следы прежних раскопок М. С. Знаменского.

В кургане было обнаружено два погребения. М. С. Знаменский отметил остатки дерева от перекрытия могильной ямы. Один погребенный был взрослым, другой - ребенком. В детском погребении, оказавшемся неограбленным искателями золота XVII - начала XVIII в., был богатейший инвентарь. На руку был надет медный спиральный браслет, череп закрывал металлический венец, и здесь же были найдены серьги, на шее находилась медная гривна. К рукавам кожаной одежды были пришиты на ремнях металлические медведи, остатки кожаного пояса были украшены медными бляхами, пряжка поверх меди- покрыта серебряной обкладкой, а на ней « ... изящная плетушка из золоченого серебра с 5 каменьями». В погребении обнаружено два прекрасно отполированных металлических зеркала (от одного сохранился только обломок), бронзовое, и возможно, железное тесло, пряжки с изображением людей и пряжка с изображением человека, « ... пожираемого двумя зверьми, из коих один имел вид змея», а также глиняные сосуды. В насыпи кургана М. С. Знаменским были найдены обломки каменных наконечников стрел (НА ТГИАМЗ. №36; ТГИАМЗ, кп, № 13535; Археологическая коллекция ..., 1882, с. 22, 23; Ядринцев Н. М., 1884, с. 10).

В 1880 г. В. М. Флоринский, врач, профессор, официальный представитель Министерства народного просвещения, проезжая через Тобольск после закладки первого сибирского университета в г. Трмске, получил предложение от М. С. Знаменского купить его коллекцию, собранную на Чувашском мысу. Осмотрев коллекцию и расспросив о месте ее нахождения, В. М. Флоринский обещал изыскать средства на ее приобретение. В 1881 году М. К. Сидоров, известный ревнитель развития пароходства, промышленности и торговли на сибирском севере, по его просьбе выслал М. С. Знаменскому 300 рублей. Коллекция последним была передана на хранение председателю Тобольского губернского правления А.И. Дмитриеву-Мамонову, с которым был лично знаком и находился в переписке В. М. Флоринский. В Томск коллекция вместе с находками из раскопок самого А. И. Дмитриева-Мамонова попала только в 1885 году, когда с открытием учебного округа В. М. Флоринский переехал на постоянное жительство в Томск. Замечательные коллекции археологических предметов, найденные на Потчевашском мысу, послужили основой формирования музея Томского университета (Флоринский В. М., 1888).

В 1880 г. итальянский ботаник Стефан Соммье (Sommier) совершил большое путешествие по Сибири. В Тобольске С. Соммье ознакомился с коллекцией М. С. Знаменского, собранной в окрестностях Тобольска. В вышедшем в 1885 году обстоятельном описании своего путешествия он опубликовал карту расположения археологических памятников у Тобольска, составленную М. С. Знаменским, и несколько иллюстраций с его находками, обнаруженными на Искере и Потчевашском городище. При описании работ на городище, расположенном на мысу Чуваш, С. Соммье пишет, что М. С. Знаменский нашел вокруг древних очагов наконечники стрел из железа, кости, бронзы и камня, топоры из кости, костяные ложки, ножи, черепки от горшков из глины, здесь же были найдены кости лошадей, северных оленей, птиц и в большом количестве кости рыб. М. С. Знаменский показывал С. Соммье и фигурки шахмат, в которые, по его мнению, играли в мгновения безделья воины хана Кучума. М. С. Знаменский подарил исследователю и один человеческий череп с ярко выраженной монголоидностью, который был найден при устройстве фундамента монумента Ермаку (Sommier S. 1885, s. 83 - 92; Головачев П., 1886, с. 170).

Накопленные сведения об археологических памятниках использовал в вышедшем в 1881 году большом обзоре Тобольской губернии секретарь Тобольского губернского статистического комитета К.М. Голодников, кратко характеризуя последние. Это и Кучумово городище, Сузге-Тура, Касым-Тура, Чинги-Тура, и многие другие (Голодников К. М., 1881, с. 134, 135,159, 162, 168).

Летом 1882 г. работы на Потчевашском могильнике А. И. Дмитриевым-Мамоновым были продолжены. Раскопки велись в течение четырех месяцев. Как рабочая сила использовались ссыльные, заключенные в Тобольском тюремном замке. Всего за два года работ было раскопано 15 курганов. В настоящее время сохранился дневник раскопок всего лишь одного кургана, который хранится в Тобольском музее (НА ТГИАМЗ. № 807). Находки, сделанные при раскопках Потчевашских курганов, были А. И. Дмитриевым-Мамоновым переданы в музей Томского университета, а в Тобольский музей поступило шесть таблиц с фотографиями вещей (Голодников К. М., 18826, с. 2; Флоринский В. М., 1888).

www.tobolsk-kreml.ru

В 1882 г. по поручению Западно-Сибирского отдела Русского географического общества близ Тобольска проводил свои исследования К. М. Голодников. 20 июня он обследовал Сузгунское городище - «Лысую гору». Наметив на сопке для исследования четыре небольших кургана, которые по внешнему виду были уже некогда хищнически разграблены, К. М. Голодников нанял двух рабочих из крестьян ближайшей д. Филатовой. Но приступить к исследованию не мог, так как было уже 8 часов вечера. Только 30 июня с нанятыми рабочими стал подниматься К. М. Голодников на «Лысую гору». По левую руку от извилистой дорожки, ведущей на сопку, тянулся под прямым углом глубокий овраг, а справа возвышался откос, поросший вверху мелким хвойным лесом, а внизу оголенный. Здесь рабочие заявили, что на этом месте ранее копал какой-то чиновник (в 1878 г. И. С. Поляков) вместе с исправником А. П. Дзерожинским и нашли здесь черепки от глиняной посуды. Последовав их примеру, К. М. Голодников действительно обнаружил на высоте от основания откоса в 1,5 аршина в слое глины, смешанной со значительным количеством мелкого угля, обломки глиняных сосудов, лежащих разбросанно. Не обнаружив целых сосудов и собрав примерно 30 обломков, К. М. Голодников перенес свои исследования на вершину сопки. Здесь им было раскопано четыре небольших бугра. Два оказались совершенно пустыми. В третьем, имевшем размеры 2,5 х 2 аршина и высотой 1,25 аршина, на глубине 3 аршина и 2 вершка найдены были в слое с мелким углем 11 костей от животных и 5 шлаков, представлявших собой расплавленный кирпич, «наполовину уже обратившийся в металловидное состояние». Четвертый курган, имевший 3,75 аршин в диаметре и высоту 1,5 аршина, исследовался совместно с прилегающей к нему ямой почти такого же объема и глубиной 1 аршин. Здесь на глубине 2,75 аршина были найдены 4 расплавленных кирпичных шлака и чуть ниже - зуб животного и костяной наконечник стрелы. На этом работы близ Тобольска К. М. Голодниковым были закончены (Голодников К. М., 1882а, с. 2).

В 1884 году в «Восточном обозрении» вышла небольшая заметка о каменном веке в Сибири (Каменный век ..., 1884). Кроме рассмотрения немногочисленных находок из шурфов близ города Тюмени, сделанных при участии директора реального училища И. Я. Словцова, автор сделал весьма актуальные даже для сегодняшнего дня выводы. Памятники археологии должны исследовать только специально подготовленные специалисты. Со страниц газеты прозвучала гневная отповедь дилетантским изысканиям малосведущих людей. Вот что он пишет: «рассказывают, что лет шесть назад тобольский исправник занимался археологией с особенным рвением и разрушил много замечательных исторических памятников. В самом деле, что стоит для исправника заняться археологией, лишь бы только было приказание начальства или надежда на поощрение. Пригласить на «помочь мужиков, и валяй ребята»: Автор с гневом отмечает «Погодите, господа, не торопитесь, ... не портите курганов, иначе вы окажете медвежью услугу будущим сибирским ученым, радение ваше не по разуму» (Каменный век ..., 1884). И ведь пророческими оказались эти слова. Огромное количество ценнейшей информации исчезло в результате работ по разрытию курганов и городища на Чувашском мысу, других памятников. И вот что было предложено автором еще более ста лет тому назад: «Чтобы сохранить древности, нужно центральному Западно-Сибирскому географическому обществу иметь в каждом уезде агента, который бы стерег курганы, наносил их на карты и сообщал свои наблюдения в это общество. Разрешением же раскопок курганов должно заведовать археологическое общество» (Каменный век ..., 1884). И если второе предложение уже давно вошло в практику, то первое начинает претворяться в жизнь только сейчас.

В 1884 году в «Восточном обозрении» вышла статья Н. М. Ядринцева, русского публициста, исследователя Сибири, археолога и этнографа, посвященная обзору работ М. С. Знаменского на Искере. Н. М. Ддринцевым были опубликованы выдержки из писем последнего, рассказывающие о работах на Искере. Из писем следует, что М. С. Знаменский проводил свои исследования два лета. В фондах Тобольского музея сохранился план Искера, составленный М. С. Знаменским. План представляет собой уточненную копию плана 20-х годов XIX в. На нем пунктиром проведена линия берега 1734 г., основанием для этого, скорее всего, послужили измерения Г. Ф. Миллера, пунктиром же отмечена и береговая линия 1884 г. На плане карандашом М. С. Знаменский, как и в дневнике раскопок на Потчевашском городище, отметил дни и сумму выданных рабочим денег. План помогает уточнить письма М. С. Знаменского Н. М. Ядринцеву. Из него следует, что в 1884 году работы на городище велись весь август и часть сентября. Всего рабочим было заплачено 33 рубля.

В письмах М. С. Знаменский пишет, что так как холм Искера каждый год подмывается Иртышом, большая часть находок была выкопана им на берегу у подножия холма или же поднята прямо с берега после убыли воды. В результате этого была собрана большая коллекция вещей, достаточно полно освещающая материальную культуру татарского населения XVI в. На основании находок М. С. Знаменский сделал вывод: «Словом, мы видим, что столица Сибири была не только сосредоточенным пребыванием властных и воинственных лиц, но также средоточием татарских ремесленников и купцов. Прежние историки Сибири, вероятно, на основании того, что некоторые из жен Кучума жили не с ним, хотят представить Искер в роде Запорожской сечи, но масса женских украшений, найденных мною, доказывает противное. Мне возразят, что все это могло быть или имуществом русских в числе их воинской добычи, или же что здесь была торговля ими; на это я могу возразить полусотнею глиняных и каменных кружков от веретен. Русские бы на них не позарились, предмета торговли тоже едва ли они могли бы составить» (Ядринцев Н. М., 1884, с. 10).

Дополнительные сведения о раскопках М. С. Знаменского на Искере содержатся в рукописном описании к коллекции краеведа, проданной в 1897 году в Финляндию. Выдержки из нее были опубликованы А. М. Таллгреном (Tallgren A. M., 1917). На городище М. С. Знаменский выделяет участок, где были сосредоточены ремесленные мастерские, в которых жили кузнецы, ювелиры, чеботари, литейщики. Здесь и у подошвы его на берегу реки собраны инструменты ремесленников: молотки, сверла, иглы, формы для литья

разных украшений, остатки кожи со следами шитья, нарезанные куски рогов лося, стеклянные сплавы, окалина железа, масса угля и кирпича. Обнаружены были М. С. Знаменским и обуглившиеся остатки оснований строений, расположенных бессистемно. Такое неправильное расположение построек, по мнению М. С. Знаменского, является характерным для левого края холма, и найденные здесь обломки ручных жерновов, черепки огромных сосудов, остатки берестяной посуды показывают, что тут было место слуг и рабов. Место господствующего люда было в центре и ближе к обрыву Иртыша, теперь уже уничтоженное рекой, поэтому и находки вещей, принадлежавших более зажиточным: китайский и ташкентский фарфор, поделки из серебра, пестрые бусы, серьги, - найдены были на берегу и даже в реке, замечает М. С. Знаменский (Tallgren A. M., 1917).

В 1885 в записках Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества вышла большая работа И. Я. Словцова, посвященная исследованию археологических памятников у Тюмени (Словцов И. Я., 1885). Говоря о городищах, автор отмечал, что крупные городища чаще всего находятся на высоких холмах при впадении рек. Высокие места, прорезанные глубокими оврагами, кажется, были излюбленными местами пребывания аборигенов Сибири. К таким городищам автор относит Чемги-Туру, Искер, Чувашское городище при впадении р. Туры в Тобол. Чувашский мыс близ г. Тобольска, наиудобнейший **в** стратегическом отношении, как показали раскопки, сохраняет в своих недрах остатки орудий труда и вещи из домашнего быта многих грозных повелителей, вероятно, оттесненных с юга могущественными племенами и явившихся на Обскую равнину с девизом порабощения и разорения (Словцов И. Я., 1885, с. 54).

Был И. Я. Словцов знаком и с коллекцией из раскопок на Чувашском городище М. С. Знаменского. Он ознакомился с ней у А. И. Дмитриева-Мамонова, осмотрев костяные и металлические орудия, глиняные детские игрушки, металлических идолов. Интересовавших его каменных орудий он встретил немного и не смог собрать точных сведений об их залегании (что и неудивительно, учитывая антинаучный характер раскопок М. С. Знаменского). Осмотрев коллекцию, И. Я. Словцов сделал вывод, что находки дают общее представление о несомненно продолжительном пребывании на Чувашском городище самих разнохарактерных племен (Словцов И. Я., 1885, с. 54).

Летом 1886 года для ознакомления с археологией и этнографией Сибири совершил поездку Н.М. Ядринцев. Побывав в Тобольске, он познакомился с коллекцией М. С. Знаменского из раскопок на Искере и Чувашском мысу, а также собрал сведения о исследовании А. И. Дмитриевым-Мамоновым курганов близ Тобольска (Ядринцев Н. М., 1887, с. IX - XI).

С 15 января 1886 г. заведовать музеем при статистическом комитете стал директор Тобольской ветеринаро-фельдшерской школы коллежский асессор Н. А. Лыткин. Приняв коллекцию 28 января, он сначала перевез оставшуюся часть коллекции в здание своей школы (позже они хранились во флигеле мужской гимназии). Среди экспонатов в описи значились: под № 56 - «крылатое изображение рода животного вытиснутое в металлическом круге», а под № 57 - «изображение трех идолов в таком же круге» (НА ТГИАМЗ. № 937). 29 сентября 1886 г. начальник Тобольской губернии В. А. Тройницкий предложил статистическому комитету в честь приближающегося 300-летия Тобольска построить специальное здание для музея. Часть средств поступило от статистического комитета, а огромную по тем временам сумму - 13 тысяч рублей - пожертвовали жители города.

В 1887 г. на 7 археологическом съезде, проходившем в Ярославле, прозвучал доклад графини П. С. Уваровой с обзором областных музеев. В Тобольске П. С. Уваровой отмечено два музея: собрание древностей при Тобольской женской прогимназии, в которой хранилось богатое собрание костей допотопных животных (Уварова П. С., 1887, с. 263), и музей при Тобольском статистическом комитете, который временно помещается в особом деревянном здании, принадлежащем губернской гимназии. Отмечено было, что для музея строится каменное здание. Археологическая коллекция музея пока немногочисленна, но имеет ряд интересных бронзовых предметов из курганов близ Тобольска (Уварова П. С., 1891, с. 272).

Профессор А. Р. Аспелин, путешествовавший по Сибири в июне 1887 г., встречался в Тобольске с М. С. Знаменским, который показывал ему отдельные археологические предметы. А. Р. Аспелин попытался приобрести их, но М. С. Знаменский не согласился продать, подарив ему из своей коллекции лишь одну подвеску в форме гуся с небольшой привеской (Tallgren A. M., 1917).

Строительство здания для музея велось очень быстро, и 25 сентября 1888 г. здание было освящено. Освящение проводил протоиерей М. Боголепов. В своей речи он поднял вопрос и о сохранении уникального памятника, быстро разрушающегося Искерского городища. М. Боголепов предложил принять действенные меры, чтобы остановить разрушение (Тобольский губернский ..., 1915).

Однако построить здание - еще не создать музей. Большую работу провел Н. А. Лыткин по умножению коллекций музея. За подписью губернатора было отправлено множество писем в разные концы Тобольской губернии о посильной помощи в деле создания достойного музея. Десятки энтузиастов откликнулись на эту просьбу, жертвуя деньги, самые разнообразные редкости, из которых значительная часть относилась к археологическому отделу. По подсчетам Н. А. Лыткина, если в 1886 г. археологический отдел насчитывал всего лишь несколько экспонатов, то в 1887 г. - 285; в 1888 г. - 445; в 1889 г. - 806 экспонатов.

В 1887 г. крестьянин с. Малиновского Ашлыкской волости П. К. Трифонов в 10 верстах от юрт Истяцких Тобольского округа, углубляя канаву возле почтовой дороги из Тобольска в Омск, в бору в сухом песчаном грунте на глубине трех четвертей аршина наткнулся лопатой на медную большую «кастрюлю», возле

нее стояли два железных шлема, в которых лежали медные диски и серебряный барельеф - «ангел». Кроме того, возле медного котла лежало железное копье и было найдено большое количество бронзовых изображений. Все вещи, кроме «ангела», крестьянин продал своему подрядчику, от которого исправлял дорогу, за три рубля, а ангела взял себе и поставил на божницу. После священник, увидевший этого «ангела», объяснил владельцу, что это не священная вещь, и крестьянин отдал ее тому же подрядчику. Благодаря заинтересованному участию ашлыкского волостного писаря П. Г. Кибирева все вещи, кроме котла, поступили в Тобольский музей зимой 1888 года. Летом 1889 г. место находки было обследовано Н. А. Лыткиным. В густом сосновом бору, на месте нахождения вещей, Николай Александрович, произведя раскопки, не обнаружил никаких следов курганов или городка (НА ТГИАМЗ. № 891, л. 52, 71, 139).

Не менее замечательные вещи были найдены 17 мая 1887 г. крестьянским сыном Н. И. Вавиловым в 3 верстах от с. Ключесвского Камышевской волости, когда он распахивал землю на Ключевской нарезке, на бугре (кургане), который вследствие распахивания уже более чем 20 лет практически сравнялся с землей. Как только сошник коснулся кургана, сразу за что-то задел. Начав раскапывать из любопытства, крестьянин наткнулся на два стоящих котла, один из которых был закрыт еще одним котлом. В котлах оказались медные удила, граненые стрелы, стеклянные бусы и другие вещи. О находке Н. И. Вавилов сообщил волостному заседателю, который доложил курганскому окружному исправнику. Исправник отправил рапорт о найденных древностях тобольскому губернатору с актом дознания и описью. От губернатора находки были переданы в музей.

В описи старинных вещей, найденных крестьянским сыном Николаем Ильиным Вавиловым значились:

«1. Старинный котел из красной меди с ушками, имеющий кругообразное дно; емкостью немного более ведра.

2. Таковой же котел из красной меди на подобие сосуда, с ушками, емкостью 1/2 ведра.

3. Медный котелок с ушками на подобие сосуда, емкостью 1/4 ведра.

4. Железные удила к конской узде.

5. Два железные костылька на подобие отверток.

6. Медные трехгранные оконечности, как надо полагать, для стрел (31 штук).

7. Три пластинки из красной меди.

8. Вещицы из красной меди дутые.

9. Медная пороховая мерочка.

10. Хлястик из красной меди с ушками на подобие звездочки.

И. Шарички круглые разных: величины и цвета (буски) сделанные из стекла, с дырами для снизывания на шнурки» (НА ТГИАМЗ. № 891, л. 13,14).

Весной 1888 г. из Петербурга в Сибирь для исследования экономического быта крестьян выехал С. К. Патканов. Во время своего пребывания в Тюмени, Омске и Тобольске он старался встретиться с людьми, интересующимися археологией. В Тюмени он встречался с директором реального училища, членом Московского археологического общества И. Я. Словцовым, который ознакомил его со своей коллекцией, показав несколько массивных чаш из бронзы, серебра и из сплава серебра и золота. В Омске С. К. Патканов побывал у вице-губернатора Акмолинской области А. И. Дмитриева-Мамонова, который в Тобольске раскапывал курганы на Чувашском мысу. От него он узнал, что при производстве работ велся подробный дневник. Пытался С. К. Патканов встретиться и с делопроизводителем Управления гос. имуществ Западной Сибири А. П. Дзерожинским, который, будучи на протяжении 10 лет исправником в Тобольской губернии, собрал коллекцию каменных орудий из Тобольского округа. Но так как А. П. Дзерожинского не было в это время в Омске, С. К. Патканову повстречаться с ним не удалось.

В Тобольске С. К. Патканов встречался с М. С. Знаменским, С. Н. Мамеевым, а также с хранителем только что переехавшего в новое здание Тобольского музея Н. А. Лыткиным. Однако тоболяки встретили столичного гостя настороженно, неохотно делились с ним своими познаниями из области местной археологии, избегали сообщать места произведенных ими раскопок, способы ведения самих раскопок, указывать местности, где им удалось сделать хорошие приобретения, не желая, чтобы кто-либо другой пожинал лавры их трудов и поисков. В музее С. К. Патканов ознакомился с истяцкими древностями, которые только что поступили сюда. Однако Н. А. Лыткин не счел возможным сообщить ему о месте этих находок, планируя обследовать его сам. Познакомившись с археологическим отделом Тобольского музея, С. К. Патканов писал: «нельзя не заметить, что, несмотря на многие раскопки, производившиеся в округе и во всей Тобольской губернии за последнее время, и на частые находки разных вещей во время производства полевых работ, при рытье канав и т. д., он весьма беден. Состоит он из отдельных предметов железных и бронзовых, собранных преимущественно в прежнее время разными исправниками и заседателями и притом с разных концов губернии и без точного обозначения местности и условий, при которых была совершена находка. Тобольский музей начал свое существование лет 20 тому назад, но за исключением последних двух-трех лет, когда заведование им перешло к директору Ветеринарного училища г-ну Лыткину, он еле влачил свое существование, вместе с статистическим комитетом перекочевывая с место на место. Помещение, которое отводилось музею, было обыкновенно каким-нибудь чуланом или чердаком, где самые разнообразные предметы были свалены без всякого порядка, а ввиду отсутствия регистров естественно, что немалая часть их при этом исчезла. В прошлом году, благодаря стараниям его превосходительства господина Тобольского губернатора Владимира

Александровича Тройницкого, в Тобольске было выстроено новое роскошное здание для музея, в который и стали стекаться в числе других предметов и такие, которые имеют значение для археологии» (ИИМК. Ф. 1., 1888, №67, л. 11-14).

На территории Сибири С. К. Патканов, кроме своего основного занятия, собирал сведения об археологических памятниках и даже закладывал небольшие шурфы. По окончании работ предварительный отчет с картой расположения памятников в Тобольском округе был сдан им в Императорскую археологическую комиссию. На карте у г. Тобольска нанесены городище и курганы на Чувашском мысу, городище Искер и Сузгун, курганы у с. Бизино, с. Савино и с. Овсянниково (Архив ИИМК. Ф. 1., 1888, № 67).

В октябре 1888 года в «Тобольских епархиальных ведомостях» было напечатано письмо от председателя Императорской археологической комиссии графа А. Бобринского, которое пришло еще осенью 1886 года в Тобольскую епархию. В письме содержалась просьба к духовенству о содействии к сохранению отечественных древностей от бесследного уничтожения. В нем говорилось: «Почти ежедневно крестьяне выкапывают на полях предметы старины, как клады монет и драгоценностей, так и железные, медные или каменные орудия, которые в глазах крестьян большей частью не имеют на какого значения.... Обязанность же доставлять все найденное по начальству, через полицию, представляется им крайне затруднительной мерой, к которой они прибегают только в редких случаях. Таким образом, великое множество памятников заветной старины ежегодно выкапывается из земли и ежегодно бесследно уничтожается, не принося пользы ни науке, ни находчикам.

Изыскивая меры к борьбе с таким печальным положением вещей, Императорская археологическая комиссия пришла к заключению, что почти единственным орудием, посредством которого можно было бы несколько противодействовать злу, является содействие в этом деле духовенства. ... Я убежден, что сельские священники не откажут Императорской археологической комиссии в посредничестве между крестьянами в деле сохранения памятников старины, но дабы такое посредничество было успешно, крайне желательно, что бы все сельские священники знали тот путь, по которому наипроще и наискорее можно достигнуть цели, а именно, чтобы они взяли на себя советовать крестьянам отправлять тотчас же всякую найденную вещь по почте в С.-Петербург или в Императорскую археологическую комиссию, или на имя председателя ея, графа Бобринского, по Галерной улице в собственном доме» (Отношение ..., 1888, с. 227 - 229).

Призыв не остался незамеченным: священник Бисеров передал в Тобольский музей (здесь сказался местный патриотизм) бронзовый кельт, который был найден около Ивановского женского монастыря (Лыткин Н. А., 1890, с. 2).

В ноябре 1888 г. двое политических ссыльных, И. Я. Неклепаев из г. Сургута и И. Ф. Козаков из с. Юганского, передали через сургутского исправника в Тобольский музей семь предметов, среди которых был медный сосуд, приобретенный от сургутского казака В. Панкина, который нашел его в одном из городищ близ г. Сургута около 30 лет до этого, и железный меч, найденный без ручки лет за 12 до этого сургутским казаком Е. Суканиным на Барсовой горе (НА ТГИАМЗ. № 891, л. 54, 55).

27 февраля 1889 г. со станции Цингалинской Тобольского округа на имя Н. А. Лыткина пришло письмо от М. К. Батурина, при котором было приложено «древнее металлическое изображение птицы» для помещения в Тобольский музей, «если она только заслуживает того», которое М. К. Батурин обещал передать Н. А. Лыткину при их встрече на Ляпинской пристани г. Сибирякова. Изображение было найдено за несколько лет до этого на берегу реки Иртыш вниз по течению в верстах в тридцати на горной стороне от города Тобольска (НА ТГИАМЗ. №.891, л. 272; Лыткин 1890, фото 1, № 3).

М. К. Батурин не только передал хранящееся у него изображение, при его активном содействии в музей поступило тридцать одно древнее серебряное, бронзовое и железное изделие от С. С. Вторушина. В своем письме, с которым были высланы вещи, на имя Н. А. Лыткина от 2 апреля он сообщал, что торгующий крестьянин Филинской волости д. Лугаво-Субботиной, церковный староста Семен Степанович Вторушин приобрел их у инородцев Нарымской волости юрт Киндысовских. Вещи были найдены неподалеку от юрт, возле озера, при копке ям для ловли тетеревов. Первоначально С. С. Вторушин хотел получить за них 15 рублей, но позже, под влиянием священника Вознесенской церкви с. Филинского П. А. Закомельского, безвозмездно пожертвовал их Тобольскому губернскому музею (НА ТГИАМЗ. № 891, л. 90,129 - 131).

Сам Павел Алексеевич Закомельский давно интересовался собиранием различных древностей в районе своего прихода, сначала Коневского, затем Филинского. Цель, которую священник ставил, собирая старинные вещи, была «принести хотя маленькую пользу науке, а в частности - удовлетворить своему собственному любопытству и не дать темным людям, находящим древние вещи, оставить последние в небрежении и заброшенности». Ранее отец Павел уже отправлял собранные им древности в Московское археологическое общество. Теперь же, после открытия музея в Тобольске, им были пожертвованы музею все имеющиеся у него старинные вещи, самые интересные и ценные из всех, когда-либо ранее бывших в его распоряжении. Вещи из бронзы представляли собой рукоятку с изображением фантастического животного, подвески в виде коня и лебедя, пряжку с изображением животного (НА ТГИАМЗ. № 891, л.78, 79; Лыткин 1890, фото 1, № 4 - 7).

Летом 1889 г, на городище «Махмет-Кула» на Чувашском мысу С. Н. Мамеевым и Н. А. Лыткиным была собрана коллекция изделий из кости и глины. Вещи поступили на хранение в Тобольский губернский музей (Лыткин Н. А., 1890, с. 9, 10). Количество и характер найденных изделий позволяют сделать предположение, что на городище были предприняты небольшие раскопки.

2 сентября 1889 года в Московских ведомостях появилась небольшая заметка: «Тобольск. Кучумово городище. Сибирский вестник сообщает, что в 22 верстах от Тобольска по Сибирскому тракту находятся недалеко от с. Преображенского развалины знаменитой столицы Сибири - Кучумова городища, омываемые с одной стороны р. Иртышом, а с другой - небольшой речкой Сибиркой. Место это иначе зовется Искером. Развалины сибирской столицы заключают в себе богатый археологический клад. Кучумово городище несколько лет тому назад разрывали гг. Дм. М. и С-ский. Они добыли здесь очень много археологических предметов. Но богатства городища еще не исчерпаны вполне. В настоящее время Кучумово городище заброшено, и никто из любителей археологии в Тобольске почему-то не обратил внимание, чтобы сделать раскопки по всем правилам науки. А это очень жаль. Теперь там роются совершенные невежды. Находя различные предметы, они продают их г. З., который, между прочим, в последнее время, не разрывая сам ни курганов, ни городищ, собрал целую археологическую коллекцию (№№ до 1500 по его словам), которую, по слухам, и продает в Англию. Неужели Высочайшее повеление о запрещении разрывать курганы и городища без разрешения Императорской Археологической комиссии неизвестно тобольцам?» (Тобольск ..., 1889).

Чиновники Археологической комиссии оперативно откликнулись на эту заметку. Уже 5 сентября 1889 года Тобольскому губернатору было отправлено письмо с требованием в кратчайшей срок сообщить, насколько справедливы сведения, содержащиеся в заметке. Было предложено губернатору предоставить и сведения в Археологическую комиссию о всех курганах и городищах губернии и принять меры к их охране (ИИМК. Ф. 1. 1989, № 93, л. 2).

Тобольский губернатор В. А. Тройницкий уже 29 сентября 1889 года в своем ответе признал, что, действительно, раскопки на Кучумовом городище проводились М. С. Знаменским, но с разрешения бывшего генерал-губернатора Западной Сибири, генерал-адьютанта Казнакова. Коллекция же, собранная им, пока не продана, а он получил лишь запрос о цене ее из Англии.

В своем ответе В. А. Тройницкий признал, что из-за обширности губернии в каждом из округов попадаются десятки курганов, и несмотря на полное его сочувствие целям комиссии, он не в силах обеспечить охрану памятников древности. В курганах в большинстве случаях роются промышленники, старающиеся найти или ценные предметы, или кости допотопных животных. Поэтому с целью сохранить хоть что-нибудь для истории края был выстроен Тобольский губернский музей (ИИМК. Ф. 1. 1989, № 93).

Коллекция археологического отдела активно пополнялась переданным сюда бронзовым кельтом от Л. Е. Луговского из Туринского округа, приобретенными у крестьян с. Самаровского медными украшениями, найденными ими в 30 верстах от села, на левом берегу р. Оби, изделиями с Искера от М. С. Знаменского и советника губернского правления В. К. Имсена, находками от Я. И. Волкова и А. И. Афонина (Лыткин Н. А., 1890).

Большая работа по собиранию, систематизации и упорядочению хранения экспонатов Тобольского музея завершилась в 1890 г. изданием каталога Н. А. Лыткина «Археологический отдел Тобольского губернского музея». В каталоге отмечено 957 номеров, дано их краткое описание и указано, от кого и откуда происходят вещи. Опубликовано также 7 фотографий с частью музейных экспонатов. Однако не все опубликованные предметы являются археологическими артефактами. В каталог вошли и просто старые предметы: стеклянная посуда фабрики Корнильева, изделия тобольского чугунно-литейного завода В. Попова, существовавшего в 1860-х годах, и другие просто старинные вещи (Лыткин Н. А., 1890).

Хранящимися в Тобольском губернском музее древностями заинтересовалась Императорская археологическая комиссия. В марте 1890 г. в музей пришло письмо за № 316 с просьбой переслать в комиссию для снятия рисунков в издаваемый ею сборник «Сибирские древности» железный с позолотой шлем и найденные при нем бронзовые изображения, серебряную орнаментированную чашу и рукоятку кинжала, полученную от священника с. Филинского П. А. Закомельского. Понимая высокую ценность просимых вещей, совет Тобольского музея отправил их в Петербург с действительным статским советником Г. А. Тройницким, приложив краткое описание к вещам и просьбу возвратить их по возможности в короткий срок, так как предметы эти представляют большой интерес для музея, а лето есть время, когда музей посещается большим числом проезжающих (НА ТГИАМЗ. № 891, л. 132,136 - 139).

Летом 1890 г. крестьяне Лузинской волости дер. Камышловой, исправляющие почтовый тракт, на 17 версте от с. Крутинского к д. Орловой, копая в лесу беляк для засыпки грунта дороги, нашли целую железную кольчугу с шапкою и шароварами. Крестьяне, предполагая, что это золото или серебро разорвали кольчугу на мелкие части и разнесли по домам. Об этом узнал проживающий в г. Тюкалинске О. Баторевич. Им было обследовано место находки, которое представляло собой отстоящее от почтового тракта в 10 саженях высохшее кочковатое болото, заросшее мелким березняком, тальником и густою травою. Почва - на два вершка чернозем, ниже идет солончак - беляк и синеватая глина. По словам крестьян, кольчуга была найдена под пластом чернозема. Ни оружия, ни черепа, ни костей на месте находки О. Баторевичу найти не удалось. Изъятые у крестьян небольшие обрывки панциря были пересланы через губернатора в Тобольский губернский музей (НА ТГИАМЗ. № 891, л. 157,162).

В 1890 г. действительный член Уральского общества любителей естествознания в г. Екатеринбурге В. Ф. Казаков на средства Тобольского губернского музея проводил раскопки городищ близ г. Сургута. Собранная им коллекция, состоящая в основном из обломков глиняной посуды, сначала была отправлена в Екатеринбург для ознакомления с нею членов У ОЛЕ, а затем была выслана в Тобольск (НА ТГИАМЗ. № 891, л. 169).

В 1890 году в Ишимском округе в Фирсовской волости крестьянин с. Фирсовского И. А. Федоров, вспахивая в 5 верстах от села землю на невысоком кургане, наткнулся сохой на сверток истлевшей бересты, в котором оказались золотые бляхи от китайского форменного пояса общим весом 1 фунт 55 золотников. Клад был передан Тобольскому губернатору, который в своем письме в Археологическую комиссию просил, если комиссия решила бы приобрести клад, выделить два или три предмета для Тобольского музея, собирающего в стенах своих древности, находимые в губернии, но не имеющего достаточных средств для приобретения столь ценных вещей. Комиссия, заплатив И. А. Федорову 735 рублей, передала пояс в Эрмитаж. В Тобольск были отправлены шесть гальванопластических копий с поясных бляшек (ИИМК. Ф. 1, 1890. № 122; Иванов А. И., 1902, с. 166).

В этом же году осматривал коллекции Тобольского музея библиотекарь Томского университета С. К. Кузнецов, который интересовался сибирской историей и сам проводил археологические работы в Томской губернии. Он отметил набор золотых бляшек от превосходного китайского пояса, который тогда еще не успели отослать в ИАК. Не оставила его равнодушным и судьба Искера, так как ежегодные обвалы берега в скором времени грозили его полностью разрушить, а Тобольский музей, к сожалению, не имел право раскопок, хотя в Тобольске есть вполне, по его мнению, подготовленные люди - это С. Н. Мамеев и Н. А. Лыткин, к тому же Тобольский музей не имел средств для исследования оставшейся части Искера, представляющей большой интерес (ИИМК. Ф. 1. 1889. № 62).

Проявив заботу о пополнении коллекций Тобольского губернского музея, в 1890 г. Императорская археологическая комиссия выслала в музей пять медных шейбанидских монет из клада, найденного еще в 1887 году у с. Беловодского Токмакского уезда Семиреченской области. Правление комитета Тобольского губернского музея сообщило, что присланные монеты приобщены к нумизматической коллекции общеобразовательного отдела музея. За означенный дар правление выразило искреннею признательность ИАК (ИИМК. Ф. 1. 1887. №5).

В 1890 году в «Известиях Императорского Томского университета» вышла работа И. Я. Словцова «Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии», где были опубликованы собранные им сведения об археологических памятниках огромной губернии. Близ Тобольска отмечены следующие памятники: городище Махмет-Кула и семнадцать курганов, расположенных на Чувашском мысу, городище Бицык-Кула на Паниным бугре и городище Чукман на мысу, где воздвигнут памятник Ермаку, Савинский курган близ деревни Савиной и городище Сузгун на высоком живописном холме (Словцов И. Я. 1890).

В вышедшем в 1890 году обзоре о деятельности Императорского Московского археологического общества отмечено, что бывший Тобольский вице-губернатор А. И. Дмитриев-Мамонов выслал в общество целый альбом изображений курганов и найденных в них предметов с картою Чувашского городища и могильника на реке Иртыш (Историческая записка ..., 1890, с. 15).

В июле 1890 г. в Императорскую археологическую комиссию тобольским губернатором В. А. Тройницким было отправлено письмо о выдаче открытых листов на проведение археологических раскопок для собирания древностей в Тобольский музей директору Тобольской ветеринарно-фельдшерской школы Н. А. Лыткину и командиру IV роты местного резервного батальона штабс-капитану С. Н. Мамееву, которых губернатор охарактеризовал как людей знающих и энергичных, отметив, что раскопками же, сколько ему было известно, за исключением дилетантов-любителей, например А. И. Дмитриева-Мамонова, К. М. Голодникова и др. никто не занимался.

Открытые листы за № 812 и № 813 осенью были высланы в Тобольск. Однако положенный отчет в комиссию предоставил только С. Н. Мамеев. В отчете им было отмечено что, ходатайствуя через Тобольского губернатора о выдаче открытого листа, он не имел в виду производить тогда раскопки курганов, а хотел только составить предварительную археологическую карту курганов и городищ, в массе разбросанных в окрестностях г. Тобольска. Открытый же лист был выписан для производства незначительных работ в сомнительных случаях, для определения, был ли то сгладившийся от времени курган, или какая-нибудь другая насыпь. Так как открытый лист был выписан 17 августа 1890 года, а получен только поздней осенью, то к разведочным работам С. Н. Мамеев смог приступить только летом 1891 года. Всего в течение лета было описано и нанесено на карту 48 курганов и 4 городища, расположенных в окрестностях Тобольска. Непосредственно у Тобольска находились 10 курганов, расположенных на так называемых «Панином бугре» и горе «Киселевке»; курган близ д. Серебрянки, по левую сторону дороги, идущей из города; 21 курган, находящихся по правому возвышенному берегу р. Иртыша, меяоду д. Жуковой и Иоанно-Введенским женским монастырем; 9 курганов, лежащих по тому же нагорному берегу, за монастырем, от мыса, где протекает речка Шанталык, до дороги, идущей с горы в юрты Подбугорно-Ивановские; курган за д. Савиной, находящейся на левой стороне р. Иртыша, против города Тобольска; 5 курганов, расположенных по обоим берегам «Черкасова ерека», южнее д. Савиной; городище, называемое «Махмет-Кула», находящееся на Чувашском мысу, близ г. Тобольска, городище «Сузгэ-Тура» близ Сузгунских юрт и городище, находящееся на «Панином бугре», около Тобольска, называемое в древности «Бицык-Тура» (Архив ИИМК. Ф.1. 1890. № 123).

В 1891 г. вышла книга М. С. Знаменского «Чувашский мыс». Большая часть работы была посвящена Кучуму, походу Ермака и решающему сражению у Чувашского мыса. В книге содержится план городища и прилегающей к нему местности. М. С. Знаменский считал, что городок возник во время похода Ермака. «На круто подымающемся над Иртышом Чувашском мысу начал Махмет-Кул устраивать себе крепость: вырыли ров сажени в две глубиной и сажени четыре шириной, укрепили его валом и частоколом; затем, отступив

сажень на 20 от цервого укрепления, вырыли второй ров. С той же стороны, откуда ждали врага, не надо было ни рвов, ни валов; на 30 саженную стену не совсем-то удобно было взбираться, против стрел, да запасенного каменья. Внизу же, перед холмом, сделана засека» (Знаменский М. С., 1891, с. 8).

Описание самого городища, сделанное М. С. Знаменским, удивительно живо и образно, а также точно соответствует тому, что можно увидеть и теперь: «Поднимаясь по узкой тропинке оврага, почти на каждом шагу можно найти какой-либо остаток старого времени: узорчатый черепок глиняного сосуда, обломок костяной поделки, особенно много рыбьих костей, белеющих в глинистом слое правой стороны оврага. Поднявшись наверх, вы вступаете в ров, из которого направо протоптанная тропинка ведет в главное укрепление, имеющее форму небольшого закругленного треугольника с тремя возвышавшимися на нем древними курганами. Чья-то любознательная и, быть может, корыстная рука, давно уже, так, что успели тут вырасти порядочные березы, выкопала в центре этих курганов глубокие ямы. Пустынно теперь это главное укрепление, поросшее мелкими кустарниками таваложника, шиповника и земляничником» (Знаменский М. С., 1891, с. 12). Из этого описания устарело только то, что трех курганов на городище уже нет, скорее всего, эти насыпи срыл сам М. С. Знаменский во время своих масштабных раскопок.

Результаты же исследований самого автора в книге использованы только частично. Так, в раскопе М. С. Знаменский нашел несколько обломков костяных стремян. Этот факт он использовал в одном из своих красочных описаний: «И всунули гонцы ногу в костяные стремена, вскочили на коней и понесли во все стороны тревогу, да царский приказ: собираться всем на Чувашский мыс, под начало «Сибирских стран богатыря Махмет-Кула» (Знаменский М. С., 1891, с. 8). Говоря о находках, М. С. Знаменский упоминает костяные и железные наконечники стрел, костяные топоры, колечки от кольчуг, несколько каменных пуговиц. Отмечены в работе и остатки больших костров, большое количество костей от лошадей, оленей, птиц, рыб и множество обломков разбитой глиняной посуды. Здесь же, на городище, М. С. Знаменский нашел железные ножи, сверла, принадлежности, по его мнению, для игр, грузила от неводов и костяные ножи для чистки рыбы (Знаменский М. С., 1891, с. 13, 14).

Летом 1891 года в Западной Сибири проводил свои исследования Ф. Мартин, которому шведское Антропологическое и географическое общество выделило средства на проведение этнографических и археологических работ. Ф. Мартин по приезде в Тобольск, в котором он оставался два дня, чтобы запастись всем необходимым для своей поездки на север, встретился с губернатором В. А. Тройницким, который предоставил ему открытое письмо о содействии всех чиновников. В Тобольске ученый успел поработать и в стенах «прекрасного Губернского музея, археологические и этнографические коллекции которого далеко превосходили мои даже самые смелые ожидания» (НА ТГИАМЗ. № 118).

В 1891 г. археологическая коллекция Тобольского музея пополнилась еще одной интересной находкой - каменным плоским алтариком с вырезанной головой барана. Эта находка была обнаружена учеником Курганского уездного училища недалеко от г. Кургана близ земляной насыпи. В музей алтарик поступал через протоерея Гривцова (НА ТГИАМЗ. № 893, л. 197).

Найденные случайно археологические предметы становились и предметами купли-продажи. Так, в 1891 г. Археологическая комиссия приобрела за 1,5 рубля бронзовые предметы: два полых изображения птиц и плоскую ажурную подвеску с изображением животного. Продавший вещи показал, что купил их в г. Тобольске. Находки комиссия передала в Исторический музей (ИИМК. Ф. 1. 1891, № 146).

В газете «Сибирский листок» за 1892 год появился небольшой обзор, посвященный сибирским музеям, где было отмечено, что археологическая и зоологическая коллекции Тобольского губернского музея представляют большой интерес для специалистов (М. К., 1892, с. 2).

В 1893 году в Сибири работал финский археолог, член Финно-угорского общества, доктор Гельсингфорского университета А. К. Гейкель. Им были раскопаны семь курганов близ Ялуторовска и один курган на территории современной Тюмени. В Тобольск он прибыл 28 июня в сопровождении студента Ю. А. Акса. В окрестностях Тобольска он осмотрел ряд археологических памятников, где им было сделано несколько находок. Познакомился он с обширной коллекцией М. С. Знаменского и с коллекциями, хранящимися в Тобольском музее. К вышедшей несколько позже работе А. К. Гейкеля «Antiquites de la Siberie Occidentale ...» был приложен «Альбом иллюстраций», состоящий из 30 таблиц. В него вошли рисунки вещей из коллекции М. С. Знаменского и рисунки 101 предметов хранящихся в Тобольском музее (Текущая хроника ..., 1893, с. XXXVII; Heikel A., 1894; Терновский А. А., 1894, с. 20).

29 июня 1893 г. крестьянка д. Тереховой Акулина Полынская, отгоняя коров для пастьбы при спуске на луг, в яру на склоне горы заметила торчащий из земли металлический черенок. Потянув за него, она вытащила из земли две серебряные чаши без ручек, сложенные одна в другую. Сверху их закрывали два серебряных котла с ручками, сложенные один в другой и лежащие вверх дном. В верхней чаше, без ручки, лежали завернутые в бересту двадцать золотоордынских монет и два серебряных слитка. О своей находке крестьянка заявила в Логиновское волостное правление. Через тарского окружного исправника и тобольского губернатора изделия попали в Тобольский музей (НА ТГИАМЗ. № 891, л. 246 - 248).

Находка замечательного клада не осталась незамеченной. В «Правительственном вестнике» от 11 ноября 1893 г. появилась заметка о находке вблизи деревни Тереховой Логиновской волости Тарского округа крестьянкой 4 сосудов, 2 слитков и 20 золотоордынских монет. Археологическая комиссия отреагировала на заметку письмом за подписью ее председателя, гофмейстера двора его величества, члена государственного совета, графа А. Бобринского к Тобольскому губернатору, в котором просила выслать вещи, хранившиеся в

музее. Уже 25 ноября 1893 г. правление Тобольского музея выслало половину всех вещей, найденных Акулиной Полынской, отметив, что оставшиеся совершенно тождественны высланным. Однако ИАК, сославшись на §6 и § 11 Высочайше утвержденного Положения об ИАК, в новом письме потребовала, чтобы в ее адрес были высланы все без исключения вещи. Только 25 мая 1894, после вторичного напоминания, правление Тобольского музея выслало оставшиеся вещи. Археологическая комиссия передала серебряные чаши в Императорский Эрмитаж и Российский исторический музей, а два серебряных слитка и 20 золотоордынских монет были отосланы обратно в Тобольский музей. Крестьянке, нашедшей предметы, ИАК перечислила 100 рублей (ИИМК. Ф. 1. 1893. № 192). Однако находкой заинтересовались не только в столице. Императорское Московское археологическое общество в своем письме за подписью графини П. С. Уваровой от 20 ноября 1893 г. просило правление Тобольского музея даровать обществу фотографии с предметов и сообщить более подробные сведения о кладе (НА ТГИАМЗ. № 891, л. 236).

К 1894 году в Тобольском музее хранилось 6010 предметов. Основная часть экспонатов относилась к двум отделам: археологическому и этнографическому. Только в 1893 году в музей поступили коллекции с городища Искер от С. В. Герцика и В. К. Имсена. Еще одна коллекция с этого же памятника была приобретена на средства музея. От воспитанника гимназии Мазуркевича поступили находки с Чувашского мыса, а от С. И. Чуйкова - археологические вещи из Березовского округа (Текущая хроника 1894, с. XXV, XXVI).

В 1894 году в Тобольский музей через заведующего делами Августейших Детей Их Императорских Величеств поступили вещи от покровителя музея, наследника престола (будущего Николая II). Коллекция была собрана на Искере дворянином И. Н. Бутаковым, проживавшим близ с. Преображенка, который преподнес их наследнику, за что ему была объявлена благодарность (Текущая хроника ..., 1894, с. V).

В этом же году от Тобольской городской управы в музей поступил огромный бронзовый котел, относящийся к эпохе раннего железного века. Котел был найден в Тобольске, недалеко от устья Тырковского оврага, у подошвы Киселевой горы. Здесь на участке луга было отведено место для свалки нечистот. Параллельно горе рядами рылись прямоугольные ямы, в которые сваливали мусор, а сверху засыпали землей. В одной из таких ям, находящихся на расстоянии 96 м от Киселевой горы и 61 м от середины Тырковки, и был обнаружен котел (Текущая хроника ..., 1894, с. LVII, LVIII).

12 марта 1894 г. в музей поступило письмо от Императорской археологической комиссии с просьбой выслать вещи из Истяцкого клада, хранящегося в Тобольском музее, для помещения подробного описания и рисунков в ближайших выпусках издаваемого комиссией сборника «Сибирские древности». 25 мая вещи из Истяцкого клада, а также две чаши, слиток и монеты, найденные крестьянкой Полынской близ деревни Тереховой Тарского округа, были отосланы и Императорскую археологическую комиссию (Текущая хроника ... 1894,с.LI,LV).

Приняла ИАК и живое участие в рассмотрении нового проекта устава Тобольского губернского музея. В ноябре из Министерства внутренних дел в Императорскую археологическую комиссию поступило письмо с просьбой дать свое заключение относительно параграфа, вменяющего музею в обязанность представлять поступающие археологические находки, относящиеся к доисторической эпохе, на рассмотрение ИАК, с тем, чтобы комиссия возвращала их затем в музей как его собственность. В своем ответе ИАК отметила, что на основании действующих уложений таковые вещи препровождаются местным начальством непосредственно в Императорскую археологическую комиссию и могут поступать в собственность музея лишь при посредстве означенной комиссии (ИИМК. Ф. 1. 1894. № 213).

В самом начале августа 1894 г. в Тобольский губернский музей пришло письмо от воспитанника Красноуфимского промышленного училища А. Флоренского, в котором он сообщал, что при разъездах по Тарскому округу он встретил крестьянина д. Серебрянка Каргалинской волости Тарского уезда Самуила Степановича Усова, который может и желает быть полезным для музея. Он каждый год делает до 150 верст во второй половине августа на лодке по Ишиму для розыска мамонтовых костей, причем тщательно осматривает берега. Во время путешествия ему нередко встречаются предметы, интересные для музея, но он не умеет отличать важное от ненужного. С. С. Усов выразил желание стать членом археологического общества и хочет приобрести несколько книжек по археологии, а также получить разрешение на раскопку высокого кургана, находящегося в 20 верстах от с. Викулово. Музей выслал С.С. Усову книгу «Старина русской земли» (НА ТГИАМЗ. № 898, л. 154, 155). В 1894 г. С. С. Усов передал в музей кельт и медную стрелку из кургана Викуловской волости (НА ТГИАМЗ. № 899), а в 1895 г. через тарского окружного исправника - кость мамонта и найденные вместе с ним два куска камня (НА ТГИАМЗ. № 901). С 1896 г. С. С. Усов становится членом-соревнователем Тобольского губернского музея.

В 1896 г. по поручению Министерства народного просвещения шестимесячное путешествие по примыкающим к Уралу европейским губерниям России и по Сибири совершал известный французский археолог барон Жозеф де Бай. Это был его одиннадцатый приезд с научной целью в Россию. Приехав в Тобольск, Ж. де Бай осмотрел Тобольский музей, отметив, что он содержит очень много драгоценных археологических и этнографических материалов. Французский археолог отметил при этом, что золоченая бронзовая пластина, рассматриваемая как древнегреческое украшение и помещенная в каталог археологического музея (Лыткин Н. А., 1890, фото. 2, № 1), на самом деле изготовлена в Париже в начале XIX в. (Ж. де Бай. 1897, с. 313, 314). Осмотрел ученый и археологические памятники близ Тобольска, написав, что на месте «городища царя Кучума» осталось только пустое место и на нем зола, раздробленные кости, всевозможные остатки, образующие толстый и плотный слой, занимающий большое пространство земли.

Побывал Ж. де Бай и на городище Сузгун, отметив, что оно окружено со всех сторон глубокими оврагами и Иртышом, а также на Чувашском городище, рядом с которым располагались курганы, уже раскопанные (Ж. де Бай, 1897, с. 314).

Близ Тобольска им были проведены и собственные археологические исследования. Совместно с К. А. Шапошниковым 20 и 21 июля 1896 г. Ж. де Бай у д. Бизино раскопал три кургана. На средства начальника Тобольской губернии JL М. Князева было нанято более 20 рабочих. Уже во вторник, 30 июля, К. А. Шапошников сделал сообщение о проведенных работах в Тобольском музее (Доклад К. А. Шапошникова ..., 1896).

Всего было раскопано три кургана. В первом кургане был обнаружен скелет, рядом с которым, кроме железного ножа, у головы и в ногах стояло по одному сосуду. В насыпи были найдены: бронзовые гривны, два зеркала, спиральный браслет и до 120 стеклянных бусин. В этом же кургане в насыпи обнаружены 5 человеческих костяков, с двумя были кресты. Находка крестов позволила высказать предположение «что первоначально насельники д. Бизиной, не имевшие еще своего кладбища, воспользовались курганами».

Второй курган оказался ограбленным, в нем обнаружены обломки сосуда и гривна с расширенными концами, изображающими голову дракона. При исследовании третьего кургана были найдены: три костяка, лежащих один на другом головами, обращенными в разные стороны, кострище, перекрытое толстым слоем бересты, в нем остатки пережженных костей и бронзовая четырехугольная поясная пряжка с красивым орнаментом в форме точечных параллельных линий.

Барон Ж. де Бай высказал свое мнение, что курганы датируются 1000 годом до нашей эры и принадлежали древнему народу «Чудь» (Доклад К. А. Шапошникова ..., 1896). Основная часть находок из Бизинских курганов была увезена Ж. де Баем во Францию. В Тобольский же музей поступило только несколько бусин и обломков керамики.

Оказалась за границей и большая коллекция вещей, собранных М. С. Знаменским близ Тобольска. Она была куплена в 1897 г. при посредничестве А. К. Гейкеля в Москве для финского Национального музея, находящегося в г. Хельсинки. В 1917 г. А. М. Таллгрен опубликовал каталог этой коллекции. Коллекция содержала 2736 предметов. Большая часть вещей была найдена на Искере, а часть - на Чувашском мысу (Tallgren A. M., 1917).

В начале 1897 г. в Императорскую археологическую комиссию пришло письмо от Тобольского губернского агронома Н. JI. Скалозубова, являвшегося хранителем Тобольского музея. К письму была приложена фотография серебряного блюда, по краям которого шла надпись. Н. Л. Скалозубов сообщал, что это блюдо было осмотрено им в с. Мужах (Березовского округа) у прасола, который приобрел его у остяков с р. Сыне (левый приток Оби). Прасол согласен продать это блюдо за 25 рублей (ИИМК. Ф. 1. 1897. № 16, л. 1).

Вскоре в музей был отослан ответ за подписью А. Бобринского с выражением признательности и было послано 30 рублей на покупку и пересылку блюда. Уже в мае блюдо было приобретено и выслано в Петербург. О происхождении блюда сообщалось, что оно было выменяно у остяков на хлеб, так как в голодный год этими остяками русским торговцам было свезено много старинного серебра. Сообщил Н.JI. Скалозубов в Императорскую археологическую комиссию и другом круглом серебряном блюде с изображением в середине всадника в латах, которое он видел в с. Мужах у одного зырянина и которое тот приобрел у остяков. Была указана и цена за блюдо - 11 рублей. В этом же письме сообщалось, что в Березовском округе много остатков курганов. Например, около д. Белогорье у устья Иртыша, на Оби есть остров, где крестьяне отыскивают массу вещей. Очевидно, сообщает Н. JI. Скалозубов, там все еще не расхищено, ибо об этом острове ходят страшные рассказы и к нему боятся подступиться. Известно и большое городище около Карымкарских юрт. Было бы в высшей степени желательно, писал Николай Лукич, чтобы кто-нибудь из русских археологов посетил этот край, иначе можно опасаться, что зачастившие к нам иностранцы увезут все наиболее интересное.

Не могла не волновать Н. JI. Скалозубова и судьба Искера - столицы Сибирского царства. Им отмечено, что он скоро будет стерт с лица земли. Воды Иртыша размывают берег, и осталась нетронутой уже небольшая площадь. В Тобольском музее, отмечено далее, собрано немало предметов с Искера. «Но в Тобольске нет археологов, и коллекции музея остаются не описанными. Я очень бы просил Археологическую комиссию посоветовать мне, как поступить, чтобы иметь описание коллекций. Я мог бы выслать фотографии с картонов. Но можно ли по фотографиям назвать вещи, определить их значение. Можно было бы выслать и сами картоны, если бы Археологическая комиссия взяла на себя труд рассмотрения коллекций». Отмечены в письме и затруднения, с какими столкнулся хранитель музейных коллекций, недостаточность знаний для организации археологических коллекций, чтобы их не стыдно было бы показывать специалистам, чтобы иметь возможность знакомить широкую публику со стариной и значением археологических находок. А в последнем стояла острая нужда, посетители музея из крестьян, рассматривая предметы старины, живо интересовались ими и собирали для музея древние предметы. Заканчивал свое письмо Н. JI. Скалозубов просьбой выслать в музей образцы предметов для характеристики разных исторических эпох и археологические издания (ИИМК. Ф. 1. 1897. №16, л. 7 - 10).

Археологическая комиссия за подписью А. Бобринского оперативно ответила на письмо Н. JI. Скалозубова, выразив ему свою глубокую признательность, и сообщила, что блюдо, присланное хранителем Тобольского музея, судя по арабской подписи на нем, было изготовлено в XIII столетии для одного из Хорезмшахов. В письме содержалась просьба приобрести для нее и круглое серебряное блюдо с изображением всадника в с. Мужах и было на эти цели выслано 25 рублей. Поблагодарив Скалозубова за указание

местонахождения нескольких интересных археологических памятников, А. Бобринский отметил, что в будущем году в Березовский край ИАК предполагает отправить одного из своих членов для проведения раскопок, который бы помог Тобольскому музею в организации археологической коллекции. В письме содержалась просьба сообщить, в какое время удобнее всего производить раскопки в Березовском округе. Кроме того, в Тобольский музей было выслано несколько книг по археологии (ИИМК. Ф. 1. 1897. № 16, л. 13, 14).

Н. Л. Скалозубовым была выслана в ИАК и небольшая коллекция археологических предметов, собранная крестьянином С. С. Усовым. Для Тобольского музея Н. Л. Скалозубов оставил только зуб носорога, обратившись с просьбой, если ИАК сочтет возможным, передать на хранение эту коллекцию в Тобольский музей (ИИМК. Ф. 1. 1897. №16, л. 17 - 19).

Кроме того, Н. JL Скалозубов через березовского окружного исправника приобрел у остяков Куноватовской волости Алексея, Василия и Ивана Талыгиных серебреное блюдо с изображением всадника и выслал его в ИАК. Это блюдо, являющееся замечательным изделием сасанидского серебра, было ИАК передано в Эрмитаж.

Был отослан и ответ о возможности проведения археологического исследования в Березовском округе. Н. Л. Скалозубов написал, что по реке Сынской в летнее время провести исследование невозможно, так как аборигенные жители этой реки выезжают для рыбных промыслов на р. Обь и возвращаются на место зимних жилищ только к 1 октября, и проезд по реке возможен только с 1 ноября по 25 марта. Но исследования, по мнению Н. Л. Скалозубова возможны по р. Оби, им же был указан ряд памятников: очень известное у остяков городище Лорвош у Шурушкарских юрт, разрушаемое водой, - там находят наконечники стрел и какие то «китайские» вещи; около юрт Айвош поднимается высокий бугор (2-3 сажени высоты) - Тором-попам (божий клочок земли); около Белогорья есть какие то могилы, и там нередко находят чудские вещи (ИИМК. Ф. 1. 1897. № 16, л. 23, 24).

Летом 1897 г. священник с. Щекурьинского Березовского округа Василий Николаевич Герасимов провел археологические исследования в 5 верстах от села на месте Ляпинского городка. Еще 5 апреля 1897 г. из Тобольска в Императорскую археологическую комиссию ушел запрос о выдаче открытого листа В. Н. Герасимову на право производить археологические раскопки. В запросе губернатора отмечено, что В. Н. Герасимов хочет производить исследования в такой отдаленной, глухой и малодоступной местности, попасть куда в летнее время сопряжено с большими затруднениями, поэтому экспедиционный способ исследования является в высшей степени проблематичным. В то же время предполагаемые исследования крайне интересны для Тобольского губернского музея, и полученный материал мог бы пополнить археологическую коллекцию музея. К прошению губернатора был приложен отзыв епископа Тобольского и Сибирского, характеризовавшего В. Н. Герасимова как человека вполне благонадежного и по своим умственным и нравственным качествам вполне заслуживающего доверия и могущего принести своими трудами посильную пользу археологическим интересам (ИИМК. Ф. 1. 1897. № 67, л. 1 - 4).

Археологическая комиссия пошла навстречу просьбе губернатора, и открытый лист был выслан. Работы на городке проводилась 2, 4, 5, 7 и 8 августа. Уже 8 августа В. Н. Герасимов посылает письмо хранителю музея Н. Л. Скалозубову с описанием произведенных исследований. Перед началом работ о. Василий изучил правила о производстве археологических исследований по брошюре Е. Гаршина «Курганы, их раскопки и исследования. Подбор необходимых сведений». Раскопки производились двумя нанятыми, с оплатой по 60 коп. в день, рабочими и при участи псаломщика Н. М. Дмитриева. Работы велись под деревянной башней и вокруг нее, в русской казачьей избе и в кладовой, примыкающей к этой избе, и в трех юртах. Раскопкам мешала мерзлота, идущая на глубине в аршин и аршин с четвертью. Находки представлены оленьими, лосиными, заячьими и др. костями, черепками глиняных горшков, обрывками бересты со следами прошивки, частью оленьей упряжи из оленьей кости и железным прутом с двумя загнутыми в кольцо концами и штампом «МПА 734». Как сообщил Н. Л. Скалозубову В. Н. Герасимов, местные старожилы ему рассказывали, что лет за десять до начала работ приезжали сюда зимой какие-то нерусские люди, которые смотрели в трубу, не разрывая земли, и видели там гробы умерших и самые скелеты. Однако, как замечает о. Василий, «в этом я сильно сомневаюсь, да и раскопки не выявили здесь наличия могил» (НА ТГИАМЗ. № 901).

К 22 сентября 1897 г. В. Н. Герасимов закончил написание отчета в Императорскую археологическую комиссию, описав проведенные исследования. Заинтересовавшись рассказами о приезжавших иностранцах с трубой и расспросив очевидцев, смотревших в эту трубу, В. Н. Герасимов пришел к выводу, что это был стереоскоп (ИиМк. Ф. 1. 1897. № 67).

В 1898 г. в Тобольский губернский музей пожертвовал весьма ценную в научном отношении коллекцию предметов, относящихся к археологии, этнографии и флоре северного края, как отметил в своем докладе 31 октября 1898 г. консерватор музея Н. Л. Скалозубов, П. Ф. Тележкин (НА ТГИАМЗ. № 904).

В 1903 г., при ремонте памятника Ермаку, находящегося на Чукманском мысу в г. Тобольске, буквально в нескольких десятках шагов от здания музея, при разборке фундамента ограды, окружавшей памятник, было найдено четыре черепных человеческих кости. От комиссии по ремонту памятника находки поступили в музей (НА ТГИАМЗ. № 915).

В 1905 г. через библиотекаря музея была доставлена небольшая коллекция черепков, переданная в дар музею дьяконом Обдорской миссионерской церкви М. С. Мартемьяновым. Они были найдены на берегу реки

Оби, в 150 в. ниже Обдорска вблизи песка «Солимал». Там же находились железные вещи и человеческие черепа (НА ТГИАМЗ. № 937).

Хранящиеся в Тобольском губернском музее археологические материалы не остались незамеченными научной общественностью. Осмыслению этих древностей посвящена работа А. А. Спицына «Шаманские изображения», в которую включены рисунки многих предметов, хранящихся в музее (Спицын А. А, 1906).

Приличная коллекция находок с городища Искер была собрана живущим неподалеку И. Н. Бутаковым, который предложил их купить Тобольскому музею. В письме на имя Н. Л. Скалозубова И. Н. Бутаков перечислил бусы, стрелы, ножи, подпилок, две монеты и много других вещей, всего более 100 предметов. Вещи И. Н. Бутаков продавал по 25 копеек за штуку (НА ТГИАМЗ. № 937). В 1907 г. музей приобрел коллекцию у И. Н. Бутакова (Ивановский В. А., 1909).

В 1907 году крестьянин д. Беркульской (Тюковой), Кугаевской волости Тобольского уезда В. Я. Голубицкий принес в музей медного идола и предложил его купить. Вещь для музея была куплена, а из расспросов выяснилось, что он нашел эту вещь, когда пахал около бугра, находящегося на полях близ деревни (ИИМК. Ф.1. 1914. № 340, л. 18).

Первого февраля 1908 г. из Тобольского губернского статистического комитета в музей были переданы находки, найденные близ. д. Комиссарской. Находки обнаружил еще 17 мая 1907 г. М. П. Благинин, распахивая пашню на увале близ р. Катарлы, верст в 5 от д. Комиссарской Пятковской волости Ялуторовского уезда. Он нашел «человеческий череп и нижние челюсти, кроме того, два ржавых обрывка бронзовой цепочки, татарскую пуговицу, изломанную бронзовую скобку, бронзовую пластинку с ушком и двумя маленькими отверстиями; в десяти же шагах от первого места - раздробленный череп, челюсти, два глиняных черепка, бронзовую пряжку и костяной рог с бронзовой ржавой скобкой» (НА ТГИАМЗ. № 937).

В 1908 г. консерватор Тобольского губернского музея В. Н. Пигнатти разослал письма с просьбой о присылке в музей предметов могущих служить для изучения прошлого местного края. На письма откликнулись. Из г. Туринска - старший помощник надзирателя 4 участка Ш-го округа Тобольско-Акмолинского акцизного управления Смирнов, который посылкой прислал часть кольчуги, найденной в 1906 г. в курганах около с. Покровского Кокчетавского уезда Акмолинской области (НА ТГИАМЗ. Д. 924). А член-сотрудник Императорского Русского географического общества коллежский асессор В. И. Цибузгин содействовал пожертвованию в музей 24 мелких металлических вещей из коллекции жителя д. Аксеновой А. М. Ламбина. Эта коллекция состояла из глиняной трубки, одного большого металлического круга вроде громадного браслета, одного металлического изображения какого-то животного вроде собаки и разнообразных мелких блях. Вещи эти были собраны местными крестьянами д. Аксеновой Слободчиковой волости Тарского уезда из размытых рекой старинных курганов, находящихся на правом берегу р. Иртыш в двух верстах ниже деревни (НА ТГИАМЗ. Д. 924).

Еще одна археологическая коллекция была прислана Л. Р. Шульцем из с. Демьянского с «просьбою, сделать мне честь принятием их, как посильный дар». Коллекция состояла из кольчужной пластинки в числе около 15 подобных, найденной на берегу оз. Чагыря, находящегося приблизительно в 20 в. к ВСВ от юрт Цингалинских, бронзового наконечника от ножен и серебряного украшения с верхним и нижнем ободком из витой и сплющенной проволоки, найденных у соров к югу от юрт Эскинских. Предлагал Л. Р. Шульц обследовать верховья р. Салым и район юрт Цингалинских, где, по словам остяков, находятся семь городищ и где много находят посуды и медных вещей, и этот район до сих пор никем не обследовался (НА ТГИАМЗ. № 924).

Откликнулся на письмо В. Н. Пигнатти и страховой агент 1 участка Ишимского уезда. Старинных находок в его распоряжении, правда, не было, но он предложил свои услуги в раскопке кургана, расположенного близ с. Абатского. Не располагая средствами для таких исследований, он предложил от имени музея походатайствовать перед Императорским археологическим обществом или перед каким-либо другим об отпуске средств и даче разрешения на раскопки с тем, что все добытое из них было бы доставлено в Тобольский музей, справедливо полагая, что «эти курганы - не что иное, как могилы каких-нибудь древних знаменитых людей Сибири, и в недрах их, вероятно, немало скрыто поучительного для истории Сибири» (НА ТГИАМЗ. № 924).

В ноябре 1908 г. в Тобольский музей пришло письмо от политического ссыльного, бывшего учителя Т. И. Миронова из г. Сургута. Он предлагал свои услуги по обследованию памятников близ Сургута. На Барсовой горе им были обследованы ямы, из которых, по рассказам жителей, извлекли много разного рода оружия и других вещей, а в верстах 5-6 от Сургута, при впадении р. Черной в Обь, он обнаружил городище площадью около 700 кв. сажень. Однако Т. И. Миронов был ограничен в средствах, так как получал только пособие в размере 5 руб. в месяц, поэтому просил комитет музея выделить на исследования в Сургутском округе средства. В. Н. Пигнатти ответил на письмо, поинтересовавшись сметой и посоветовав занять деньги на исследования в Сургуте. Была выслана в Сургут и брошюра об археологических разведках.

Взяв кредит у местных купцов в размере 85 рублей, 10 мая 1909 г. Т. И. Миронов приступил к планомерным исследованиям. Уже к 13 мая ему удалось осмотреть Барсову гору, где было обнаружено много городищ, площадок, несколько кладбищ и неясных окопов. Разведочные раскопки дали несколько отшлифованных камней, черепки и украшения. Раскопки производились с зарисовкой и фотографической съемкой, а всему найденному сопутствовали нужные описания. Работы проводились Т.И. Мироновым до 12 августа, и при раскопках получен интересный разнообразный материал (НА ТГИАМЗ. № 924).

Находка в 1907 году медного изображения близ - д. Беркульской (Тюковой) заинтересовала консерватора Тобольского музея В. Н. Пигнатти, который в марте 1909 г. отправил в Императорскую археологическую комиссию письмо с просьбой о выдаче открытого листа на право производить раскопки кургана у д. Беркульской. Лист был выслан в Тобольск, но, однако, обстоятельства помешали В. Н. Пигнатти раскопать курган в этом году (ИИМК. Ф. 1. 1914. № 340).

Давние предложения Л. Р. Шульца об обследовании верховьев р. Салым воплотились в 1911 г., когда Тобольским губернским музеем были проведены широкомасштабные исследования р. Салым в составе члена музея и руководителя экскурсии Л. Р. Шульца, студента-естественника Б. Н. Городкова и художника Лебедева. Экскурсия выехала из Тобольска 21 июня и возвратилась только 18 августа. Кроме широких этнографических и ботанико-географических работ члены экскурсии предприняли раскопки на могильнике на озере близ юрт Кинтусовских. Исследования на могильнике дали большое количество металлических украшений, железных стрел, найдено было три целых глиняных сосуда (Шульц Л. Р., 1911; Городков Б. Н., 1911; Пигнатти В. Н., 1911).

В 1912 г. археологическая коллекция Тобольского музея пополнилась уникальной находкой. Л.Р. Шульц передал на хранение, найденное на Чувашском мысу, плоское деревянное изображение человеческой головы, деревянное основание которой было обернуто очень тонкой серебряной фольгой (Отчет за 1914, с. 7)-

Осенью 1914 года распорядительный комитет Тобольского музея, озабоченный ежегодным разрушением Искера, выступил инициатором проведения раскопок на городище с целью спасти предметы домашней утвари, оружие и украшения, содержащиеся в культурном слое этого замечательного памятника. Было отправлено ходатайство на право проведения раскопок в Императорскую археологическую комиссию. Разрешение было получено (вместе с открытым листом были высланы две брошюры о производстве разведок и раскопок), и в мае 1915 г. под руководством хранителя музея В. Н. Пигнатти были проведены широкомасштабные раскопки.

Городище исследовалось с 18 по 29 мая и 8 и 9 июня. Работали 6-10 рабочих. Для того, что бы собрать весь материал, использовались 3 грохота (решета для просеивания земли). Первоначально рабочие - местные крестьяне, - не понимая настоящих целей раскопок (считали, что таковой является обнаружение кладов), выбрасывали мелкие, по их мнению, ничего не значащие вещи, но после того, как за каждую целую вещь была назначена премия (10-20 коп.), рабочие стали зорко следить за каждым комком земли.

В. Н. Пигнатти было заложено несколько раскопов - исследовались жилая площадка городища, а также ров и прилегающая к Искеру местность. На самом Искере были исследованы остатки двух жилищ. В одном обнаружены остатки чувала, большое количество рыбьих костей и чешуи, а также грузила сетей. Другое жилище было, скорее всего, мастерской. Здесь были найдены формы для литья украшений, металлургические шлаки. Во рву были обнаружены два обезглавленных скелета.

Очень тщательно был исследован колодец у Сибирки, с которым были связаны рассказы о брошенных туда сокровищах Кучума. Колодец каких-либо находок не содержал и, по мнению В. Н. Пигнатти, являлся просто колодцем.

Около городища В. Н. Пигнатти исследовал хорошо заметные на полях круги, раскапывая их траншеями с запада на восток. Были раскопаны один большой и один маленький. Меньший содержал в центре насыпь, под ней нашли могилу с человеческим скелетом, от которого сохранились практически все кости, но вещей найдено не было. Большие круги были плоскими, состоящими из мелких холмиков. При раскопках большого круга также была выявлена одна могила, но кости были плохой сохранности и многих костей недоставало. В. Н. Пигнатти пришел к выводу, что все погребения были ограблены, так как кости скелетов лежали в беспорядке. Однако анализ текста полевого дневника оставляет возможным, что первое погребение было не грабленым.

В результате раскопок был получен большой вещевой материал, достаточно полно характеризующий культуру и быт татарского населения Искера, а также находки, относящиеся ко времени пребывания там казаков Ермака. Установил В. Н. Пигнатти и то, что задолго до существования столицы Сибирского ханства на этом месте был «чудской городок» (ИИМК. Ф. 1. 1909. № 54; Пигнатти В. Н., 1915).

Исследования Искера вызвали широкий интерес. Доклад В. Н. Пигнатти «Искер» был заслушан на общем собрании членов музея 14 октября 1915 г. (НА ТГИАМЗ. № 925). Докладчик охарактеризовал:

1) историческое прошлое Искера;
2) Искер в настоящем;
3) раскопки Искера в 1915 году;
4) коллекцию находок на Искере,

Кроме того, в этом же году им была опубликована статья «Искер (Кучумово городище)» (Пигнатти В.Н., 1915).

Осенью 1915 года распорядительный комитет Тобольского музея, по просьбе В. Н. Пигнатти, выслал запрос в ИАК о выдаче открытого листа на право производства раскопок Тюковского кургана. Открытый лист был выдан, но только в сентябре 1916 года под руководством В. Н. Пигнатти курган, находящийся в верхнем течении р. Рогалихи, близ д. Беркульской (Тюковой), в 14 км к западу от Тобольска, был раскопан. Отчет о раскопках кургана был отправлен В. Н. Пигнатти в ИАК. Курган располагался в 300 саженях от деревни на четырехугольном мысу реки. Насыпь со всех сторон распахивалась, а лет за тридцать до раскопок здесь был смешанный лес, выкорчеванный крестьянами. Курган к моменту раскопок имел только травяной покров. Его

диаметр был 25,6 м, а высота посредине - около 4 метров. В насыпи кургана прослеживалось две ямы, каждая глубиной около аршина. Обе ямы были вырыты местными крестьянами, одна - для жжения угля, другая - лет двадцать до раскопок - в целях отыскания клада, так как по преданию в темной ночи на кургане горел огонек. Однако, выкопав яму глубиной с сажень, искатели клада не нашли ничего, решили, что клад не дается. Раскопки продолжались пять дней, работали 25 человек.

Курган был раскопан следующим образом. Вначале траншеей с запада на восток шириной в 4 м, глубиной до подпочвы курган был разделен на две половины, затем такой же траншеей с севера на юг рассечен на 4 сегмента, которые, в свою очередь, рассечены были такими же траншеями. Несмотря на довольно-таки детальное исследование насыпи кургана и наличие специальных прокопов для поиска могильных ям, остатки погребений выявлены не были. Насыпь кургана состояла из насыпной земли с обильным количеством растительного перегноя. В одном месте, ближе к центру, были обнаружены совершенно истлевшие стволы берез около полуаршина в диаметре, поваленные с вывороченными корнями. В средине кургана на глубине 2 аршина обнаружены были остатки мусора, оставшегося от кладоискателей, среди него была и металлическая штампованная ложка с клеймом 1863 года. В насыпи кургана в его верхних слоях в северной части были найдены кости молодой лошади, а почти у основания - кости тура (одиннадцать зубов и две трубчатые кости). Кроме этих костей, в насыпи были найдены в разных местах по одиночке почти по окружности и на глубине считая от растительного покрова около одного аршина три глиняных сосуда, четыре литых бляшки из белой бронзы, наременная накладка, медная гривна, серьга и бронзовое зеркало, фрагменты керамики, обломки камней. Находки из кургана были пожертвованы В. Н. Пигнатти, производившим раскопки на собственные средства, Тобольскому музею (ИИМК. Ф. 1. 1914. № 340).

Кроме того, в этом же году близ д. Тюковой на глубине 1,5 сажени, в слое глины, В. Н. Пигнатти вместе с костями мамонта были найдены два камня, которые поступили в музей. Их инвентарные номера 5392 и 5393 (Книга поступлений „..).

На 1916 г. Тобольский губернский музей запрашивал у Императорской археологической комиссии открытый лист на право производства раскопок около п. Курганского Ново-Ягодинской волости Тарского уезда Тобольской губернии. Однако ввиду наводнения близ села раскопок проведено не было и открытый лист за № 669 был возвращен (НА ТГИАМЗ. № 920).

В 1916 г. к В. Н. Пигнатти попал обломок тонкой серебряной обкладки от пластинки. Не зная датировки и назначения пластинки, В.Н. Пигнатти обратился к проживающему в г. Тюмени частному поверенному П. А. Городцову, увлекающемуся археологией, с просьбой дать адрес его брата, известного археолога, старшего хранителя Императорского Российского исторического музея В. А. Городцова. Василий Алексеевич с любезностью откликнулся на просьбу о помощи в определении пластины, фотография которой была ему выслана В. Н. Пигнатти. Однако назначение пластинки осталось не ясным и ему. Несмотря на многие тысячи экспонатов, находящихся в историческом музее, подобной пластины в нем не оказалось. Только из Императорской археологической комиссии пришел ответ о том, что эта пластинка представляет собой прибор, защищающий руку от удара тетивы при стрельбе (НА ТГИАМЗ. № 937). Сама пластина была передана в 1917 г. В. Н. Пигнатти в Тобольский музей.

В 1916 г. музею были переданы в дар археологические находки, сделанные на оз. Тумане Туринского уезда А. Jl Шешуковым, среди которых находилось бронзовое изображение оленя (НА ТГИАМЗ. № 934).

27 января 1917 г. Тобольскому музею вновь был выдан открытый лист на право производства раскопок у п. Курганского Ново-Ягодинской волости. Однако начавшаяся революция опять не позволила провести там археологические исследования.

Последним аккордом дореволюционной истории стал «Путеводитель по Тобольскому губернскому музею», вышедший уже после падения самодержавия. В составлении каталога приняли участие консерватор В. Н. Пигнатти, Т. П. Гладышева, О. А. Куминова, редактирование осуществлял В.А. Ивановский. Отдел X посвящен археологии и истории. Раздел открывается кратким историческим очерком. Отмечено, что древнейший период в истории человечества принято называть каменным веком, так как орудия труда делались из камня. Затем начинается бронзовый век, а позже бронзы появляется железо. Отдел археологии открывался витриной, относящейся к каменному веку. В ней были выставлены каменные топоры, долото и кирка, камни в роде клина и молотка. Здесь же были помещены и изделия из кости: наконечники стрел, напрясла, другие предметы.

Пожалуй, самой интересной была витрина с коллекцией «чудских вещей»: сюда входили многочисленные бронзовые изображения людей, животных и птиц, украшения, зеркала и много других предметов.

Еще одна витрина была посвящена гончарному искусству. В ней были выставлены целые керамические сосуды и их обломки. Вполне справедливо отмечено, что «образцы этих изделий замечательны обилием, разнообразием и сложностью рисунков, которыми они покрыты, очевидно, у людей, их изготовлявших, не только были хорошие инструменты в руках, а был развит и художественный вкус».

Две витрины были посвящены городищам на Чувашском мысу и Искеру. Относительно материала с Чувашского мыса был сделан очень важный вывод о двухслойности памятника. Очень полно в музее был представлен быт татарского населения по находкам с городища Искер (Краткий путеводитель ..., 1919),

Начавшаяся революция надолго прервала археологические исследования окрестностей Тобольска. Советская власть потихоньку свернула краеведческое движение на местах, а столичные исследователи долго не

проявляли интереса к бывшей столице Сибири, ставшей заштатным городом. Тобольский музей в связи с отсутствием средств и подготовленных кадров практически прекратил всякую экспедиционную деятельность. Стали весьма редкими и передачи в музей случайно найденных древностей. Отдельные энтузиасты занимались изучением истории края без всякой поддержки со стороны стоящих у власти коммунистов, а богатых меценатов уже не стало. Так, в 1922 г. сотрудник музея Г. И. Симонов собрал и передал в музей 220 обломков глиняных сосудов, собранных им на Сузгуне, а в 1924 г. В. И. Полтавцев пожертвовал 2 фрагмента керамики, найденных им на берегу р. Оби, против Сосновских юрт (НА ТГИАМЗ. № 925).

В Тобольске одним из сподвижников краеведения был сотрудник музея М. П. Копотилов, который летом 1928 г. передал в музей фрагменты глиняных сосудов, собранных им на сопке Сузгэ. В 1929 г. им же была опубликована краеведческая инструкция «Курганы и городища Тобольского округа и их изучение». Перечислив целый ряд археологических памятников, среди которых у Тобольска отмечены городище и курганы на Чувашском мысу, Савинский курган и городище Сузге-Тура, всем местным краеведческим ячейкам и отдельным краеведам предлагалось проверить их наличие и степень сохранности и пополнить список памятниками, в него не попавшими (Копотилов М. П., 1929).

В 1934 г. ряд сибирских музеев объехал С. В. Иванов, видный столичный этнограф, много сделавший для изучения орнамента народов Сибири. В следующем году в журнале «Советская этнография» появилась небольшая заметка с краткой характеристикой ряда музеев Сибири. Немало места в статье отведено Тобольскому музею, в штате которого в это время работали только директор, секретарь, один научный сотрудник и библиотекарь. Музей, даже несмотря на довольно критический анализ, проведенный С. В. Ивановым, смотрится среди других музеев Западной Сибири - Тюменского, Томского - как крупное музейное собрание, неплохо оформленное, и те нововведения, которые появились в духе времени - классовый подход - не сильно отразились на состоянии музея. Археология, ввиду отсутствия специалиста, в музее была представлена не приведенными в систему вещами бронзового литья и находками с Искера (Иванов С. В., 1935, с. 114, 115).

В 1936 г. в Тобольске приехавшими из московского Центрального бюро краеведения В. Г. Карцевым и М. И. Карцевой, а также сотрудниками музея И. Д. Смирновым и М. П. Копотиловым были осмотрены городище и курганы на Чувашском мысу и городище Сузгэ-Тура. Осенью этого же года И. Д. Смирнов с тремя рабочими решил исследовать Потчевашский могильник, выбрав для раскопок курган № 2, ближайший к городищу. Им были поставлены две задачи. Первая заключалась в следующем: так как курганы № 1 и 2, раскопанные А. И. Дмитриевым-Мамоновым, не содержали вещей, то, может быть, это не курганы, а подобие курганов сторожевой Белгородской черты, которые были сторожевыми насыпями, входившими в общую систему укрепления татарской крепости. Вторая задача - это проверка методики раскопок А. И. Дмитриева-Мамонова. В результате работ И. Д. Смирновым была найдена керамика в насыпи кургана и остатки двух костяков, что подтвердило, что холмы - это остатки погребальных сооружений (НА ТГИАМЗ. № 116).

В 1936 г. в музей поступили собранные М. П. Копотиловым фрагменты керамики с Чувашского мыса. Им же в этом же году в журнале «Советская Арктика» была помещена небольшая заметка о Тобольском музее, в которой говорилось, что в отделе «История общественных формаций» был помещен археологический материал, представленный бронзовыми украшениями и культовыми предметами с «ярко выраженным по тематике и стилю влиянием древневосточных культур - Ассиро-Вавилонии, Египта и Греции». В экспозиции были представлены медные зеркала, скифские котлы, которые, по мнению автора, принадлежали древнему народу «сибир», заселявшему край до прихода сюда ненцев, хантов и манси (Копотилов М. П., 1936, с. 104).

В послевоенные годы археологические исследования у Тобольска связаны с замечательными московскими археологами, исследователями Сибири В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской. В 1948 г. ими были проведены разведочные работы близ Иоанно-Введенского монастыря, у которого выявлены городище и курганный могильник, на котором исследователи насчитали 15 курганов. В этом же году на могильнике было вскрыто несколько курганов, которые датировались авторами I тыс. до н. э. В этом же году, работая с коллекциями Тобольского музея, исследователи обратили внимание на хранящиеся сборы керамики В. К. Имсена с сопки, известной под названием Сузгэ-Тура, близ юрт Сузгунских. Материалы их заинтересовали, и поэтому они предприняли разведочные работы в урочище Сузгун. Вначале основное внимание было уделено сопке на вершине которой располагалось хорошо видимое городище. Разведочные работы показали, что городище двухслойное, под слоем XIII - XIV вв. залегал сильно разрушенный слой эпохи поздней бронзы. Исследования вокруг городища позволили выявить еще один памятник Сузгун И, расположенный в ложке под сопкой и имеющий мощный культурный слой с многочисленными находками. В 1948 году на поселении был вскрыт разведочный раскоп общей площадью около 50 кв. м (Жук А. В., 2005, с. 17). Работы на этом поселении были продолжены ив 1950 году. Всего за два года был вскрыт раскоп общей площадью 107 кв. м (Мошинская В. И., 1957, с. 116, 117).

В 1951 г. В. Н. Чернецов проводит свои исследования на городище Потчеваш. Не располагая возможностями для широкомасштабных исследований, В. Н. Чернецов ограничился заложением четырех небольших раскопов для выяснения стратиграфии памятника. Раскоп I был разбит на краю городища у обрыва Киселевой горы, II и III - на бровке крутого ложка, IV - поперек вала и рва внутреннего городища. В первом раскопе было выявлено наличие двух разновременных слоев. Нижний культурный горизонт содержал ту же керамику, что и на поселении Сузгун II, верхний культурный слой одновременен городищу. Толщина этого слоя сильно варьировала в шурфах от 10-15 см до 1,5 м, что объясняется попаданием шурфа II на котлован

землянки. Стратиграфический разрез через внутреннюю систему укрепления показал, что она подновлялась неоднократно (Чернецов В. Н., 1951).

Работа с археологическими коллекциями Тобольского музея во многом помогла В. Н. Чернецову в работе над культурно-хронологической периодизацией средневековых памятников Западной Сибири (Чернецов В. Н., 1957).

В 1960 году Западно-Сибирский отряд исторического факультета МГУ под руководством Г. Е. Маркова проводил археологическое обследование памятников Тобольского и Вагайского районов, связанных со средневековой историей западносибирских татар. Близ Тобольска отряд обследовал городище «Махмет-Кула» (Потчеваш), констатировав, что раскопки городища, особенно частичные, едва ли целесообразны, а вскрытие всей площади при значительных материальных затратах дало бы. незначительные научные результаты (Марков Г. Е., 1960).

В 1969 г. на городище Потчеваш проводил разведочные работы отряд Уральской археологической экспедиции под руководством Н. В. Федоровой, которая заложила на городище 6 шурфов размером 2 х 2 м. В шурфах зафиксированы очертания жилищ и ям, был выявлен характер напластований в жилищах и в межжилищном пространстве. Получен небольшой датирующий материал. В 1970 г. Н. В. Федорова продолжила изучение городища. Были заложены 2 раскопа общей площадью 90 кв. м. Первый в юго-восточном углу внутренней площадки городища, второй невдалеке от первого между двумя системами укреплений. В раскопах были выявлены остатки полуземлянки и остатки погребения эпохи поздней бронзы (Федорова Н. В., 1974).

С 1970 года в Тобольске появляется первый профессиональный археолог - житель города. Сотрудница Тобольского музея-заповедника (с начала 80-х - пединститута) И. А. Сыркина регулярно на протяжении 70-х и в первой половине 80-х годов получала в институте археологии РАН открытые листы и проводила археологические исследования как в окрестностях Тобольска, так и в Тюменской области. В 1970 г. ею были обследованы остатки разрушенных при земляных работах погребений на Чукманском мысу и место нахождения еще в 1962 г. клада, состоявшего из бронзовых дисков (Сыркина И. А., 1970). В этом же году экспедицией под руководством московского археолога В. А. Могильникова и И. А. Сыркиной было начато исследование городища Ивановское, где был заложен раскоп общей площадью 94 кв. м. В 1971 г. раскопки на городище были продолжены И. А. Сыркиной (Сыркина И. А., 1971). В 1972 и 1973 гг. Инна Андреевна проводит исследование на городище Ипкуль XIII в Нижнетавдинском районе Тюменской области (Сыркина И. А., 1972-1973), а в 1974 г. - большие разведочные работы в Заболотье по р. Лайме (Сыркина И. А., 1975а, с. 235) и раскопки на городище Илек-Алып близ с. Лайтомак (Сыркина И. А., 1974);

Большие археологические исследования были поведены И. А. Сыркиной в 1975 и 1976 гг. на городище Базабырь в Тобольском районе Тюменской области (Сыркина И. А., 19756; 1976). Кроме того, в 1976 г. проводятся разведочные работы в Викуловском и Шурышкарском районах (Сыркина И. А., 1976). В 1977 г. И. А. Сыркиной проводятся серьезные исследования на Борковском городище и Белой горе (Сыркина И А., 1977). В 1978 г. под руководством И. А. Сыркиной проведены разведочные работы в Уватском районе Тюменской области, где выявлено восемь памятников (Сыркина И. А., 1979, с. 274, 275). В 1979 г. были продолжены работы на Борковском городище (Сыркина И. А., 1980а, с. 237). В 1980 году археологические исследования проводятся на поселении Усть-Барсук в Викуловском районе (Сыркина И. А., 19806; 1981, с. 215), а в 1982 г. исследуется Мало-Ярковское городище (Сыркина И. А., 1982). В этом же году совместно с А. В. Растороповым исследуется Солянкинский могильник в Уватском районе (Сыркина И. А., Расторопов А. В., 1982). В 1983 г. И. А. Сыркина продолжила свои работы на поселении Усть-Барсук (Сыркина И. А., 1985, с. 245), а в 1986 г. - на городище Ипкуль XIII (Сыркина И. А., 1987, с. 285, 286).

Во второй половине 70-х годов в Тобольский государственный историко-архитектурный музей заповедник пришел работать А. В. Малышкин, проведший в 1977 году обследование археологических памятников на р. Конде (Малышкин А. В., 1978, с. 252).

В первой половине 80-х годов в Тобольском государственном педагогическом институте сложилась группа молодых археологов, проводивших широкие, в основном, хоздоговорные работы на территории всей Тюменской области. В нее вошли приехавшие из г. Самары А. В. Расторопов и С. И. Шумайлов, из г. Омска - В. Т. Галкин, из Свердловска (теперь Екатеринбурга) - Г. П. Визгалов, а чуть позднее - окончившая Уральский университет коренная тоболячка Л. Н. Сладкова.

Кроме больших разведочных работ молодые исследователи раскапывают разновременные археологические памятники в Тюменской области. А. В. Расторопов исследует памятники эпохи раннего железного века и средневековья (Расторопов А. В., 1982; 1985, с. 237, 238). В. Т. Галкин активно исследует памятники сузгунской культуры (Галкин В. Т., 1986; 1987; 1988; 1989; 1991а; 19916), Г. П. Визгалов - памятники эпохи неолита - раннего металла (Визгалов Г. П., 1986; 1987, с. 231, 232). В 1986-87 годах группа прекращает свое существование из-за переезда основных участников в другие города.

Из археологических исследований проводимых этой группой у Тобольска, нужно отметить В. Т. Галкина, который в 1984 г. обследовал оставшуюся после разрушения «Лысой горы» в результате строительства железнодорожного моста через р. Иртыш часть поселения Сузгун 2. Им был зафиксирован непотревоженный участок культурного слоя сузгунского времени, заложен шурф размером 2 х 2 м. В 1986 г. на поселении им же был заложен раскоп общей площадью 32 кв. м. Практически сразу же после завершения

исследований при строительстве второй колеи железной дороги остатки уникального памятника были полностью уничтожены (Галкин В. Т., 1986).

В 1986 г. по заказу Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника группой студентов педагогического института под руководством специалиста-археолога П. А. Беляева проводились археологические исследования городского вала. Для исследований был выбран сохранившийся, но достаточно поврежденный участок вала стометровой длины, располагавшийся в восточной части города, недалеко от оврагов, в промежутке между оградой военкомата и проездом Радищева. В восточной части участка ниже линии погребенного дерна, были сделаны зачистки осыпи площадью в плане 110 кв. м, выявившие границу уничтоженной части вала со рвом. На вершине вала недалеко от разреза был заложен раскоп шириной по валу 4 м, длиной поперек вала 6,5 м, в котором были обнаружены остатки деревянных сооружений (Беляев П. А., 1986).

В 1986 году в Тобольский государственный педагогический институт из города Омска приезжает на работу И. Г. Глушков, который создает лабораторию экспериментальной археологии при Тобольском пединституте. В состав лаборатории входят омичи Т. Н. Глушкова, Н. Ю. Поршукова (Адамова), З. В. Степаненкова и выпускники Тобольского пединститута - В. Г. Васильев, Т. М. Захожая, А. В. Кенинг, Т. Н. Собольникова, А. В. Соколков. В Тобольском пединституте продолжает работать и Л. Н. Сладкова, которая исследует памятники лозьвинской культуры на р. Конда.

Сотрудники лаборатории проводят исследования по выявлению и исследованию археологических памятников. Плодотворно работают в области экспериментальной археологии, проводя исследования и эксперименты по изучению древней керамики, ткачества, домостроительства, металлургии, этноархеологии. Эти работы нашли свое отражение в трех выпусках сборников «Экспериментальная археология» (1991; 1992; 1994), сборника «Керамика как исторический источник» (1996), докторской диссертации, а затем и книги И. Г. Глушкова (Глушков И. Г., 1995; 1996). Материалы археологических исследований нашли отражения в защитах кандидатских диссертаций (Глушкова Т. М., 1993; Захожая Т. М., 1995; Адамова Н. Ю., 1996; Кенинг А. В., 1997; Собольникова Т. Н., 1999), статьях (Адамова Н. Ю., 1994а; 19946; 1994в; Глушкова Т. М., 1990; 1991; Захожая Т. М., 1990; 1991; 1993; 1994; Кениг А. В., 1995; 1996; Собольникова Т. Н., 1993; 1994; 1996; Соколков А. В., 1991). В 1996 году лаборатория при Тобольском пединституте прекращает свое существование в связи с переездом ее сотрудников в г. Сургут.

С 1990 года возрождаются археологические исследования и Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. В нем начитают работать А. А. Адамов, переехавший в Тобольск из г. Новосибирска, и Л. Н. Сладкова. В 1990-х годах проводятся широкие археологические исследования по выявлению новых археологических памятников (Адамов А. А., 1992; 1997а; Сладкова Л. Н., 1992; 1993; 1998). Раскопки средневековых памятников проводятся А. А. Адамовым (1992; 1996; 19976; 1999; 2003в; 2005ж; 2006г) и Л. Н. Сладковой (2006). Среди исследованных памятников нужно отметить работы на городище Потчеваш. Раскопки городища Потчеваш велись в 1994 году совместной экспедицией Тобольского государственного педагогического института и Тобольским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником. В раскопе исследованы остатки одного полуземляночного жилища. Получен богатый вещевой материал потчевашской и усть-ишимской культур (Адамов А. А., 19976). Памятники эпохи неолита и бронзы исследует Л. Н. Сладкова (2000; 2003; 2004).

В 1998 г. Тобольским музеем-заповедником и Научно-аналитическим центром проблем сохранения культурного и природного наследия «АВ КОМ - Наследие» (г. Екатеринбург) на территории Тобольского района проводились разведочные работы по выявлению и изучению археологических объектов в окрестностях г. Тобольска. Всего в результате работ было выявлено 19 новых археологических памятников (Цеменков А. Е., 1998).

С конца XX в. начинаются широкие работы по исследованию культурного слоя г. Тобольска силами сотрудников Тобольского музея-заповедника. В 1998 г. научный сотрудник музея Л. Н. Сладкова проводила археологические исследования на территории бывшей усадьбы купца Неудачина на перекрестке ул. Октябрьской и Войкова (Сладкова Л. Н., 1998). Исследования выявили наличие культурного слоя XVIII-XX вв. мощностью до 1,5 м. В слое были выявлены следы нескольких городских пожаров в виде прослоек угля.

В 2000-2001 гг. А. А. Адамов произвел раскопки на месте строительства Иконной лавки в Тобольском кремле, в ходе которых были обнаружены фундаменты квадратной наугольной башни, остатки крепостных стен конца XVII в. и фундаменты первой консистории (Адамов А. А., 2000; 20016).

В 2001 г. Л. Н. Сладкова исследовала участок на усадьбе П. П. Ершова. Площадь раскопа составила 52 кв. м, однако выбранный участок был исследован на глубину 80 см от уровня дневной поверхности из-за выступивших грунтовых вод. В результате раскопок был получен материал, относящийся к концу XIX - первой половине XX в. (Сладкова Л. Н., 2001)

Археологические исследования, производимые А. А. Адамовым в двух залах Дворца наместника в 2001 и 2003 гг., обнаружили здесь остатки «Зелейного» (порохового) погреба второй половины XVII века. Погреб был исследован частично, так как значительная его часть находится вне пределов здания. Кроме погреба раскопки выявили здесь двенадцать погребений существовавшего здесь христианского кладбища при Вознесенской церкви, которые можно датировать предварительно XVII веком. В раскопах во Дворце наместника был исследован ровик саргатского кургана (Адамов А. А., 2001а; 2003а).

В 2004 г. под руководством А. А. Адамова проводились исследования на территории Тобольского музея-заповедника, в ходе которых были выявлены фрагменты сооружений - остатки погребов и иолуземляночных котлованов, каменных построек (Адамов А. А., 2004).

В 2004 г. Л. Н. Сладковой на территории прихода церкви Петра и Павла были заложены два разведочных шурфа площадью 8 кв. м с целью выявления культурного слоя в этой части города. Мощность культурного слоя в шурфах составила 110 -170 см. В шурфе 2 был выявлен угол углубленного в материк на 130 см деревянного сруба, назначение которого выяснить не удалось (Сладкова Л. Н., 2004).

В 2005 году под руководством А. А. Адамова проведены исследования в Софийско-Уепенском соборе, а также снаружи, на примыкающей к храму территории (Адамов А. А., 20056). В результате были изучены 21 архитектурный объект, датируемые XVII-XIX вв., среди которых можно назвать фундаменты каменной ограды Софийского двора и западных Святых ворот конца XVII века. Были расчищены также и 7 каменных склепов XVIII - начала XX вв. (сами склепы, по ночам, в отсутствие археологов, были разобраны представителями епархии), в которых были захоронены останки представителей высшей церковной иерархии Тобольска. Также при проведении исследований было выявлено христианское кладбище XVII века, которое функционировало при деревянной Софийской церкви, а при строительстве каменного Софийско-Успенского собора оказалось внутри церкви.

В том же году были проведены археологические исследования на месте строительства общежития на 400 мест Тобольской епархии (Адамов А. А., 2005з). Из не менее чем 1200 кв. м., которые занимал котлован здания, исследовать удалось только 115 кв. м. Остальная площадь была уничтожена при строительных работах с молчаливого одобрения епархии. А ведь здесь находился воеводский двор, о котором мы практически ничего не знаем и культурный слой здесь имеет особенную ценность. В самом раскопе были выявлены подпольные ямы жилых деревянных построек XVII века.

Осенью 2005 г. на территории Софийского двора были заложены шесть траншей для подводки водопровода и канализации к объектам кремля (Адамов А. А., 2005г). В районе архирейской бани были выявлены погребения христианского кладбища, полуземляночные сооружения хозяйственного назначения XVII века, остатки каменных фундаментов архитектурных сооружений XVIII - XIX вв.

Благоустройство смотровой площадки Тобольского кремля в 2005 г. вызвало необходимость проведения археологических исследований на этом участке. Было заложено 12 шурфов общей площадью 52 кв. м (Адамов А. А., 2005д). В результате были изучены как фундаменты современных крепостных стен, так и остатки оборонительных сооружений прошлого.

Осенью 2005 г. в Саду Ермака было заложено 3 шурфа. В ходе раскопок изучен слой раннего железного века и средневековья, кроме того, исследованы остатки срубной деревянной постройки, заглубленной в материк, время строительства которой можно предварительно датировать концом XVII - XVIII вв. Шурфовка подтвердила и наличие у памятника Ермаку захоронений жертв белого террора (Адамов А. А., 2005в).

В 2005 г. небольшие археологические исследования и надзор за строительными работами были проведены на двух Тобольских церквях - Захария и Елизаветы, Петра и Павла (Адамов А. А., 2005а; 2005е).

В 2006 г. под руководством А. А. Адамова производились археологические исследования на территории объекта «Здание судебной губернской управы». Здесь, в траншеях, были выявлены остатки культурного слоя раннего железного века и слой XVIII века. Кроме того, обнаружены остатки каменных и деревянных сооружений, которые можно предварительно датировать первой половиной XVIII в. (Адамов А. А., 20066). Локальные археологические исследования проводились и на Крестовоздвиженской церкви (Адамов А. А., 2006а).

В этом же году А. А. Адамов произвел исследования на улице Семена Ремезова в рамках проводимой дорожниками реконструкции дорожного полотна. Из многих тысяч квадратных метров, уничтоженного под дорожным полотном культурного слоя, удалось исследовать только площадь в 153 кв. м. В раскопе были выявлены деревянные сооружения, которые образуют собой единый комплекс - усадьбу, образованную остатками рубленого жилого помещения, остатками ограды, остатками мостовой улицы. Кроме того, собран массовый материал, относящийся преимущественно к концу XVII-XVIII вв. Около двухсот предметов было отнесено к категории индивидуальных находок (Адамов А. А., 2006в).

В 2006 году сотрудники Тобольского музея-заповедника провели разведочные работы в Тобольском и Вагайском районах Тюменской области (Балюнов И. В., 2006в; Данилов П. Г., 2006г). Был выявлен ряд новых археологических памятников, обследованы уже известные, в частности городище Искер (Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г., 2006). В г. Тобольске выявлено поселение Панин бугор 1 (Данилов П. Г., 2006г).

В 2007 году на территории Тобольского Кремля был проведен археологический надзор во время строительства нового дорожного полотна и пешеходных дорожек. Результатом исследований явилось: выявление основных особенностей культурного слоя, обнаружение и изучение остатков северной крепостной стены XVIII в., а также сбор предметов материальной культуры (Балюнов И. В., 2007ж).

Кроме того, были произведены археологические исследования у южного фасада Дворца наместника, где выявлены и изучены основные конструктивные особенности остатков фундаментов, получена коллекция предметов материальной культуры, среди которых выделяются фрагменты керамики раннего железного века (Балюнов И. В., 2007г).

Были проведены и археологические исследования в Тобольском Кремле на местах строительства новых подстанций и прокладки нового электрокабеля. В двух раскопах выявлены остатки деревянных сооружений

XVII-XVIII вв., христианского кладбища XVII века у северо-западной башни Гостиного двора, а также сбор предметов материальной культуры XVII-XVIII вв. (Балюнов И. В., 2007д).

Кроме того, в 2007 году на территории Тобольского Кремля проводила археологические исследования экспедиция Тюменского государственного университета. Исследованию подвергся культурный слой на месте предполагаемого строительства фонтана, а также исследован участок дороги по ул. Октябрьская, где был выявлен хорошо сохранившийся участок острожной стены.

www.tobolsk-expedition.ru

Глава II

Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей

1. **Тобольск.** Город Тобольск, один из старейших городов за Уральским хребтом, основан в 1587 г. Культурный слой его располагается на огромной территории, как в подгорной части, так и на горе. Несмотря на многочисленные современные перекопы, особенно в нагорной части, все еще сохраняется множество участков с ненарушенным культурным слоем. Культурный слой в нагорной части распространяется до земляного вала 1688 г. и достигает наибольшей мощности не менее 1,5 м в Кремле. В подгорной части культурный слой еще мощнее, и из-за высокой влажности в нем неплохо сохраняются остатки деревянных строений. Считать Тобольск археологическим памятником совершенно справедливо предложил еще П. А. Словцов. К сожалению, интенсивные археологические исследования города начались только в XXI веке, а под горой еще не вскрыто до материка профессиональными археологами ни одного метра культурного слоя. В то же время в результате широких реставрационных работ и нового строительства растет интенсивность уничтожения непотревоженных участков культурного слоя. Особенно тревожная ситуация сложилась в подгорной части, где осуществляется массовое современное строительство в исторической части города. Здесь толщина культурного слоя достигает 4 метров, а сохранность органических материалов позволяет надеяться на массовые находки из дерева, кожи, материи, датирующиеся XVII-XVIII вв. Охрана культурного слоя должна быть первостепенной задачей административных органов города и области. Однако существовавшая **в** Тобольске Дирекция по сохранению культурного наследия после реорганизации была ликвидирована в 2006 году.

Словцов П. А., 1834.

2. Земляной вал г. Тобольска. Представляет собой оборонительный обвод города, сооруженный в 1688 г., проходивший некогда с напольной стороны «верхнего города» примерно на 300 м севернее старой стены острога по необжитой территории. Состоял из земляной насыпи и рва, укрепленных деревянными башнями. Всего на валу, образовавшем в плане выгнутую наружу изломанную линию, было 4 башни. Начинался вал от обрыва к Иртышу, где стояла в 10 саженях (21 м) от обрыва глухая «наугольная» башня. Через 127 саженей 2 аршина 2 вершка (270 м) стояла проездная Троицкая четырехугольная башня шириной 8,5 м. Через 137 саженей и 9,5 вершков (306 м) стояла шестиугольная Воскресенская башня шириной 12,8 м. Последний отрезок земляных укреплений длиной 270 саженей и 8 вершков (576 м) упирался в яр оврага, на котором стояла глухая четырехугольная башня шириной 8,5 м. Средняя высота вала, согласно источникам, составляла 3,6 м, ширина - 7,8 м. С внешней стороны вала находился ров средней глубины 4,3 м и такой же ширины.

К настоящему времени полностью сохранилась часть вала от Троицкого до Воскресенского проездов (высота вала здесь близка к первоначальной и местами прослеживается даже бруствер с напольной стороны вала). К 1986 году частично сохранились крайняя восточная часть вала и пролет от Воскресенского проезда к востоку. Высота вала здесь достигала 2,5 м; глубина рва, сильно затянутого и замусоренного, около 3,5 м. В 1986 г. вал раскапывался археологом П. А. Беляевым, который исследовал участок в восточной части города недалеко от оврагов. Траншеей, перерезавший вал, были выявлены остатки деревянных сооружений, находящихся на его вершине.

Беляев П. А., 1986; Кочедалюв В. И., 1963; Сметные списки 1885.

3. Курганный могильник Троицкий мыс. Располагался вдоль уступа надпойменной террасы р. Иртыш на месте здания Дворца Наместника. К настоящему времени могильник практически полностью уничтожен. Археологические исследования, проводившиеся в 2001 и 2003 гг. во Дворце Наместника в первом и во втором залах первого этажа, позволили исследовать на площади 124,5 кв. м остатки неширокого ровика, окружавшего когда-то курганную насыпь. С южной стороны кургана в ровике прослежен неширокий проход. Возможные погребения были уничтожены при строительстве порохового погреба во второй половине XVII в., так как он на значительную глубину был вкопан в материк. В ровике выявлены фрагменты саргатской посуды, что позволяет датировать курганный могильник ранним железным веком и связывать возведение его с саргатской культурой.

Адамов А. А., 2001а; 2003а.

4. Поселение Троицкий мыс 1. Располагается вдоль уступа надпойменной террасы р. Иртыш у здания Дворца Наместника. Поселение выявлено в 2007 г. при проведении археологических исследований с южной стороны Дворца Наместника. В раскопе выявлены фрагменты керамики раннего железного века, что свидетельствует о существовании здесь поселения.

Батонов К В., 2007г.

5. «Зелейный» погреб. В ходе археологических исследований **2001** и **2003** гг. в первом и втором залах Дворца Наместника в г. Тобольске был частично исследован «Зелейный» погреб. От него сохранились остатки кирпичной сводчатой конструкции, являвшейся некогда входом, представленные в виде двух параллельных стен, уходящих под наклоном в грунт, которые были выложены из кирпича на известковом растворе. **В** первом

зале был выявлен котлован самого погреба, стены которого были сооружены из бревен в виде тарасных конструкций, засыпанных внутри землей. Пол был деревянным, а крыша поддерживалась деревянными столбами. Датируется погреб в пределах второй половины XVII в. В записках неизвестного иностранца за 1666 год есть описание погреба, которое полностью соответствует основным конструктивным моментам, выявленным в ходе археологических исследований: «...отделанного камнем и похожего на погреб сооружения, в котором хранится амуниция; сверху он покрыт землею и порос травою, имеет вид холма без крыши над ним». На плане г. Тобольска 1701 г. составленном С. У. Ремезовым, мы можем видеть два погреба, которые показаны небольшими пирамидками - именно так выглядел на поверхности сводчатый каменный вход. Погреб прекратил свое существование в связи с началом строительства в 1700 году Приказной палаты, когда ее внешняя стена перерезала «Зелейный» погреб.

Адамов А. А2001а; 2003а; Алексеев М. П., 1936; Чертежная книга Сибири., 1882.

6. Вознесенское кладбище. Располагалось на углу мыса, образованного оврагом Прямского взвоза и уступом надпойменной террасы к западу от взвоза. Кладбище функционировало при Вознесенской церкви. В 1998 г. рабочими при проверке фундаментов Ремезовской приказной палаты в Доме Наместника в шурфе было обнаружено захоронение женщины, погребенной по христианскому обряду. Погребение оказалось частично перекрыто фундаментом.

Археологические исследования, проводившиеся в 2001 и 2003 гг. во Дворце Наместника в первом и во втором залах первого этажа, позволили исследовать на площади 124,5 кв. м двенадцать погребений захороненных по христианскому обряду. Часть погребений пострадала при сооружении порохового погреба во второй половине XVII в., Приказных палат в самом начале XVIII в. и Дворца Наместника. Все исследованные погребения хорошо датируются. Возведение деревянной Вознесенской церкви относится к 1601 г. Весь XVII в. храм, неоднократно сгоравший, восстанавливался. В начале XVIII в. в 1712 г. Вознесенскую церковь стали возводить из камня, но в 1717 г. уже почти законченное здание обрушилось, а восстанавливать его не стали. Поэтому захоронения на кладбище при Вознесенской церкви можно датировать в пределах XVII - начала XVIII вв.

Адамов А. А, 2001а; 2003а; 20036; Кочедамов В. К, 1963; Заварихин С. П., Княжев В. В1995.

7. Поселение Троицкий мыс 2. Располагается вдоль уступа надпойменной террасы р. Иртыш у здания Архиерейского дома. Поселение выявлено в 2004 и 2005 гг. при проведении археологических исследований с южной и западной сторон Архиерейского дома. В раскопах выявлено достаточно большое количество фрагментов керамики раннего железного века, что свидетельствует о существовании здесь поселения. Местами сохранились и не потревоженные поздними перекопами остатки культурного слоя раннего железного века.

Адамов А. А, 2004; 2005г.

8. Северо-западная, квадратная, наугольная башня Тобольского кремля. Археологические исследования, проведенные в самом начале XXI в. в Тобольском кремле, на месте предполагаемого строительства иконной лавки показали наличие здесь остатков разновременных строений, датирующихся XVII-X3X вв. К северу от западных ворот, по центру раскопа, сразу же под дерновым слоем были выявлены остатки северо-западной, квадратной, наугольной башни Тобольского кремля. По выявленным остаткам стен размер башни по линии запад-восток доходит до 8,3 м, а по линии север-юг - 8Д м. Примерно по центру раскопанного участка башни находилось подквадратное основание - очевидно, столба от сводчатого перекрытия первого этажа.

Адамов А. А, 2000; 20016.

9. Кладбище у **Софийско-У сиенского собора.** Расположено с южной, западной и восточной сторон Софийско-У спенского собора. Впервые остатки погребенных с южной и западной сторон собора были выявлены в 2003 г. при археологических исследованиях по изучению фундаментов. В 2005 г. при широкомасштабных археологических исследованиях как внутри собора, так и вокруг него было исследовано 73 погребения похороненных по христианскому обряду. Датировка 55 погребений, исследованных в самом Софийско-Успенском соборе не вызывает больших затруднений. Все погребенные были похоронены рядом с деревянным собором Софии Премудрости Слова Божия, В 1680 г., когда началось строительство каменного храма, его заложили чуть ближе к Прямскому взвозу, и часть погребений оказалась внутри собора. Поэтому эти погребения могут быть датированы до 1680 г. Основываясь на элементах погребального обряда, остальные исследованные погребения датируются в пределах XVII - начала XVIII вв.

Адамов А. А., 20056; МайничеваА. Ю., 2000.

10. Кладбище у **архиерейской бани.** Располагалось на углу мыса, образованного оврагом Прямского взвоза и уступом надпойменной террасы к востоку от взвоза. В ходе археологических исследований и надзора за строительными работами у архиерейской бани, на краю самого мыса, у Юго-Западной и Павлинской башен были выявлены погребения, похороненные по христианскому обряду. Судя по характерным чертам обряда погребения, эти захоронения относятся к XVII веку, и, вполне возможно, здесь действовало кладбище при одной из первых деревянных церквей города, построенной «за городом при Пермском взвозе церкви Спаса» (Летопись Сибирская с. 80 - 81).

Адамов А. А., 2004; 2005г; 2005д; Летопись Сибирская ....

11. Кладбище у **Воскресенской церкви.** В 2007 г. при археологических исследованиях у северо-западной башни Гостиного двора в шурфе были выявлены остатки семи погребенных по христианскому

обряду. Ранее вблизи шурфа при различных строительных работах находили разрозненные человеческие кости. Все это свидетельствует о том, что к северу от Гостиного Двора располагалось одно из городских кладбищ. Скорее всего, это кладбище при Воскресенской церкви, которая отмечена на плане С, У. Ремезова рядом с Гостиным Двором. Судя по погребальному обряду, захоронения на кладбище относятся к XVII в.

Балюнов И. В., 2007д.

12. Северная крепостная стена Тобольского кремля. Летом 2007 года при наблюдениях за дорожными работами у западной стены Гостиного двора были выявлены остатки фундамента северной кремлевской стены. Небольшой сохранившийся в земле фрагмент кирпичной кладки стены, примыкавшей к Гостиному двору, сразу же после фиксации был полностью уничтожен при дорожцых работах.

Балюнов И. В., 2007ж.

13. Кладбище и остатки фундаментов церкви Роадества Богородицы. Осенью 1998 г. в центральной части г. Тобольска при прокладке канализации от дома № 15 по улице академика Осипова (старый адрес ул. Воейкова, 16) был частично обнажен фундамент церкви Рождества Богородицы. Строителями **в** церкви был разрушен склеп из кирпича, в котором находились остатки деревянного гроба и погребенный. К северо-востоку от церкви располагалось кладбище, часть могил которого была разрушена строителями. Сразу за кладбищем разрушенным оказался и котлован сгоревшего жилища, в печке которого строители нашли два небольших горшка, наполненных обожженным ячменем, и железный прихват. Осенью 1999 г. при новых земляных работах был обнаружен еще один глиняный сосуд, наполненный обожженным ячменем. Находки занесены в инвентарную книгу ТГИАМЗ за № 20915.

Книга поступлений....

14. Кладбище у Спасской церкви. В 2007 г. на Спасской церкви были проведены археологические исследования в рамках изучения архитектуры здания и подготовки его к реставрации. **В** ходе археологических изысканий было заложено три шурфа, общей площадью 10,5 кв. м. **В** ходе работ в шурфах было исследовано двадцать девять погребений христианского кладбища, которые можно датировать в пределах XVII-XVIII вв.

Балюнов И. В., 2007е.

15. Кладбище у **церкви Петра и Павла.** В 2005 году для проектных работ производилась шурфовка у церкви Петра и Павла. Всего рабочие заложили четыре шурфа для обследования фундаментов. В одном из шурфов с северной стороны церкви рабочие потревожили остатки четырех захоронений по христианскому обряду погребения, что свидетельствует о существовании здесь приходского кладбища.

Адамов А. А., 2005е.

16. Кладбище у церкви Захария и Елизаветы. В 2005 году на церкви Захария и Елизаветы в ходе проведения реставрационных работ были исследованы четыре шурфа и проведен надзор за понижением уровня поверхности грунта по периметру храма. **В** результате строительных работ были выявлены с южной стороны остатки кирпичного склепа с захоронением по христианскому обряду, что свидетельствует о существовании здесь приходского кладбища.

Адамов А. А., 2005а..

17. **Кладбище** у **Крестовоздвиженской церкви.** В 2006 году в Крестовоздвиженской церкви в ходе проведения реставрационных работ были исследованы два шурфа общей площадью 14 кв. м. В первом шурфе, заложенным в северном приделе церкви, было выявлено три захоронения христианского кладбища. В ходе работ было выяснено, что захоронения производились около церкви, до постройки северного придела, и они датируются в пределах второй половиной X VIII века. В алтарной части церкви был выявлен кирпичный склеп, в котором расчищено захоронение в деревянном гробу. Каких-либо находок с костяком не обнаружено.

Адамов А. А., 2006а.

18. Поселение Чукман. Расположено в центральной части г. Тобольска напротив Кремля на вершине мыса Чукман, вблизи памятника Ермаку. **В** настоящее время каких-либо наземных признаков не прослеживается. По сведениям И. Я. Словцова, на мысу существовало городище, однако другие исследователи не упоминают о древнем поселении на мысу Чукман, поэтому достоверность этих сведений вызывала сомнение. **В** 1999 г. на мысу для исследования состояния культурного слоя было заложено два шурфа. **В** обоих шурфах были обнаружены обломки сосудов эпохи средневековья. Инвентарный номер коллекции, хранящейся в ТГИАМЗ - кп № 20817. Культурного слоя или каких-либо сооружений этого времени выявлено не было. Материалы шурфовки свидетельствуют, что на мысу существовало, по крайней мере, поселение потчевашской культуры (вторая половина I тыс. н. э.).

Адамов А. А., 2005в; Словцов К Я., 1890, № 168; Тачгщкая И. А., 1953, № 169.

19. Кладбище на Чукманском мысу. Расположено в центральной части г. Тобольска напротив Кремля на вершине мыса Чукман, вблизи памятника Ермаку. Остатки захоронений были обнаружены летом 1970 года, когда во время земляных работ по благоустройству территории вдоль западного склона мыса со стороны Никольского взвоза была вырыта траншея шириной около 2 м и длиной 57 м при глубине 50-60 см. При рытье траншеи было потревожено несколько погребений. Могильник был обследован сотрудницей Тобольского музея И. А Сыркиной, которая отметила, что костяки, завернутые в бересту, лежали в ряд на глубине 10-15 см от уровня материка. Сведения о том, что на мысу Чукман существовал могильник, содержатся в работе С. Соммье, который пишет, что М. С. Знаменский подарил ему человеческий череп, найденный на мысу вблизи памятника Ермаку. В 1903 г. во время ремонтных работ на памятнике Ермаку при разборке фундамента ограды, окружавшей памятник, было найдено четыре черепных человеческих кости. От

www.toroskekraeved.ru

комиссии по ремонту памятника находки поступили в Тобольский музей. В 1999 г. на мысу для исследования состояния культурного слоя было заложено два шурфа, в которых обнаружены разрозненные человеческие кости по крайней мере от четырех человек и три черепа. Два из них оказались европеоидными, что позволяет уверенно утверждать, что на мысу находилось одно из городских кладбищ. Судя по плану г. Тобольска 1701 г. С. У. Ремезова, это кладбище у Никольской церкви, которая в конце XVII - начале XVIII вв. располагалась близ Чукманского мыса.

НА ТГИАМЗЖ 915; СыршнаК А. 1970; Чертежная книга Сибири., 1882; Sommier S. 1885, s. 92.

20. Тобольская находка. В подгорной части Тобольска недалеко от устья Тырковского оврага на расстоянии 96 метров от Киселевой горы и 61 м от середины р. Тырковки был обнаружен бронзовый котел. Местность эта представляла собой участок луга, на котором параллельными рядами рылись прямоугольные ямы, в которые сваливали мусор, а сверху засыпали землей. При рытье в 1894 г. ямы на глубине 1,77 м и был найден котел, впоследствии переданный в Тобольский музей (кп № 3633). Почва, в которой он был найден, представляла собой «перегной мусора и болотными остатками, замытых глиной». Разрез показал на существовавшую ранее на месте находки насыпь в виде плоского холмика высотой до 0,4 м.

Вероятно всего, котел первоначально находился на вершине Киселевской горы, но в результате обвала берега, скатившись под обрыв, затонул в пойменном илистом грунте у подножия горы. Глинистый холмик, под которым был обнаружен котел, по всей видимости, образовался из грунта, снесенного обвалом. Котел датируется ранним железным веком.

Текущая хроника 1894; Хроника, 1894; Мошинская В. К, 1953; Тапицкая К А., 1953, N2 171.

21. Поселение Панин бугор 1. Расположено в черте города Тобольска на верхней надпойменной террасе, называемой Панин бугор. Внизу, к юго-западу от Панина бугра, находится подгорная часть Тобольска. Поселение находится на мысу, образованном с юго-запада краем террасы, с севера и северо-востока - оврагом. Склон к городу крутой, слабо задернованный, овраг порос лиственным лесом. Площадка мыса задернована. Поселение рельефных признаков на поверхности не имеет, сильно разрушено бульдозерной траншеей шириной 12-15 м, в настоящее время уже задернованной и заросшей травой. От поселения осталась узкая полоса длиной 30-35 м, шириной 4-6 м между траншеей и краем террасы. В обнажении культурного слоя были собраны фрагменты керамических сосудов, датирующих поселение ранним железным веком.

Данилов П. Г., *2006г.*

22. Городище Бицик-Кула. В восточной части Тобольска, на Панином бугре находилось городище Бицик-Кула, или Бицик-Тура. Памятник неоднократно упоминался различными исследователями, но даже план городища не был снят. В настоящее время наземные признаки городища полностью уничтожены. В книге поступлений Тобольского музея за № 787 сделана запись, что Иваницкий когда-то нашел на Панином бугре много глиняных и железных вещей и передал их А. И. Дмитриеву-Мамонову. Памятник не датирован.

Тобольская губерния 1871; Мамеев С Н, 1890; Словцов И. Я., 1890, Ns 167, В. В. Радлов, 1894, с. 116; Тапицкая И. А., 1953, № 170; Книга постутений... .

23. **Могильник на Панином бугре.** На Панином бугре в г. Тобольске на верху Коровьего взвоза Н. Л. Скалозубовым была найдена нижняя челюсть человека, которая была занесена в книгу поступления Тобольского музея за № 787. Под этим же номером была сделана приписка, что в этом месте часто находят кости, а Иваницкий «нашел там целое кладбище костей». Памятник не датирован, возможно, это одно из городских кладбищ.

Книга поступлений

24. Городище Потчеваш. Располагается в правобережье р. Иртыш, на восточной окраине г. Тобольска в 300 м к ВЮВ от здания бывшего городского автовокзала в местности, известной в краеведческой и научной литературе под именем Чувашского мыса, или Потчеваш. Восточный склон Чувашского мыса интенсивно подмывается водами Иртыша, южный, обращенный к пойме и расположеный под прямым углом относительно русла, хотя и осыпается только частично, но весьма крут и труднопроходим. Городище находится на краю южного склона Чувашского мыса и отстоит на 150 м к востоку от обрывистой надпойменной террасы р. Иртыш (которая в этой части называется Киселевской горой), имеющей высоту 50-60 м.

Городище занимает треугольный мыс, образованный склоном надпойменной террасы и врезанным в эту террасу ложком, по которому идет подъем. Основание городища защищено двойным рядом валов и рвов, идущих по овалу от основания ложка до склона террасы. Внешняя система укреплений состоит из рва шириной до 6 м и глубиной до 1,5 м и сильно оплывшего вала. Внутренняя система укреплений проходит параллельно внешней, отступая от нее на 20-36 м и состоит из рва шириной 10 м и глубиной до 4 м и внутреннего вала шириной до 5 м и высотой до 1 м. На площадке городища между двумя системами укреплений остатков каких-либо сооружений не прослеживается, возможно, они были снивелированы находящимися здесь огородами. На внутренней части городища прослеживаются многочисленные западины от старых шурфов и раскопок. На городище добывали находки в дореволюционное время М. С. Знаменский, С. Н, Мамеев и Н. А. Лыткин. Научные исследования проводились в 1951 г. В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской, в 1969 и 1970 гг. Н. В. Федоровой, в 1994 г. ТГПИ и ТГИАМЗ. На городище выявлены отдельные находки и погребения, относящиеся к сузгунской культуре XI-VIII вв. до н. э. Сооружение укреплений и мощный культурный слой на городище относятся к потчевашской и усть-ишимской культурам и поэтому датируется довольно широким хронологическим отрезком времени VI - первой половиной XIII вв.

www.tobolsk-expedition.ru

Спасский Г., 1818; Тобольская губерния ..., 1871; Голодников К. М., 1878-1979; 1879; Чертежная книга ...,1882; Sommier S. 1885; Патканов С. К, 1888; Флоринский В. М., 1888; Мамеев С.К, 1890; Словцов И. Я., 1890, М>149; Лыткин Н. А, 1890; Знаменский М. С, 1891, 1901; Бакай Н, 1894; HeikelA., 1894; Бай Ж. А., 1897; Спицын А. А., 1906; Чернецов В. К, 1951; Марков Г. Е, 1960; Федорова Я В., 1969; 1970; 1974; Стефанов В. К, 1979; Могильников В. А., 1987а; Элерт А. Х., 1990; Адамов А. А, 1997.

25. Курганный могильник Потчеваш. Располагается в правобережье р. Иртыш на восточной окраине г. Тобольска напротив бывшего здания городского автовокзала в местности, известной в краеведческой и научной литературе под именем Чувашского мыса, или Потчеваш. Курганы растянуты цепочкой по южному склону Чувашского мыса, начинаясь в непосредственной близи от подмываемой террасы р. Иртыш (которая в этой части называется Киселевской горой).

Курганы раскапывались в 1878 и 1882 г. А. И. Дмитриевым-Мамоновым, который раскопал здесь 15 курганов. Могильник на Чувашском мысу состоял из нескольких курганных групп. Первая из них, состоящая из двух курганов № 1 и 2 по плану А. И. Дмитриева-Мамонова, расположена на современном краю обрыва Киселевой горы несколько ниже по Иртышу, чем городище. Курганы были раскопаны широкими перпендикулярными траншеями, и в них никаких находок сделано не было. При доследовании кургана № 2 в 1938 г. под руководством В. Карцева было найдено лишь несколько человеческих костей. Курганы № 3-6 расположены по краю террасы несколько выше городища. В кургане № 3 обнаружен фрагментированный мужской череп, обломки нижней челюсти, несколько обломков керамики и глиняного предмета неизвестного назначения. В кургане № 4, кроме фрагментов керамики, были обнаружены два костяных наконечника стрел и обломок костяного острия. В кургане № 5, кроме человеческих костей и обломков нижней челюсти, найдены целый керамический сосуд, а также обломок венчика сосуда, остатки одиннадцати костяных наконечников, плоское глиняное пряслице.

При раскопках кургана № 6 в его насыпи обнаружено большое количество обломков сосудов, аналогичных керамике с городища. В самом кургане, кроме черепа и нескольких костей скелета человека, найдены четыре костяных острия, костяная затесанная на клин рукоятка, три костяных наконечника стрелы, кругл о донный сосудик, наполненный жженными костями.

Следующая группа из четырех курганов отделена от предыдущих небольшим ложком. В кургане № 7 сделано очень мало находок. Кроме неполного детского черепа и некоторых других костей скелета обнаружены: сосуд с коническим дном, обломок венчика сосуда, три костяных черешковых наконечника стрел, бронзовая трубка, орнаментированная перекрещивающимися рельефными линиями. В насыпи кургана № 8 обнаружено значительное количество обломков сосудов, человеческий череп и еще обломки двух, круглодонный сосудик, два глиняных пряслица (одно из них обломок), несколько обломков острий из метакарпальных косточек и наконечников стрел, обломок плоского костяного предмета конической формы. Найдены и два бронзовых втульчатых трехлопастных наконечника стрел, бронзовые бубенчики'и плетеное бронзовое украшение.

Насыпь кургана № 9 содержала фрагменты керамики эпохи поздней бронзы. В самом кургане, кроме черепа, найден сосуд с коническим дном, сосудик был наполнен пережженными костями. Кроме того, найдены орнаментированное глиняное пряслице, обломки бронзовой проволочной гривны, плоское бронзовое кольцо, обломок бронзовой отливки, костяные наконечники стрел и обломанная костяная пластина от наручника, шесть бусин.

Находки в кургане № 10 составили: обломок керамики и стеклянные бусины, а также наполовину сохранившийся сосуд. В кургане № 11 найдено только костяное острие. В кургане № 12 - остатки черепа человека, обломки железного кинжала и железные удила с псалиями. В кургане № 13 встречены остатки костяка, бронзовый кельт, обломанный костяной наконечник и железный нож, глиняный сосуд.

Курганы № 14 и 15 представляют последнюю, наиболее удаленную группу. В кургане № 14, кроме обломков черепа, были найдены: круглодонный сосуд, наполненный пережженными костями, остатки железных удил, железный наконечник стрелы, и обломок ножа, железный наконечник копья, бронзовая антропоморфная фигурка.

Курган № 15 был диаметром 25,6, а высотой 3,2 м. В нем обнаружено семь погребений, лежащих на одном уровне. Инвентарь представлен следующими предметами: миниатюрным сосудиком, бронзовыми поясными пронизками, бронзовым кольцом и точильным бруском, большим числом стеклянных бусин, бронзовой проволочной гривной и спиральной серьгой, бронзовыми зеркалом, кельтом и антропоморфной личиной.

Датируется памятник от эпохи поздней бронзы до раннего средневековья (начало I тысячелетия до н. э. - первая половина I тысячелетия н. э.).

Дмитриев-Мамонов А. И. (б. г.); Голодников К. М, 1878-1879, 1979, 18826; Словцов И. Я., 1890, №> 150-166; Патканов С. К, 1888; Мамеев С. Н, 1890; Флоринский В. М, 1888; 1894; HeikelA., 1894; Бай Ж. А., 1897; Смирнов И. Д., 1936; Мошинская В. И., 1953; Тапицкая И. А., 1953, № 171.

26. **Киселевские находки.** В 1903 г. в музей от Харченко поступили два костяных наконечника стрелы, трехгранных в сечении, найденных им в окрестностях Тобольска - близ д. Киселевка, в урочище Киселевская гора, в обвале, где берут глину. Наконечники занесены в книгу поступлений Тобольского музея за № 4929, 4930.

Книга поступлений

www.tobolsk-expedition.ru

27. Киселевская находка. В 1908 г. в музей от Лагина поступил фрагмент венчика керамического сосуда с рисунком из ряда ямочных вдавлений и ромбического штампа, горизонтальных каннелюров и наклонных оттисков гребенчатого штампа. Обломок сосуда был найден близ д. Киселевка. Фрагмент занесен в книгу поступления Тобольского музея за № **4928.** Относится к потчевашской культуре.

Книга поступлений

28. Городище Сузгун 1. Располагалось в правобережье р. Иртыша, в 5 км от северной окраины г. Тобольска, занимая верхнюю площадку сопки Сузгэ-Тура (рис. 6). Сопка Сузгэ-Тура представляла собой громадный останец высотой около 70 м с очень крутыми склонами, отделенный от верхней террасы правого берега Иртыша обширным оврагом и впадающим в него ложком. Правобережье Иртыша заросло здесь густым хвойным лесом, на фоне которого эта сопка резко вырисовывалась благодаря отсутствию растительности, вполне оправдывая название «Голая сопка», «Лысая гора». Только на южном склоне росло небольшое количество елей, а на вершине - заросли малины и смородины. На вершине сопки располагалось хорошо различимое городище, укрепленное двумя рядами оборонительных рвов, изрядно оплывших. Жилища представлены остатками многочисленных землянок. В 1882 г. на городище раскапывал небольшие насыпи К. М. Голодников, а в 1948 г. здесь проводились разведочные раскопки В. Н. Чернецовым. Один раскоп размером 10 х 4 м был разбит вдоль бровки обрыва, второй, размером 6 х 2 м, вдоль юго-западной ее части. Верхний горизонт культурного слоя содержал находки XIII-XIV вв., нижний - эпохи поздней бронзы.

В конце 60-х годов городище полностью было уничтожено при строительстве железнодорожного моста через р. Иртыш.

Тобольская губерния 1871; Голодников К М, 1878-1979, 1879, 1882а; Поляков К С, 1877; Патканов С К, 1888; Мамеев С Н, 1890; Бай Ж. А, 1897; Чернецов В. К, 1948; Талицкая К А., 1953, № 167.

29. Культовое место Сузгун 2. Располагалось в ложке под сопкой, на которой находилось городище Сузгун 1 (рис. 6). Исследования экспедиции под руководством В. И. Чернецова проводились здесь в 1948 и 1950 гг. В результате работ удалось установить, что культурный слой залегает по всему дну ложка от более пологого его южного борта до очень крутого северного, являющегося основанием сопки. В вершине ложка слой выклинивается совершенно, а вниз по ложку, т. е. в восточном направлении, он наблюдается почти до устья ложка, который далее круто обрывается в овраг. В этой части слой значительно беднее, чем в других, где мощность культурного слоя достигает 1,5 м. В средней части ложка находилось кострище крупных размеров, состоящее из скопления углей и обугленной бересты. По обе стороны от него, в северной и южной частях ложка, были найдены сосуды. В этих участках раскопа они были обнаружены в вертикальном положении. В участках же средней части ложка сосуды лежали на боку, как будто они разбились здесь, скатываясь и падая с каких-то возвышений. Скорее всего, по обе стороны кострища были устроены земляные возвышения, на которые и устанавливались сосуды.

В некоторых случаях сосуды стояли на подсыпке из мелкого желтого песка, резко отличавшегося от буроватого культурного слоя и от материкового светлого лессовидного суглинка. Среди обломков крупных сосудов в большинстве случаев встречались маленькие круглые гальки белого цвета, специально сюда принесенные. Характер и расположение находок позволяют заключить, что Сузгун 2 является памятником культового назначения. Датируется памятник XI-VIII вв. до н. э. В конце 60-х годов основная часть памятника была уничтожена при сооружении железнодорожного моста через р. Иртыш. В 1984 и 1986 гг. остатки памятника исследовались В. Т. Галкиным, вскрывшим раскопом площадь в 32 кв. м. Сразу после работ В. Т. Галкина в 1986 г. памятник был полностью уничтожен при строительстве второй железнодорожной колеи.

Голодников К М., 1882а; Чернецов В. К, 1948; Талицкая И. А., 1953, №168; Мошинская В. К, 1957; Галкин В. Т., 1986.

30. Сузгунский клад. В мае 1962 в Сузгунском урочище школьники нашли несколько десятков бронзовых дисков. 31 диск был передан в Тобольский музей. Инвентарный номер коллекции ТМ кп № 11788. **В** 1970 году место находки было обследовано И. А. Сыркиной. Клад был найден в ложке, который располагается параллельно логу, в котором находилось поселение Сузгун 2, и разделяет сопку Сузгэ-Тура и соседнюю сопку. Несколько вверх по логу, на склоне соседней с Сузге-Тура сопки, заметно боковое ответвление ложка, в котором находилось огромное корневище вывороченной сосны. Под ним на глубине 10-15 см и находились бронзовые диски. Клад датируется ранним железным веком.

Сыркина И. А., 1970.

31. Савинский курган. На левом берегу р. Иртыш, напротив г. Тобольска, расположено с. Савино, близ которого в пойме Иртыша имеется курган. Раскопки его производил М. С. Знаменский в 1880 году (рис. 4; 5). В 1948 году он был обследован В. Н. Чернецовым, который констатировал, что курган находится на незатопляемом берегу Савинской протоки и имеет около 30 метров в диаметре и не менее 4 метров в высоту. В передней части его имелась глубокая яма, к которой с СВ подходит траншея. Следы траншей наблюдаются и в юго-западной, западной и восточной полах кургана. В. Н. Чернецовым была сделана зачистка центральной грабительской ямы, в которой обнаружены угольные прослойки, признаки древесного тлена и обломки конского черепа. Курган датируется серединой I тысячелетия н. э.

Ядринцев Я, *1884; Патканов С. К, 1888; Мамеев С. Н, 1890; Словцов И. Я., 1890, № 169; Heikel A., 1894; Худяков М. Г, 1917; Мошинская В. К, 1953.*

32. **Черкасовские курганы.** Южнее деревни Савиной в 1891 году во время археологических разведочных работ действительным членом Тобольского губернского статистического комитета, штабс-

капитаном тобольского резервного батальона С. Н. Мамеевым были выявлены пять курганов, расположенные по обоим берегам «Черкасова ерека».

Мамеев С К, 1890.

33. Ивановское городище. Находится в правобережье Иртыша, в 8 км к ЮВ от г. Тобольска, на правом берегу притока Иртыша - р. Ивановки, близ п. Прииртышский, в 1 км к северо-востоку от русла Иртыша ив 100 м к северу от русла р. Ивановки (рис. 7). Городище находится на территории усадьбы Иоанно-Введенского монастыря, занимаемого в советские годы под детский дом, школу-интернат, воинскую часть. Находится на мысу высотой до 8 м от уровня поймы р. Ивановки, в 200 м к юго-востоку от церкви Иоанна Предтечи. Городище по форме представляет собой овальную площадку размером 40 х 60 м, имеющую небольшой уклон к вершине мыса. Еще в 1970 году с СВ стороны городища прослеживался оплывший ров глубиной до 2 м. Основная площадка городища долгие годы распахивалась под огород. Памятник впервые обнаружен в 1948 году В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской. В 1969 г. И. А. Сыркиной и студентами Уральского государственного университета городище было осмотрено, снят план и произведен сбор подъемного материала. В 1970 г. экспедицией Тобольского музея под руководством В. А. Могильникова и И. А. Сыркиной был заложен в северной части памятника раскоп общей площадью 94 кв. м. Мощность культурного слоя в этой части памятника составляла 40 - 70 см. В раскопе выявлены остатки рва и двух разновременных жилищ, культовое место, кострища. Находки составили: костяные наконечники, бронзовые и железные вещи, многочисленные фрагменты керамических сосудов, кости животных. В 1971 г. работы на городище были продолжены И. А. Сыркиной. Археологические коллекции с городища хранятся в ТГИАМЗ инвентарный номер коллекций кп № 12245 и кп № 12341.

В 1998 г. городище обследовалось разведочной группой под руководством А. Е. Цеменкова. Были выявлены в небольшом ложке у восточной стороны мыса остатки рва шириной около 6 м и глубиной от 0,5 до 3 м, проходящего по дну ложка. На самой площадке городища ров не читается, так как здесь расположен котлован раскопа 1970, 1971 гг. Разведочной группой выявлено, что деревянный монастырский забор проходит по кромке верхней площадки мыса, совпадающей с краем площадки городища. Сама площадка в настоящее время захламлена и заросла высокой крапивой, малинником и шиповником. С поверхности из почвы, выброшенной из столбовых ямок забора собраны фрагменты керамических сосудов. Городище датируется I тысячелетием до н. э. -1 тысячелетием н. э.

Чернецов В. К, 1948; Тапицкая И. А., 1953, № 175; Могильников В. А., Сыркина И. А., 1970; Сыркина И. А., 1971; ЦеменковА. Е, 1998.

34. Ивановские курганы. Впервые курганы близ Тобольского Иоанно-Введенского монастыря отмечены во второй половине XVIII в. И. П. Фальком. В 1891 году С. Н. Мамеевым был насчитан 21 курган, расположенный по правому нагорному берегу Иртыша между деревней Жуковой и Иоанно-Введенским монастырем. Еще 9 курганов находились по тому же нагорному берегу за монастырем. Близ монастыря в 1948 году В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской были обследованы и частично раскопаны 15 курганов. В 1998 г. разведочный отряд ООО НАЦ «АВ КОМ-Наследие» под руководством А. Е. Цеменкова выявил близ Иоанно-Введенского монастыря четыре компактных группы курганов.

Группа 1. Располагается в правобережье р. Ивановки, на южной окраине п. Прииртышский (Тобольский зверосовхоз), в 130 м к северо-западу от церкви Иоанна Предтечи в Иоанно-Введенском монастыре.

Курганы находятся в глубине террасы правого берега р. Иртыша, на расстоянии около 340 м к востоку от обращенного к пойме р. Иртыш края террасы, у северо-восточного края прорезающего террасу с севера на юг обширного лога, на высоте от 38 до 42 м от уровня поймы. В месте расположения курганного могильника терраса имеет пологий уклон в южную сторону — к пойме правого притока Иртыша - р. Ивановки.

На поверхности фиксируются три курганных насыпи овальной формы, имеющие следы ограбления, вытянутые чуть изогнутой цепочкой с северо-востока на юго-запад на 84 м. Размеры курганов: № 1 - 14 х 13 м, высота 1,5 м, № 2 - 16 х 12 м, высота 1,5 м, № 3 - 32 х 24 м, высота 3,5 м. Наиболее испорчен грабителями курган № 3, на котором насчитано не менее 12 крупных грабительских шурфов и извилистая траншея длиной около И м и шириной до 1,5 м. Длина курганной группы между крайними курганами 84 м. При осмотре грабительских ям и траншей на курганных насыпях каких-либо находок не обнаружено. Большая часть территории курганного могильника поросла сосновым лесом.

Группа 2. Располагается в правобережье р. Ивановки, на юго-западной окраине п. Прииртышский, в 1 км к северу от русла р. Иртыш и в 460 м к западу северо-западу от церкви Иоанна Предтечи Иоанно-Введенского монастыря, в 340 м к северу от русла правого притока р. Ивановки.

Курган находится на мысовидном выступе коренной террасы, высотой до 42 м от уровня поймы, правого берега р. Иртыш, ограниченном с двух сторон логами. В настоящее время большая часть территории могильника занята под усадьбы и огороды жителей п. Прииртышский. Зафиксирована только одна курганная насыпь округлой формы диаметром 12 м и высотой до 1 м. Южная часть насыпи разрушена, на северной стороне кургана фиксируется шурф размером 3 х 3 м. При осмотре разрушенной части кургана найдены фрагменты керамики.

Группа 3. Располагается в левобережье р. Ивановки в 300 м к юго-востоку от п. Прииртышский, в 100 м к югу от р. Ивановка (рис. 8).

Курганы находятся на мысу, образованном уступом 45 м коренной террасы р. Иртыш и долиной реки Ивановки. Зафиксировано четыре курганные насыпи, расположенные компактной группой (рис. 8). Длина могильника с севера на юг - 114 м, с запада на восток - 60 м. Среди них выделяется центральная насыпь размером 17 х 14 м и высотой 2,4 м, которая окружена ровиком шириной 2-3 м и глубиной 0,3 м. Остальные курганы округлой формы диаметром, от 12 до 15 м и высотой от 0,73 до 1,2 м. Все курганы имеют грабительские шурфы. Могильник порос смешанным лесом.

Группа 4. Располагается на правобережной коренной террасе р. Иртыш в 500 м к юго-востоку от п. Прииртышский, в 240 м к юго-востоку от курганной группы 3.

Могильник находится на коренной террасе р. Иртыш, высотой до 53 м от уровня воды в реке Ивановке. Зафиксированы 3 курганные насыпи, вытянутые цепочкой вдоль края террасы. Курган 1, округлой формы, диаметром 15 ми высотой 1,44 м. На кургане насчитано четыре грабительских шурфа. Курган 2 расположен в 60 м к юго-востоку от кургана 1. Насыпь округлой формы диаметром 15 м и высотой 1,53 м имеет следы неоднократного ограбления. В 130 м к юго-востоку от кургана 2 расположен курган 3 овальной формы диаметром 18 м и высотой 1,6 м. На кургане насчитано три грабительских шурфа. Площадь могильника поросла смешанным лесом.

Фалък К П., 1824; Мамеев С. К, 1890; Чернецов В. Н., 1948; Талицкая К А., 1953, № 176; Цеменков А. К, 1998.

35. Поселение Ивановское 1. Расположено в правобережье Иртыша, на юго-западной окраине п. Прииртышский, в 1 км к северу от русла р. Иртыш и в 260 м к западу от церкви Иоанна Предтечи Иоанно-Введенского монастыря, в 300 м к северу от русла правого притока Иртыша - р. Ивановки, к югу от 2 группы курганного могильника Ивановский.

Поселение находится на площадке коренной террасы правого берега р.'Иртыш. Высота террасы в месте расположения поселения не менее 35 м от уровня поймы р. Иртыш. Видимых археологических объектов на территории поселения не зафиксировано. При осмотре западного склона поселения был обнаружен фрагмент керамики. Для определения мощности и выяснения характера культурного слоя рядом с местом находки керамического фрагмента был заложен шурф размером 1 х 1 м. Выявлен культурный слой мощностью до 84 см, в котором обнаружены неорнаментированные фрагменты керамики. Предполагаемые размеры поселения с севера на юг - 100, ас запада на восток - 155 м. Культурный слой поселения находится в аварийном состоянии, он значительно испорчен при сооружении здания школы. В южной части поселения сохранился участок соснового леса.

Цеменков А. Е, 1998.

36. Ивановское 2. Грунтовый могильник. Располагается в правобережье р. Иртыш, на юго-западной окраине п. Прииртышский в 1 км к северу от русла р. Иртыш, **в** 290 м к западу-юго-западу от церкви Иоанна Предтечи Иоанно-Введенского монастыря, в 200 м к северу от р. Ивановка, к югу от поселения Ивановское 1.

Находится на верхней площадке коренной террасы правого берега р. Иртыш. Высота террасы в месте расположения могильника от 20 до 35 м от уровня поймы. На поверхности зафиксировано 7 ям, внешне напоминающих могильные, размером от 1,6 х 0,85 м и глубиной 0,35 м до 2,1 х 1,1 м и глубиной 0,55 м. Ориентированы могильные ямы по линии северо-запад - юго-восток. Предполагаемые размеры грунтового могильника 95 х 40 м. Территория памятника поросла сосновым лесом.

Цеменков А. Е, 1998.

37. Поселение Ивановское 3. Располагается в правобережье р. Иртыш, на юго-западной окраине п. Прииртышский в 1 км к северу от русла р. Иртыш, в 290 м к западу-юго-западу от церкви Иоанна Предтечи Иоанно-Введенского монастыря, в 200 м к северу от р. Ивановка, к югу от поселения Ивановское 1. Занимает общую площадь с грунтовым могильником Ивановский 2.

Находится на верхней площадке коренной террасы правого берега р. Иртыш. Высота террасы в месте расположения могильника от 20 до 35 м от уровня поймы. На поверхности зафиксировано 2 впадины подпрямоугольной формы размерами 4 х 6 и 3 х 4 м , глубиной 0,6 м. Для определения наличия культурного слоя на территории поселения был заложен шурф размером 1 х 1 м, который показал наличие культурного слоя мощностью до 54 см. В шурфе обнаружено 10 фрагментов керамики. Территория памятника поросла сосновым лесом. Поселение датируется эпохой раннего железного века - средневековьем. •

Цеменков А. Е, 1998.

38. Поселение Ивановское 4. Расположено в правобережье р. Иртыш, на южной окраине п. Прииртышский, в 1 км к северу от русла р. Иртыш, в 250 м к западу-юго-западу от церкви Иоанна Предтечи Иоанно-Введенского монастыря, в 240 м к северу от русла р. Ивановка, в 25 м к востоку от грунтового могильника Ивановский 2.

Поселение находится в глубине террасы правого коренного берега р. Иртыш, имеющей в данном месте пологий склон на юг - в сторону поймы р. Ивановки. Высота месторасположения поселения от уровня поймы от 21 до 36 м. С западной стороны поселения террасу прорезает глубокий лог. При обследовании видимых на поверхности объектов не обнаружено. При шурфовке памятника был обнаружен культурный слой мощностью до 22 см, содержащий фрагменты керамических сосудов. Предполагаемые размеры поселения 75 х 45 м. Площадка поселения покрыта сосновым лесом, не разрушается. Поселение датируется эпохой раннего железного века - средневековьем.

Цеменков А. Е, 1998.

www.istorik-kazedior.ru

39. Поселение Ивановское 5. Расположено в правобережье р. Иртыш, в 1 км к северу от русла р. Иртыш, в 240 м к юго-западу от церкви Иоанна Предтечи Иоанно-Введенского монастыря, в 150 м к северу от р. Ивановка, к югу от поселения Ивановское 4.

Поселение находится на участке террасы правого коренного берега р. Иртыш, имеющей в данном месте пологий склон на юг - в сторону поймы р. Ивановки, между двумя логами, перерезающими склон террасы. Высота расположения поселения над уровнем поймы от 6 до 23 м. При обследовании видимых на поверхности археологических объектов не обнаружено. Но в местах повреждения культурного слоя от огорода, грунтовой дороги, от строящегося дома, обнаружено около 50 фрагментов керамики. Для выяснения характера культурного слоя была произведена зачистка среза грунтовой дороги. Культурный слой на данном участке поселения имел мощность до 1,18 м. При зачистке найдено 20 фрагментов керамики, которые датируют поселение с эпохи поздней бронзы до позднего средневековья. Предполагаемые размеры поселения 125 х 60 м. Поселение датируется эпохой поздней бронзы, эпохой раннего железного века, средневековьем.

Цеменков А. Е.ƒ 1998.

40. Поселение Ивановское 6. Расположено в правобережье р. Иртыш, на южной окраине п. Прииртышский, в 1 км к северу от русла р. Иртыш, в 280 м к юго-западу от церкви Иоанна Предтечи Иоанно-Введенского монастыря, в 100 м к северу от русла р. Ивановки.

Поселение находится на участке первой надпойменной террасы правого берега р. Иртыш, обращенной к пойме р. Ивановке. Высота расположения поселения над меженным уровнем воды в р. Ивановки от 8 до 13 м. На поверхности зафиксировано 2 впадины подпрямоугольной формы размерами 6 х 5 и 8 х 5 м, глубиной 0,4 и 1 м. На юго-западной стороне впадины № 2 фиксируется углубленный выход.

При осмотре обнажений по краям грунтовой дороги собран подъемный материал, включающий 1 кварцевый отщеп и 28 фрагментов керамики. Для определения характера культурного слоя на территории поселения произведена зачистка края бульдозерной траншеи. Выявлен культурный слой мощностью до 92 см. Предполагаемые размеры поселения 85 х 50 м. Поселение датируется эпохой бронзы - раннего железного века.

Цеменков А. Е, 1998.

41. Местонахождение Ивановское 7. На мысовидном склоне коренной террасы р. Иртыш, ограниченном с севера долиной р. Ивановка, с юго-запада поймой р. Иртыш, при осмотре карьера и бульдозерной траншеи, был найден неорнаментированный фрагмент керамического сосуда. Памятник не датирован.

Цеменков А. Е., 1998.

42. Грунтовый могильник Ивановское 8. Расположен в правобережье р. Иртыш в 500 м к юго-востоку от п. Прииртышский, в 500 м к северо-востоку от русла р. Иртыш, в 500 м к юго-востоку от конечной остановки пригородного автобуса из г. Тобольска. Площадка могильника расположена на коренной террасе р. Иртыш, между курганами № 1 и № 2 курганной группы 4. Вдоль бровки террасы, на поверхности фиксируются 19 овальных впадин размером от 0,8 х 1,8 до 1,6 х 2,2 м и глубиной от 0,09 до 0,36 см.

Для точного определения происхождения впадин над одной из них был заложен шурф размерами 2 х 2 м. В нем было выявлено погребение. Могильная яма размером 1,6 х 0,6 м и глубиной 0,8 м от уровня дневной поверхности была ориентирована по линии север - юг. Остатки внутримогильных сооружений не зафиксированы. Погребение ограблено. Фрагменты человеческих костей беспорядочно разбросаны по дну могильной ямы. В погребении найдена стеклянная темно-синяя бусина шаровидной формы. Памятник датируется эпохой средних веков.

Цеменков А. Е., 1998.

43. Поселение Ивановское 9. Расположено в правобережье р. Иртыш, в 800 м к юго-востоку от п. Прииртышский, в 500 м к северо-востоку от русла р. Иртыш, в 20 м к юго-востоку от кургана № 3 курганной группы 4.

Площадка поселения находится на коренной террасе р. Иртыш, ограниченной с северо-восточной стороны глубоким логом, прорезающим террасу, с юго-западной стороны - склоном террасы. Высота расположения площадки поселения над поймой Иртыша 51 м. На поверхности зафиксировано 2 объекта.

Объект № 1 - площадка округлой формы, диаметром 6 м, высотой - 0,15 м, над уровнем окружающей поверхности. В центре площадки фиксируется впадина овальной формы, ориентированная по оси северо-восток - юго-запад, глубиной 0,45 м от уровня площадки.

Объект № 2 - расположен в 5 м к СЗ от объекта № 1. На поверхности зафиксирована впадина подквадратной формы, врезанная в тальвег лога, прорезающего склон террасы. Размер впадины 4 х 4 м, глубина 3 м. Подъемный материал при осмотре памятника не обнаружен. Поселение поросло смешанным лесом. Памятник не датирован.

Цеменков А. Е, 1998.

44. Ивановская находка. Близ Ивановского женского монастыря был найден бронзовый кельт раннего железного века переданный священником Бисеровым на хранение в Тобольский музей (кп № 3585).

Лыткин Н. А., 1890; Тапицкая И. А., 1953, № 177.

www.tobolsk-expedition.ru

Глава III

Очерк древней истории

На территории Тобольска и его окрестностей археологами немало открыто и исследовано замечательных памятников старины. Раскопки на двух из них позволили выделить такие археологические культуры, как сузгунскую и потчевашскую. Несмотря на длинную историю изучения археологических памятников Тобольская земля хранит в себе немало тайн, которые будут приоткрывать еще не одно поколение ученых. Сибирь человек освоил на заре своей истории, в древнекаменном веке - палеолите. Сибирская земля и в последующие эпохи - бронзовый и ранний железный века, средневековье не оставалась мрачной и холодной пустыней. Здесь зарождались и умирали цивилизации, она давала приют многим народам, отсюда начинали свой путь грозные завоеватели. Наш очерк - это попытка осветить на основе новых открытий древнюю историю весьма небольшой территории Западной Сибири расположенной около устья реки Тобол. Очерк основан на найденных близ города Тобольска древних памятниках. Однако он будет неполным. Самый ранний отрезок истории - каменный век - в нем отсутствует, так как, несмотря на неоднократное нахождение здесь каменных орудий, памятники, относящиеся к каменному веку, на сегодняшний день неизвестны. Их отсутствие не позволяет охарактеризовать особенности материальной культуры населения, проживавшего близ устья Тобола в ту далекую эпоху. Поэтому наш очерк начинается с бронзового века.

§1. Бронзовый век.

Более 3,5 тысячелетий назад сибирские аборигены познакомились с новым материалом, из которого можно было изготавливать орудия труда - медью. Человек освоил материал, намного превосходивший своими качествами камень. Медь, а затем и бронза обладали превосходными качествами, изделия из них не так быстро тупилась и ломалась как каменные орудия. А это значит, что построить дом, лодку, изготовить лук, разделать добычу можно гораздо быстрее, а главное - эти орудия намного долговечнее каменных. И, несмотря на то, что выходы медной руды встречаются гораздо реже,, чем выходы камня, а значит, металл нужно было выменивать, население Западной Сибири при отсутствии собственной сырьевой базы быстро освоило новый материал. Этому способствовало и то, что хорошего камня здесь так же было крайне мало, а значит, его нужно было доставлять издалека, с Урала. Орудия из меди быстро окупались, и в Западной Сибири скоро перестали употребляться орудия труда из камня. Их заменила медь, а затем - сплав меди и олова, при котором повышается твердость, - бронза. Бронзовый век характеризуется и тем, что на юге Сибири появляются производящие отрасли экономики - скотоводство и земледелие. В конце бронзового века на границе тайги и лесостепи сформировалась сузгунская культура.

Сузгунекая культура. Сузгунская культура была выделена В. И. Мошинской по материалам раскопок в 1948 и 1950 г. яркого и своеобразного памятника Сузгун 2 (Мошинская В. И., 1957). После первых впечатляющих открытий наступил длительный перерыв, когда археологические памятники этой культуры не исследовались. Возобновились раскопки сузгунских памятников только в 1974 г. М. Ф. Косаревым, начавшим раскопки на городище Чудская Гора, которые были продолжены в 1976, 1977 годах Т. М. Потемкиной (Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И., 1995). В 80-х годах исследование сузгунских древностей проводились тобольскими археологами В. Т. Галкиным и И. Г. Глушковым (Галкин В. Т, 1987; 1988; 1989; 1991а; 19916; Глушков И. Г., 1991).

Выводы ученых о происхождении сузгунской культуры базируются на основе ее керамического комплекса, имеющего два ярко выраженных компонента - гребенчато-ямочный и геометрический или «андроноидный». Гребенчато-ямочный комплекс, по мнению большинства исследователей, указывает на присутствие местных южно-таежных орнаментальных традиций и имеет близкое сходство с посудой одиновской культуры (Косарев М. Ф., 1981; Глушков И. Г., Глушкова И. М., 1992). Андроноидный компонент на керамике сузгунской культуры появился вследствие влияния на местное население не собственно андроновцев, а лесостепного населения, испытавшего их большое влияние, - носителей пахомовской культуры (Потемкина Т. М. и др., 1995, с. 120, 121). Мирные контакты одиновцев с носителями пахомовской культуры и привели к появлению в южно-таежном Тоболо-Иртышье столь яркой культуры, как сузгунская.

Малочисленность и невыразительность инвентарного комплекса (прежде всего - бронзовых предметов) затрудняют определение хронологических границ сузгунской культуры. По ряду найденных предметов, прежде всего - зеркал и модели бронзового копья, существование сузгунской культуры можно определить в пределах XI-VIII вв. до н. э.

К настоящему времени насчитывается около 40 памятников, связываемых исследователями с сузгунской культурой, которые локализуются в южно-таежной части Тоболо-Иртышья. По Иртышу они растянулись от устья р. Тары до устья Тобола. Широко представлены сузгунские памятники и в нижнем течении рек Тобол, Вагай, Ишим. Основная их часть расположена на высоких открытых мысах и останцах коренной террасы. Это поселения, культовые места и могильники. Интересны культовые места, в культурном слое которых встречаются многочисленные развалы глиняных сосудов, иногда залегающие мощными плотными слоями при полном отсутствии остатков каких-либо построек или хозяйственных ям.

www.tobrekhran.ru

В конце бронзового века на территории Западной Сибири появляются первые укрепленные поселения - городища. Наличие городищ у населения сузгунской культуры нельзя считать твердо установленным фактом, так как хорошо видимые на поверхности укрепления на трех сузгунеких памятниках Калугино 1, Чудская Гора, Лучкино 1 не исследовались раскопками, что не позволяет пока рассматривать их как бесспорно сузгунские.

На ряде сузгунских поселений исследованы остатки жилых сооружений. Постройки представляли собой полуземлянки, углубленные в грунт на 0,4-0,8 м. Котлованы подпрямоугольной формы достигают размера 12 х 5 м. Основу конструкции построек составлял деревянный каркас из вкопанных вертикальных столбов, составлявших продольные и поперечные ряды, ямы от которых выявлены в котлованах. Столбы крепились вверху продольными балками, на которые опирались жерди и доски, служившие перекрытием. Стены сооружения состояли из наклонных жердей, крепившихся вверху к каркасу. В жилища вел углубленный коридорообразный вход, а они сами для утепления засыпались землей и обкладывались дерном. Отапливались подобные полуземляночные сооружения очагами, расположенными в центре и представляющими собой открытые кострища, для которых в земляном полу выкапывали неглубокую ямку. Встречены и очаги, обложенные слабообожженными небольшими глиняными кирпичиками.

О погребальном обряде сузгунского населения свидетельствуют только два захоронения на городище Потчеваш (Стефанов В. П., 1979) и два погребения Абатского могильника на р. Ишим (Мошкова М. Г., Генинг В. Ф., 1972). Погребенные хоронились в очень неглубоких могилах, или на уровне древнего горизонта, и ориентировались головой на север. Вполне возможно, над ними сооружались невысокие земляные насыпи - курганы. Вместе с умершими в могилах оставляли и сопроводительный инвентарь - глиняные сосуды (рис. **10,1).**

Исследователи, изучающие сузгунские памятники, отмечают очень большую насыщенность, по сравнению памятниками других культур, фрагментами керамических сосудов, которые остаются самым массовым и подчас единственным материалом. Количество археологически целых сосудов даже на памятниках, исследованных совсем небольшой площадью, исчисляется сотнями. Очень часто на поселениях находят скопления из десятков разбитых сосудов. В чем причина появления таких скоплений? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Возможно, в этом виноваты технологическая непрочность сузгунской посуды, которая очень быстро приходила в негодность, и при этом отсутствовие традиции отводить недалеко от поселения специальные места под мусор (зольники), существовавшей, например, в одновременной ирменской культуре Верхнего Приобья.

Основная часть керамической коллекции сузгунской культуры представлена плоскодонными горшками с широким устьем, слабо раздутым туловом и небольшим днищем. Примерно половина горшков весьма больших размеров, вместимостью 12-15 литров, другая - меньшей емкостью от 3 до 5 литров. Совсем немного небольших низких сосудов с округлым или уплощенным дном. Практически все сосуды орнаментировались (рис. 10). На сузгунской посуде можно выделить четыре зоны орнаментации соответствующие морфологическим частям посуды: венчик, плечико, тулово и придонная часть. Венчик покрывался орнаментом из оттисков гребенчатого штампа, часто образующих горизонтальную «елочку», обычен и ряд ямочных вдавлений, весьма характерны орнаментированные рельефные или налепные валики. Реже венчик покрывался орнаментом из геометрических фигур - ромбов или треугольников, заполненных оттисками гребенчатого штампа. Венчик отделялся от плечика неорнаментированной дорожкой в ряде случаев тщательно залощеной. Плечико покрывалось гребенчато-ямочным узором из вертикальной елочки, рядов гребенки, полулунных штампов и оттисков угла палочки. По тулову сосуда орнамент наносился из геометрических узоров, среди которых преобладает геометрический зигзаг, встречаются и равнобедренные треугольники, косая плетенка, часто поверх узора или параллельно ему наносили ряды круглых ямок. Придонная часть орнаментировалась елочным узором, перемежающимся с рядами ямочных вдавлений.

В целом, в орнаментации сузгунской культуры хорошо прослеживаются элементы двух традиций. Считается, что геометрические узоры на керамической посуде связаны с влиянием андроновской традиции в культурах лесостепи, ямочно-гребенчатый комплекс находит аналогии в культурах таежной зоны. Столь ярко выраженное, как ни в какой другой культуре бронзового века, сочетание двух орнаментальных традиций не оставляет сомнений, что в южно-таежной зоне Тоболо-Иртышья они сформировались при взаимодействии пришлого южного и местного северного населения.

Инвентарь сузгунской культуры представлен небольшим числом изделий. Сузгунцы прочно освоили металлургию меди, но изделий из бронзы найдено крайне мало. Это объясняется как незначительным количеством исследованных памятников, так и тем, что бронзовые предметы представляли из себя большую ценность, их берегли и пришедшие в негодность изделия пускали в переплавку. О том, что бронзовые орудия труда прочно вошли в быт сузгунцев, говорит и тот факт, что на памятниках отсутствуют орудия труда из камня. Их заменила бронза, навыки обработки камня в бронзовом веке перестали быть нужными, и их забыли. Основные виды металлических изделий выплавлялась на месте. Об этом говорят находки на сузгунских памятниках обломков тиглей для плавки металла, из которых наиболее сохранившиеся представляют собой чашечку с приостренным дном диаметром 5,5 см, глиняные льячки для разлива металла в форме глубокой ложечки с глиняными ручками, целые литейные формы и их обломки (рис. 9,8,12).

Изделия из бронзы представлены такими категориями, как наконечники копий и стрел, кельты, шилья. На памятнике Чудская Гора найдено небольшое лезвие бронзового ножа с односторонней заточкой. Такое

лезвие закреплялось под тупым углом в деревянной или костяной рукоятке (рис. 9,5). На этом же памятнике было обнаружено бронзовое зеркало дисковидной формы диаметром всего 5 см, с овальной разомкнутой петелькой с внутренней стороны (рис. 9,9). Аналогичные зеркала в эпоху поздней бронзы бытовали на широкой территории не только Сибири, но и Китая, Средней Азии, Казахстана. Бронзовых кельтов, закрепленных на изогнутую под прямым углом деревянную рукоять и служивших для рубящих работ, на сузгунских памятниках не найдено. Но об их существовании свидетельствуют находки глиняной модели кельта (рис. 9,7) и литейные формы для их отливки. Одна из таких форм найдена еще в начале XX в. недалеко от Тобольска около д. Тюковой (рис. 9,8). Бронзовые шилья были четырехгранными - обычными для того времени. Глиняная модель копья найденная на Сузгуне свидетельствует о том, что бронзовые наконечники копий, используемые сузгунцами, были с прорезным пером (рис. 9,13).

Лук у сузгунских охотников, скорее всего, был весьма мощным, клеенным из нескольких пород дерева. Именно такому луку принадлежал костяной концевой вкладыш с вырезом для тетивы найденный на городище Чудская Гора (рис. 9,1). Наконечники стрел изготавливались из кости и бронзы. Костяные наконечники вырезались из трубчатых костей крупных животных (рис. 9,2), при этом оптимальные формы, диктуемые самим материалом, были выработаны уже к бронзовому веку и в дальнейшем являлись господствующими до позднего средневековья. Единственный бронзовый черешковый наконечник с листовидным пером ромбического сечения был отлит в глиняной форме, изготовленной по оттиску с костяного наконечника.

Из орудий труда известен разбильник, изготовленный из почти необработанной метакарпальной кости лошади, который применялся для придания эластичности кожаным ремням. От интенсивной работы кость была буквально перетерта и в конце концов сломалась пополам (рис. 9,6). На сузгунских поселениях найдены костяные проколки (рис. 9,4), которые часто изготавливались из грифельных костей Лошадей, имеющих тонкое и острое окончание и поэтому практически не нуждающихся в доработке. О существовании сетевого рыболовства свидетельствуют глиняные грузила овально-уплощенной формы с одним желобком-перехватом для крепления (рис. 9,15). Подобные грузила типичны для памятников южно-таежной зоны Западной Сибири в эпохи поздней бронзы. На занятия сузгунцев ткачеством указывают находки пряслиц. Пряслица использовались в качестве утяжелителей для деревянных веретен, придававших последним больший крутящийся момент, а значит, нитка быстрее и легче скручивалась. Пряслица изготавливались из стенок разбитых сосудов (рис. 9,17) и часто на них можно увидеть следы сохранившегося орнамента, покрывавшего стенки сосуда. Материалом для изготовления нитей, судя по этнографическим сведениям о сибирских аборигенах, служило волокно из крапивы, из таких ниток вязали сети, они шли и на изготовление холста для одежды.

На сузгунских памятниках встречено много небольших плоских дисков, изготовленных из стенок сосудов. Первоначально их определяли как «ритуальные», но скорее всего это принадлежности какой-то игры, широко распространенной у сузгунцев. На сузгунских памятниках представлена и мелкая пластика из обожженной глины. Кроме уже упоминавшихся моделей копья и кельтов, это изделие из глины, напоминающее клин, один конец которого приострен, другой - плоский со сквозным отверстием в центре, головка медведя (рис. 9,11), изображение птицы со сложенными крыльями (рис. 9,14), фигурка лошади. Кроме этого, на поселении Красная Гора был найден плоский диск диаметром 15 см, одна из сторон которого покрыта орнаментом из двух концентрических кругов вдавлений пальцем (рис. 9,18). Сейчас трудно с достоверностью определить назначение этих изделий. Являлись ли они детскими игрушками, или принадлежностью каких-то ритуалов? Нахождение их на культовых памятниках делает вторую версию как будто более убедительной.

Интересна бронзовая антропоморфная фигурка (рис. 9,10), найденная на городище Чудская Гора в жилище у очага рядом с десятью сосудами, два из которых стояли вверх дном, а также костями конечностей и челюстью крупного животного. Это плоская, весьма схематичная фигурка высотой 8 см, у которой наиболее проработано лицо - на нем показаны глаза и рот. Отсутствие проработанных деталей на теле фигурки говорит о том, что она, скорее всего, являлась основой, на которую была надета специально изготовленная одежда. Такие деревянные или металлические одетые антропоморфные фигурки, как свидетельствуют данные этнографии, у хантов являлись семейными духами и хранились в деревянных сундуках на почетном месте в жилищах. Чтобы получить помощь, изображение духа положено было одевать в новые одежды и кормить, однако если «помощи» не было, их можно было наказывать и даже выбросить.

Бронзовый век стал в Сибири веком становления производящего хозяйства. Человек перешел от присваивания только того, что могла дать природа - охоты, рыбной ловли и собирательства - к собственному производству: - скотоводству и земледелию. Прежде всего, производящая экономика затронула племена степи и лесостепи, где для скотоводства и земледелия были наиболее подходящие условия. Смешение южных скотоводов и земледельцев с охотниками и рыболовами тайги не могло не наложить отпечатка на хозяйство сузгунцев. Оно было комплексным, включающим как производящие, так и присваивающие отрасли. Этому способствовали и природные условия южно-таежных районов, не дающих стабильных условий для развития только одной отрасли. Из производящих отраслей сузгунцы, и это точно установлено, разводили скот. Причем главным животным в стаде, хорошо приспособленным к южно-таежным условиям, была лошадь. Ее разводили не только как транспортное животное, на котором ездили верхом, использовали под вьюк, запрягали в легкие двухколесные повозки - колесницы; главное - лошадь использовали как мясное животное: - в кухонных

остатках кости лошади составляют основную часть. Разводили сузтунды и крупный, и совсем немного мелкого рогатого скота. О занятии земледелием у сузгунцев нет абсолютно никаких данных. Однако это и неудивительно учитывая незначительное количество исследованных памятников и весьма бедный набор найденного инвентаря. Ведь орудия для обработки почвы были деревянными - они, естественно, не сохранились, а орудия уборки - массивные бронзовые серпы - очень ценный предмет, чтобы им не дорожить. Отсутствие выходов камня на территории Западносибирской низменности делало и орудия переработки - зернотерки - особо ценными вещами. Поэтому некоторые авторы, основываясь на том, что южные племена, вошедшие в состав сузгунцев, знали земледелие говорят о возможном наличии земледелия и у сузгунцев.

Важной отраслью была охота. Охотились в основном на лося, дававшего значительное количество мяса. О занятии рыболовством говорят наличие костей рыб на поселениях и глиняные грузила от сетей. Кроме сетей, небольшие речки перегораживали жердевыми запорами, позволявшими вылавливать без особого труда значительное количество рыбы.

Ведение комплексного хозяйства, сочетавшего производящие и присваивающие формы, обеспечивало сузгунскому обществу значительную стабильность при возникновении сложных экологических условиях. При массовом падеже скота всегда можно было увеличить роль охоты и рыбной ловли. В годы отсутствия промыслового зверя коллективам южно-таежного населения помогало выжить разведение домашнего скота.

§2. Ранний железный век

Наступление железного века ознаменовано переходом скотоводческо-земледельческих племен степной зоны Евразии к кочевому и полукочевому скотоводческому хозяйству, что стало возможным с освоением лошади для верховой езды. Коренное изменение в хозяйственной жизни в степной зоне породило серьезные изменения и в соседних регионах. Появление возможности кочевникам быстро передвигаться, постоянно кочуя со стадом и везя весь свой скарб, на огромные расстояния позволяло новым открытиям и продуктам, и прежде всего новому металлу - железу, быстро распространиться по всей Евразии. Ведение кочевого хозяйства предполагает развитый обмен с оседлым населением на продукты, непроизводимые в кочевом хозяйстве. Для такого обмена у кочевников достаточно излишков скота. Кочевание всего коллектива позволяло собирать в отряды практически все взрослое мужское население и неожиданно, вследствие мобильности, появляться близ оседлого населения, а значит, можно бьшо не только купить, но и отнять нужные предметы, а в железном веке в связи с общим ростом производительности труда появляются накопления. Это привело к быстрому прогрессу развитых систем вооружения. Именно в железном веке на территории евразийских лесостепей оседлое население стало защищать свои поселки системой укреплений, позволяющих противостоять более многочисленному врагу и внезапному нападению. Постоянная военная угроза заставляла внимательно следить за новинками в области конского снаряжения и вооружения. Возникнув в одном месте, новинки мгновенно распространялись по всей территории Евразии. Вслед за вещами у близкородственных племен, а это в основном, индоиранцы и ведущие близкий хозяйственный образ жизни, сложилась и близкая идеология, получившая свое оформление в предметах скифо-сибирского звериного стиля, выполненных порой с поразительным искусством.

У города Тобольска известны памятники трех культур раннего железного века: саргатской, богочановской и кулайской.

Саргатская культура. В западносибирской лесостепи в раннем железном веке сформировалась одна из удивительнейших культур, к которой относятся сотни археологических памятников, - саргатская культура. Среди археологических культур Западной Сибири нет, пожалуй, другой столь хорошо изученной, как саргатская. Впервые памятники этой культуры исследовались как раз близ г. Тобольска, это раскопки Потчевашских курганов А. И. Дмитриевым-Мамоновым и Тюковского кургана В. Н. Пигнатти (Мошинская В. И., 1953). Свое название культура получила по раскопанным в 1927 г. В. II. Левашовой курганам близ с. Саргатка на левобережье Иртыша, в 100 км к северу от г. Омска. Наибольший вклад в изучение памятников саргатской культуры внесли В. А. Могильников (1972; 1973; 1986; 1991), Н. В. Полосьмак (1987), Л. Н. Корякова (1988), Н. П. Матвеева (1993, 1994). Территория распространения памятников саргатской культуры охватывает огромное пространство лесостепи Западной Сибири от восточных предгорий Урала до среднего течения р. Оми в Барабинской лесостепи. На севере граница культуры доходила до района устья Тобола, на юге саргатские памятники располагались на северной границе степи. Сформировалась саргатская культура на основе местного населения эпохи поздней бронзы, определенную роль при этом сыграло и население сузгунской культуры.

Саргатская культура датируется V в. до н. э. - Ш-TV вв. н. э. За почти тысячелетие своего существования ареал распространения культуры не оставался неизменным. Наиболее ранние памятники локализованы в Среднем Прииртышье, Барабе, Среднем Приишимье и Среднем Притоболье. В IV - начале III вв. до н. э. осваивается и Нижнее Притоболье. Однако из Нижнего Притоболья саргатцы вынуждены были уйти уже во II в. до н. э. вытесненные с этой территории таежными охотниками кулайской культуры. Прекращение культуры связано с великим переселением народов, когда во П-Ш вв. н. э. основная часть саргатского населения, вовлеченная в процесс глобального перемещения народов, покинула Западную Сибирь.

www.tobolsk-expedition.ru

Немногочисленные саргатские памятники III-IV вв. н. э. сохраняются только в северной лесостепи оставшейся в стороне от бурных перемещений народов.

Памятники саргатской культуры представлены поселениями и могильниками. Примерно пятая часть всех поселений имеет укрепления. Как показывают исследования на саргатских городищах, система укреплений состояла из рва и земляного вала, дополненного бревенчатым частоколом.

Жилища саргатцев изучены достаточно хорошо. Как показали раскопки, это полуземлянки с углубленными до 1 м в грунт котлованами. В большей части исследованных жилищ выявлены ямки от столбов, расположенные по стенам котлованов, что позволяет судить о существовании наземной конструкции, представляющей собой каркас из вертикальных столбов, скрепленных вверху продольными и поперечными балками. На них могло опираться шатровое перекрытие стен и крыши. Однако чаще всего стены жилых сооружений возводили из нетолстых бревен или досок, вставлявшихся в вертикальные пазы столбов каркаса. Жилища были как однокамерными, так и многокамерными, соединенными между собой длинными крытыми углубленными в грунт коридорами (рис. 12,13). Площадь жилищ колеблется от 9 до 90 кв. м, но большая часть имеет в среднем 20-30 кв. м. К жилищам часто пристраивали выступы и небольшие ниши, вероятно, служившие кладовыми. Вход в жилище представлял собой коридор длиной 2-3 и шириной от 0,8 до 1,5 м. Открытый очаг располагался, как правило, в центре жилища на уровне пола, но известны и очаги в ямах или на специально устроенных возвышениях. Вдоль стен часто оставлялись материковые приступки (нары), служившие лежанками. Полы в жилищах, как правило, были земляными, но известны и деревянные, от которых сохраняются следы бревенчатых лаг. Кроме жилых помещений, известны и небольшие хозяйственные постройки, служившие для хранения припасов и использовавшиеся как металлургические мастерские.

Для погребального обряда саргатского населения характерны трупоположения под курганной насыпью. Особенности обряда изучены достаточно подробно, так как к настоящему времени исследовано 57 могильников, содержащих около 950 погребений. Могильники располагались, как правило, на высоких коренных берегах рек или на вершинах грив. Насыпи курганов складывались из дерновых блоков и имели, скорее всего, вид усеченных конусов. Наряду с небольшими курганами насыпались огромные земляные насыпи, достигающие уже в изрядно оплывшем виде 4-6 метров в высоту. Отдельные курганы достигают диаметра 100 м, а высоты 10 м. А значит, в древности они могли достигать высоты современного пятиэтажного дома. Такие курганы, расположенные в лесостепи на вершинах грив, и сегодня еще видны со всех сторон за многие километры. Курганы часто окапывались канавами-ровиками с одним или двумя проходами. В погребальном обряде с течением времени происходили изменения. Так, в V-III вв. до н. э. над каждым погребенным насыпали курган, позже под одной насыпью хоронили нескольких погребенных, очевидно, членов одной семьи (рис. 11,1).

Центральные погребения представляют собой большие, площадью до 27 кв. м и глубиной до 2,8 м, прямоугольные могильные ямы с парными или коллективными захоронениями. Впускные погребения обычно индивидуальные. Могильные ямы перекрывались поперечным или продольным накатом из бревен, концы которых покоились на краю могил. В ряде курганов над могилами выявлены остатки деревянных сооружений в виде многоугольных низких усеченных пирамид из бревен или жердей. Стенки могильных ям, как правило, не имели облицовки. Зафиксирована она лишь в отдельных богатых погребениях в виде горизонтально уложенных бревен. В ряде погребений встречены низкие срубы в один-два венца. Погребенного укладывали на дно могильной ямы в вытянутом положении на спине, головой на север или с небольшими отклонениями к западу или востоку. В могиле обычно оставляли один-два глиняных сосуда, кусок мяса с ножом, клали предметы вооружения и конской упряжи для мужчин, орудия труда и украшения для женщин (рис. 11,2).

Погребальный ритуал племен саргатской культуры выглядит следующим образом. Первоначально на выбранной площадке выкапывалась могильная яма, совершалось захоронение, справлялась тризна, а затем над погребенным возводилась бревенчатая усыпальница и вокруг погребальной площадки выкапывался ров. Некоторое время погребальное сооружение оставалось деревянным и вокруг него устраивались поминки с обильными трапезами, о чем свидетельствуют находимые при раскопках части костяков животных, остатки посуды, кострища. В более поздний период производились подзахоронения. Завершался погребальный ритуал устройством земляной насыпи из дерновых блоков, которые могли напоминать пирамиды.

Анализ погребального обряда позволяет установить элементы общественной жизни саргатского общества. В саргатском обществе существовал институт возрастных классов. Погребения детей совершались по очень простому обряду, но уже с 14-15 лет подростки становились взрослыми членами общества. Женщина занимала в общественной жизни равное положение с мужчинами. Известны даже отдельные женские погребения с вооружением, что заставляет вспомнить известный миф об амазонках. Большую часть саргатского общества составляли свободные общинники, но можно говорить и о появлении зависимых, бесправных людей. Выделяется и прослойка родовой знати. Именно для них сооружались грандиозные погребальные сооружения с богатым инвентарем, в состав которого входили многочисленные золотые украшения, дорогая посуда. Именно при ограблении саргатских курганов были получены замечательные ювелирные изделия, составляющие гордость Эрмитажа - Сибирскую коллекцию Петра I.

Инвентарь саргатской культуры характеризуется большим количеством самых разнообразных изделий, полученных, главным образом, из погребальных комплексов. Основным показателем, определяющим принадлежность археологического памятника к саргатской культуре, являются керамические сосуды (рис. 13,2-11). Изготавливались они вручную, без гончарного круга. Большая часть посуды кругло донная двух форм

- узкогорлые сосуды с сильно выпуклым ту ловом, прямой или отогнутой шейкой и удлиненные яйцевидные горшки с невыраженным туловом, широким горлом и отогнутой шейкой. Посуда перед обжигом орнаментировалась. Орнамент покрывает обычно венчик, шейку и плечики. Орнаментальные мотивы представлены «елочкой», зигзагом, косыми насечками, спускающимися вниз треугольниками. На ряде саргатских памятников встречены привозные среднеазиатские горшки и фляги, изготовленные на гончарном круге (рис. 13,12). Помимо глиняной посуды использовались и бронзовые котлы на высокой ножке. Один из самых больших бронзовых котлов найден на территории г. Тобольска. При общей высоте 58 см (без учета ручек) размер окружности по верхнему краю составляет 44 х 51 см (рис. 13,13). Котлы, скорее всего, были предметом импорта и поступали сюда как из Минусинской котловины, так и от саков Казахстана.

Племена саргатской культуры прочно освоили металлургию железа. Если для развития бронзолитейного производства не было объективных причин - из за отдаленности сырьевой базы бронзовые и медные предметы поступали сюда в результате обменных операций, а на изготовление собственных изделий шел медный лом - то металлургия железа имзла достаточную сырьевую базу в виде болотного железа, выходов которого предостаточно в западносибирской лесостепи, и богатых запасов древесины, служившей сырьем для получения древесного угля. Болотные руды, несмотря на незначительную мощность отложений, содержат в себе большой процент окисла железа. Для выплавки железа строились небольшие глиняные домницы, в которые засыпали слоями руду и древесный уголь. Непременным атрибутом металлургии железа были меха, с помощью которых через сопла нагнетался воздух в нижней части домницы. Интенсивно подаваемый воздух поднимал температуру горения до необходимой для процесса восстановления железа из окисла. Результатом такой плавки был пористый слиток железа, который подвергался в раскаленном виде кузнечной проковке и из которого формировали брусок металла. При насыщении железа углеродом, содержащимся в древесном угле, получалась сталь,имевшая большую, чем обычное железо твердость. Уже на самом начальном этапе освоения железа саргатские кузнецы имели в своем распоряжении железоуглеродистый сплав в виде сырцовой стали, которая является естественным продуктом сыродутного процесса, значительно превосходящимё бронзу по своим свойствам.

Сталь использовалась, прежде всего, при изготовлении оружия ближнего боя - мечей и кинжалов. При ковке орудий труда, а это, в основном, ножи, только 8% отковано из мягкого железа, остальные - из стали различного качества. Кузнецы этого времени уже умели закалять сталь (термическая обработка), этот процесс в несколько раз увеличивал твердость металла. Характеризуя технологию производства саргатского населения, необходимо отметить, что свободная ковка была основной технологической операцией при производстве орудий труда, оружия и конской сбруи. Однако железные изделия не сумели полностью вытеснить медь, и часть инвентаря оставалась бронзовой.

Среди орудий труда большая часть принадлежит железным ножам с деревянными и костяными рукоятками (рис. 11,27). Для их заточки используют каменные точильные бруски (рис. 11,26). В качестве топоров и тесел используются бронзовые, а впоследствии и железные кельты (рис. 11,20,23). В больших количествах на саргатских памятниках найдены глиняные орнаментированные пряслица (рис. 11,19,21).

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел. На раннем этапе саргатской культуры лук был деревянным и относительно небольшим. Наконечники стрел, учитывая.невысокую дальнобойность лука, были небольшими по весу и размеру. В V-III вв. до н. э. были распространены бронзовые наконечники с треугольной головкой и выступающей втулкой, бронзовые (рис. 11,3,4) и костяные трехгранные наконечники со скрытой втулкой. Со второй половины III в. до н. э. распространяется лук так называемого гуннского типа с костяными накладками усиливающими дальнобойность (рис. 11,18,31), в связи с чем появляются крупные костяные и трехлопастные железные черешковые наконечники стрел (рис. 11,5-14).

Саргатские железные мечи и кинжалы представлены теми же типами, что были распространены у кочевников Приуралья, Казахстана и Средней Азии (рис. 11,30). Кроме мечей, встречаются и железные наконечники копий с небольшим листовидным пером и длинной втулкой (рис. 11,29). Известны и находки бронзовых чеканов (рис. 11,25). Защитное вооружение представлено кожаными панцирями с нашитыми на них костяными, а со II в. до н. э. - железными пластинами. Известны в саргатских погребениях и остатки кожаных и деревянных щитов.

Саргатские племена активно использовали лошадь как транспортное средство. Предметы конского снаряжения часто встречаются в погребениях мужчин. Удила однокольчатые, двухсоставные с загнутыми концами отковывались из железа. Их составной частью были сначала железные или костяные стерженьковидные двухдырчатые псалии (рис. 11,28), затем распространяются крестовидные и кольчатые псалии. Украшения сбруи представлены бронзовыми бляхами. Всадники использовали мягкие седла, стремян не было.

Основным типом пряжек, использовавшихся для скрепления ремней, были пряжки с неподвижным язычком. Формы ременных пряжек повторяют общераспространенные на огромном пространстве степей типы: пряжки костяные, пластинчатые, с прорезями и неподвижным язычком (рис. 11,22,24), а также железные (рис. 11,16) и бронзовые с кнопкой. Но появляются и железные пряжки с подвижным язычком (рис. 11,15).

Украшениями служили бронзовые, а в богатых погребениях и золотые бляшки, выполненные в зверином стиле (рис. 12,4,11,12), столь характерном для степной и лесостепной части Евразии, серьги (рис. 12,7-10), браслеты (рис. 12,3), гривны (рис. 12,5), каменные и стеклянные бусы. Из предметов туалета известны бронзовые зеркала (рис. 12,1,2), бронзовые и костяные булавки, роговые гребни.

www.booksgid.com

Хозяйство саргатцев базировалось на производящих отраслях. Основу составляло скотоводство, благоприятные условия для развития которого имелись в лесостепных и южно-таежных районах. Основным домашним животным была лошадь, в меньшей степени разводили крупный рогатый скот, и совсем немного в стаде было мелкого рогатого скота и свиней. Находки в Потчевашских курганах зерен ячменя, овса и гречихи говорят о занятии саргатских племен земледелием. Но о земледельческих орудиях пока достоверных данных нет. Земледелие играло лишь подсобную роль, о чем говорит и незначительное присутствие в стаде свиней. Присваивающие отрасли - охота и рыболовство - играли хотя и важную, но подсобную роль. Охотились, в основном, на лосей и косуль, изредка добычей саргатских охотников становились кабан и медведь. Охотились также и на пушных зверей: волка, лисицу, выдру, соболя, куницу, сурка.

Богочановская культура. Памятники раннего железного века южно-таежного Прииртышья в 1970 г. были включены В. А. Могильниковым в ивановско-баитовскую культурную общность (Могильников В. А., 1970). Однако данный вывод встретил ряд возражений (Стоянов В. Е., 1975). На основании новых материалов из таежного Прииртышья А. Я. Труфанов выделил богочановский тип керамики (Труфанов А. Я., 1987). Несколько позднее В. А. Могильников, отказавшись от выделения ивановско-баитовской общности, поставил вопрос о выделении особой богочановской культуры (Могильников В. А., 1988). Обоснование схемы развития южно-таежного населения VI-II вв. до н э. в рамках богочановской культуры, в которой выделяется два хронологических этапа - журавлевский (VI - IV вв. до н. э.) и богочановский (IV-II вв. до н. э.), - получило свое развитие в работах Е. М. Данченко (Данченко Е. М., 1991; 1996).

В южно-таежном Прииртышье известно около 50 памятников богочановской культуры, которые занимают территорию от устья р. Оми до устья Тобола. Сформировалась данная культура на основе развития местных культур эпохи поздней бронзы - сузгунской и красноозерской. Пограничное положение богочановцев между двмя огромными и весьма своеобразными культурами - саргатцев в лесостепи и кулайцев в тайге - наложило отпечаток на материальную и духовную культуру племен южной тайги, у которых наблюдается механическое смешение отдельных элементов материальной культуры. У города Тобольска известен пока только памятник богочановского этапа IV-II вв. до н. э. - городище Ивановское (рис. 7). Прекращение существования культуры связано с продвижением на эту территорию племен кулайской культуры, которые изменили на этой территории автохтонное культурное развитие.

Памятники богочановской культуры представлены поселениями и могильниками. Часть поселений укреплялась оборонительной системой из рвов и валов, однако рвы были незначительной глубины, а валы - высоты. Так, глубина рва на Богочановском городище не превышала 1 м от уровня материка. При исследовании оборонительных сооружений не выявлено и остатков каких-либо дополнительных деревянных укреплений.

Богочановские полуземляночные жилые сооружения слегка углублены в материк (до 0,35 м) и весьма разнообразны по площади - от 13 до 64 кв. м. Основу жилища составляли правильной прямоугольной формы постройки с длинным, углубленным в землю входом, к которым могли подстраивать хозяйственные помещения. Жилище отапливалось открытым очагом, углубленным в материк или возвышающимся над уровнем пола. По периметру котлована фиксируются столбовые ямки, кроме них выявлены и хозяйственные, размером доходящие до 3,5 х 1,7 м и глубиной до 1м. В целом, исследованные постройки богочановской культуры IV-II вв. до н. э. аналогичны жилым сооружениям саргатской культуры.

Данные о погребальном обряде очень скудные, что связано с ограниченным характером исследованных памятников и их полной разграбленностью. Для богочановской культуры характерны подкурганные захоронения на уровне древней поверхности или в неглубоких могильных ямах. Вокруг кургана могли сооружать ровик. В насыпях курганов выявлены следы больших кострищ - возможно, остатков поминальных обрядов.

Керамика богочановской культуры является самым массовым источником. Сосуды изготавливались без применения гончарного круга, вручную, ленточным способом. В местную глину добавляли шамот (дробленые фрагменты керамики) и песок, служившие отощителями, чтобы при высыхании и последующем обжиге сосуды не растрескивались. Поверхность еще влажной посуды заглаживали гребенкой или щепой, при этом явные следы оставались только на внутренней поверхности, с внешней стороны сосуды тщательно заглаживались.

Практически все сосуды кругло донные с преобладанием двух основных форм: сосуды закрытые, яйцевидные, без шейки, с диаметром по устью меньше, чем по тулову (рис. 15,5-9), и сосуды с вертикальной или отогнутой наружу шейкой и раздутым туловом (рис. 15,3). Между этими двумя формами существуют и переходные типы со слабопрофилированной верхней частью. Чрез своих южных соседей - саргатцев - богочановцы познакомились с бронзовыми котлами, о чем свидетельствуют глиняные сосуды на поддонах (рис. 15,1). Практически вся посуда орнаментировалась. При этом большей частью орнамент покрывает верхнюю часть сосудов, реже орнаментировалось и тулово. Орнамент наносился, в основном, гребенчатым штампом, встречаются и резные узоры, ямочные вдавления и так называемые «жемчужины» - вдавления палочкой из внутренней части сосуда. Мотивы орнаментации представлены вертикальными или наклонными рядами оттисков гребенчатого или гладкого штампа. При этом ряды могут образовывать елочку, как горизонтальную, так и вертикальную, решетки. Гребенчатым штампом наносились и горизонтальные линии, которые могли образовывать несколько рядов. Из других мотивов нужно отметить двойной или тройной

www.booktechnology.ru

зигзаг, сочетающийся с луночными вдавлениями, выполненные гребенчатым штампом меандры и треугольники. Весьма популярным видом были горизонтальные ряды из «жемчужин» или ямочных вдавлений, причем весьма характерно их чередование. На богочановских памятниках, как и в саргатской культуре, известны находки глиняных блюд, имеющих плоское дно (рис. 15,10). Считается, что такие блюда активно использовались в различных культовых церемониях.

В целом, в керамическом комплексе богочановской культуры, особенно на раннем, журавлевском, этапе, заметны черты, сближающие его с посудой эпохи поздней бронзы, в особенности, сузгунской. При этом с течением времени все заметнее становятся и изменения, характерные для керамики раннего железного века, - появление новых форм сосудов, их круглодонность, заметное обеднение орнаментации.

В инвентаре богочановской культуры наблюдается механическое смешение отдельных категорий вещей, характерных для саргатской и кулайской культур, что связано с пограничным положением занимаемой богочановцами территории. Бронзовые наконечники стрел представлены как большими кулайскими трехлопастными наконечниками (рис. 14,4,5), так и небольшими трехгранного сечения наконечниками (рис. 14,2,3), которые характерны для степной и лесостепной полосы. Костяные наконечники довольно больших размеров, и при этом не выявлены специализированные охотничьи формы, столь развитые у кулайцев (рис. 14,6-9). Преобладание наконечников крупных размеров, а значит, и тяжелых, свидетельствует о существовании у богочановцев мощного лука. На Ивановском городище обнаружены костяные концевые вкладыши, приклеиваемые на деревянную основу лука (рис. 14,11). На богочановском этапе культуры металлургию железа уже прочно освоили, поэтому среди ножей известно только одно лезвие от бронзового ножа (рис. 14,21), остальные железные (рис. 14,20). При этом отковывались огромные экземпляры, по форме аналогичные бронзовым (рис. 14,18). Богочановские кузнецы не только отковывали ножи из железа и кричной стали, но и были знакомы с приемами цементации стальных заготовок, а для повышения большей твердости производили закалку готовых изделий в холодной среде.

Как рубящие орудия использовались бронзовые кельты (рис. 14,22). К предметам вооружения, кроме лука со стрелами и бронзовых кельтов относится и найденный на Ивановском городище черешковый наконечник чекана, изготовленный из кости (рис. 14,1), что свидетельствует о знакомстве богочановцев с этим популярным в раннем железном веке предмете вооружения. Обнаруженный чекан из кости показывает и то, что металлические чеканы были весьма редки и являлись элитным видом оружия, для рядовых воинов у богочановцев не составляло труда изготовить себе чекан из кости. Однако эффективность данного вида оружия была весьма низка, особенно учитывая распространение в это время кожаных доспехов с нашитыми на них костяными пластинами. О наличии подобных доспехов у богочановцев свидетельствуют фрагменты костяного панциря, найденные на Ивановском городище.

Металлургия меди была широко распространена, о чем свидетельствуют найденные на поселениях обломки тиглей, литейных форм, сердечников для отливки бронзовых наконечников стрел и кельтов. О развитом прядении из растительного волокна можно судить по большому количеству пряслиц, имеющих полные аналогии в саргатской культуре (рис. 14,10,13). Из других находок следует отметить костяную ложку (рис. 14,19) и проколку (рис. 14,17). Из украшений известны бронзовые гривны (рис. 14,16) и бронзовая бляшка, украшавшая когда-то конскую упряжь (рис. 14,12).

Предметы культа представлены бронзовыми зоо- антропоморфными изделиями, весьма схожими с кулайскими. Это плоские односторонние, весьма небрежно отлитые изображения без последующей обработки и полировки. Антропоморфные отливки представлены только изображением лица, одно из которых двойное (рис. 14,14,15). Небрежность исполнения свидетельствует о том, что поделки отливались для одноразовых культовых действий, в которых качество изображений не играло решающей роли, а главное придавалось смыслу изображения, расшифровка которого затруднена из-за небрежного исполнения.

Хозяйство населения богочановской культуры основывалось на скотоводстве. При этом разводили лошадей и крупный рогатый скот. В составе стада лошадей было несколько больше, так как лошадь активно использовалась не только как мясное животное, но и как транспортное. Данные о земледелии отсутствуют, и, учитывая достаточно суровые климатические условия южно-таежной зоны, оно если и существовало, то в весьма ограниченных размерах. Другое важное направление в хозяйственных занятиях богочановцев - это присваивающие отрасли: охота и рыбная ловля. Охотились, главным образом, на лося, в меньшей степени - на косулю и кабана. Изредка добывали и медведя. Важным направлением была охота на пушных животных. Лов рыбы осуществлялся как в реках, так и в озерах. В больших количествах вылавливали щуку, налима, стерлядь, язя, окуня.

Кулайская культура. Одно из ярких явлений раннего железного века Западной Сибири кулайская культура. Существуя одновременно с саргатской и богочановской, она была распространена в таежных районах. Впервые необычное бронзовое ажурное литье с зоо- и антропоморфными изображениями вошло в литературу благодаря работам И. М. Мягкова, опубликовавшего сведения о кладе изделий с горы Кулайка из Нарымского Приобья (Мягков И. М., 1927). Позднее В. Н. Чернецов назвал эту культуру кулайской (Чернецов В. Н., 1953, с. 228). Однако связь культового литья и керамики, орнаментированной фигурным штампом уточкой, была прослежена только в шестидесятые годы М. Ф. Косаревым (Косарев М. Ф., 1964; 1969). Огромный вклад в изучение хронологии и особенностей материальной культуры кулайцев внесли работы Л. А. Чиндиной (Чиндина Л. А., 1984) и Т. Н. Троицкой (Троицкая Т. Н., 1979).

Нижней хронологической датой кулайской культуры является VII в. до н. э. Возникнув на основе местного позднебронзового населения, эта самобытная культура просуществовала до эпохи средневековья - до V в. н. э. Наиболее ранние памятники кулайской культуры находятся в таежной зоне Нарымско-Сургутского Приобья. В конце III в. до н. э. кулайцы продвигаются из своих исконных территорий на юг и занимают территорию Томского Приобья. Со II в. до н. э. происходят массовые миграции кулайцев. Они занимают территорию от Обской губы на севере до большей части Верхнего Приобья на юге, все таежное и часть лесостепного Прииртышья на западе. Именно во II в. до н. э. кулайцы приходят К устью Тобола и вытесняют жившие здесь ранее саргатские племена. С продвижением кулайцев связано и прекращение такого этнокультурного явления, как богочановская культура.

Памятники кулайской культуры представлены поселениями, могильниками, культовыми местами. Подавляющая часть кулайских памятников - это неукрепленные поселения. Однако известны и городища, особенно в зонах контактов с представителями других культур. Городища укреплены рвом, глубина которого доходила до 1,2 м и валом, высота которого доходила до 1,5 м. Земляной вал мог укрепляться деревянным каркасом из вертикальных столбов и горизонтальных жердей, выложенных клетью. По верху вала шел невысокий частокол. На городище вел неширокий въезд. Жилища на поселениях могли располагаться как правильными рядами, так и по окружности.

Жилища кулайской культуры объединяет, как правило, четырехугольный котлован глубиной до 70 см. Наземная часть жилищ могла быть как срубной, так и каркасной. Общая площадь построек колеблется от 8 до 48 кв. м. Сруб устанавливали на дно котлована, причем бревна крепились в углах в «лапу». В постройки вел земляной вход, над которым располагались рубленные или каркасные сени. Каркасные постройки двух типов: 1) четыре вертикальных столба, скрепленные вверху рамой, на которые опирались косо .поставленные жерди и плахи; 2) вертикальные столбы по углам жилища с пазами, в которые вставляли горизонтальные нетолстые бревна или доски. В центре жилищ располагался очаг - простой костер. В крыше оставалось отверстие для выхода дыма.

Могильников кулайской культуры известно немного, и в основном - на периферийных территориях кулайской культуры. Исследованы грунтовые могильники с положением погребенного на спине, вытянуто, в деревянном ящике завернутым в бересту. Кроме того, имеются могилы и с остатками трупосожжений (кремацией). В Верхнем Приобье на могильнике Каменный Мыс погребенных хоронили под курганной насыпью, причем курганы имели вытянутую форму, так как при каждом последующем погребении насыпь наращивали в одну из сторон.

Характерной особенностью кулайской культуры является наличие так называемых «кладов», куда входили разнообразные металлические изображения, предметы вооружения, зеркала и бляхи. Чаще всего «клады» обнаруживаются случайно, и они не связаны с наличием культурного слоя или погребения. Наиболее достоверная точка зрения рассматривает «клады» как материальные остатки святилищ, в которых собирались приношения для богов. У таких святилищ устраивались военные пляски. Присутствие оружия в кладах свидетельствует, по мнению некоторых ученых, о складывании военно-потестарных организаций для ведения войн не только для того, чтобы расширить территорию, но и для грабежа соседей, разорения их поселков и захвата имущества.

Инвентарь кулайской культуры включает большое разнообразие изделий. Сосуды изготавливались из глины вручную. Характерная особенность кулайской посуды состоит в том, что внутренняя поверхность выравнивалась зубчатым предметом и перед обжигом не сглаживалась, отчего на поверхности оставались хорошо различимые следы формовки. Сосуды представлены невысокими круглодонными или с приостренным дном горшками с прямой или скошенной внутрь шейкой (рис. 18). Известна и глиняная посуда на поддонах - результат подражания бронзовым котлам (рис. 18,18). Сосуды тщательно орнаментировались. Орнамент покрывает верхнюю трегь сосуда. Основные элементы - ямочные вдавления, «жемчужины», оттиски гребенчатого, треугольного, ромбического, штампов. Сосуды орнаментировались волнистым штампом и волнистыми линиями из протащенного гребенчатого штампа. Ярким показателем кулайской культуры является штамп «уточка», напоминающая латинскую «S». Сейчас трудно установить действительно ли это изображение водоплавающей птицы, или только часть сложного узора - символа солнца.

Кулайские мастера довольно рано овладели секретами металлургии железа. Однако еще долго наряду с железными употреблялись орудия из бронзы. Ножи отковывались из железа, а на ранних этапах культуры - из бронзы. Железные ножи небольших размеров, длиной 5-10 см вместе с рукоятью (рис. 16,17). Широко были распространены бронзовые кельты, служившие топорами (рис. 16,15), а в конце I тыс. до н. э. появляются и откованные из железа (рис. 16,14). Массовым материалом являются глиняные, костяные и каменные пряслица с разнообразным узором (рис. 16,16). Украшениями служили стеклянные и бронзовые бусины, бронзовые бляхи-пронизки с меандровым орнаментом, которые надевали на концы кос (рис. 17,6-9), различной формы подвески, отливаемые кулайскими мастерами на месте (рис. 16,18).

Вооружение кулайских воинов - а это были все мужчины, способные носить оружие, - состояло из наступательного и оборонительного. К первому относятся лук и стрелы. Лук, в отличие от небольшого простого лука южных соседей, обладавшего слабой убойной силой (об этом свидетельствуют небольшие размеры наконечников стрел), у кулайцев был сложносоставным и, как свидетельствуют этнографические материалы, мог достигать длины 140 см. Стрелы снабжались массивными бронзовыми трехлопастными наконечниками со скрытой втулкой (рис. 16,3-5) так называемого «кулайского» типа. Широко применялись и

костяные наконечники (рис. 16,10,11). С начала нашей эры в кулайской среде появляются железные наконечники стрел, быстро вытеснившие бронзовые. Другим оружием ближнего боя являлись чеканы бронзовые, а затем железные - массивные орудия с длинным тонким проникателем, насаженные на длинную рукоятку и способные пробить любой защитный доспех (рис. 16,6). Как рубящее оружие использовались и бронзовые кельты. Широко применялись и копья с бронзовыми и железными наконечниками (рис. 16,7,8). Из оружия ближнего боя известны небольшие железные кинжалы - акинаки, которые носили в ножнах, прикрепив их верхний конец к поясу, а нижний - к ноге. Защитное вооружение состояло из панцирей, которые изготавливались из костяных и роговых пластинок, связанных ремешками. Грудь воина при этом защищала массивная роговая пластина с изображением антропоморфной личины и* двух акинаков. Голову защищал высокий железный шлем с длинным наносником, попавший в Западную Сибирь из Парфии (рис. 16,1).

Одной из ярких черт, характеризующих кулайскую культуру, является наличие разнообразных изображений, выполненные в бронзовом литье (рис. 17). Наиболее ранние выполнены в плоской односторонней ажурной технике литья, отличающейся стилизованностью изображений и небрежным, без последующей доработки, изготовлением. Позже былая ажурность исчезает, уступая место реализму в художественном исполнении образов. Излюбленными мотивами были изображения головы человека или его фигуры, а также всадников, изображения лосей (рис. 17,13,14), хищников - медведя и волка (рис. 17,15), птиц с развернутыми крыльями и личиной на груди (рис. 17,11,12). Кулайское бронзовое литье - явление уникальное и очень самобытное, на которое практически не повлиял скифо-сибирский звериный стиль. Бронзовые изображения являются великолепными иллюстрациями к древним мифам. Кулайское искусство легло в основу высокохудожественной технике средневековых мастеров таежных районов Западной Сибири.

Антропоморфные изображения позволяют судить в какой-то мере и о внешнем облике людей кулайской культуры. Это, прежде всего, татуировка на лицах в виде самых разнообразных полос, косы носили не только женщины, но и мужчины (рис. 17,1-5,10).

Хозяйство населения кулайской культуры, которое проживало в таежной зоне Западной Сибири, базировалось на присваивающих отраслях. Одной из главных отраслей было рыболовство. Рыбу ловили, ставя запоры и ловушки на небольших речках, кроме того, существовала и ловля рыбы сетями. Материалом для производства сетей служило крапивное волокно. Гарпунные наконечники свидетельствуют о том, что на небольших речках с прозрачной водой с лодок лучили рыбу (рис. 16,9,12). Причем гарпунный наконечник не закреплялся намертво на древке, а свободно вставлялся в прорезь, но к нему был привязан тонкий шнур. При поражении крупной рыбы наконечник оставался в теле, а добычу подтягивали на шнуре. Другая не менее важная отрасль - охота. Главными объектами добычи были лось и северный олень. Высокий процент составляла и охота на пушного зверя. Ценные шкурки соболя, бобра, белки и других шли не только на собственные нужды, но и для обменных операций, ведь медь, украшения, первоклассное вооружение в больших количествах можно было только купить.

В южно-таежных районах и на границе с лесостепью кулайцы занимались и скотоводством. Причем разводили, главным образом, лошадей, хорошо переносивших зимнее содержание в суровых экологических условиях. Однако скотоводство носило лишь подсобный характер, выполняя и транспортные цели.

§3. Эпоха средневековья

Потчевашская культура. Одной из ярких культур средневековья является потчевашская культура, выделенная В. И. Мошинской в 1953 году на основании небольших раскопок на Потчевашском городище в 1951 году совместно с В. Н. Чернецовым, и коллекции вещей из раскопок на этом городище М. С. Знаменского (Мошинская В, И,, 1953). Первоначально она была датирована ранним железным веком, впоследствии, при накоплении материала, уральскими исследователями культура отнесена к эпохе средневековья (Генинг В. Ф. и др., 1970). Целый ряд работ посвящен хорошо исследованным памятникам: Логииовскому городищу (Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969), могильников Лихачевский (Генинг В. Ф., Зданович С. Я., 1987), Окуневский (Могильников В. А., Коников Б. А., 1983), Чулым 2 (Елагин В. С., Соболев В. И., Сидоров Е. А., 1988), городищ Барабинской лесостепи (Елагин В. С., 1988). Обобщающие работы В. А. Могильникова (Могильников В. А., 1987) и Б. А. Коникова (Коников Б. А., 1982; 1992) позволяют достаточно полно охарактеризовать потчевашскую культуру.

Существование потчевашской культуры определяется в пределах VI-IX вв. н. э. Основным компонентом, принявшим участие в сложении культуры, являлись кулайские племена, но в ее становлении приняли участие и носители саргатской культуры которые активно взаимодействовали с кулайским населением в конце раннего железного века. Население потчевашской культуры относится, скорее всего, к угорскому этносу и является прямыми предками южных хантов.

Памятники потчевашской культуры распространены на огромной территории, занимая подзону южной тайги и лесостепь. Основные памятники находятся на Иртыше, располагаясь от г. Тобольска на севере до г. Омска на юге, захватывая нижнее течение р. Ишим и Барабинскую лесостепь. В настоящее время известно более 60 памятников потчевашской культуры. Это городища, поселения и могильники. Близ Тобольска, кроме городища Потчеваш, культурный слой потчевашского времени содержится на городищах Ивановское, Искер и поселении Чукман.

www.tobolsk-expedition.ru

Поселения потчевашской культуры были, как правило, укреплены сложной оборонительной системой. Они располагались на краю надпойменных террас, часто занимая удобные мысы. Остатки оборонительных сооружений в настоящее время не впечатляют своими размерами. Валы высотой 1, редко до 1,5 м и неглубокие, до 1 м, рвы. Хорошо видны и въезды на городища, которые представляют собой перерывы в средней части оборонительной системы. Устройство оборонительных укреплений было исследовано на Долговском городище, расположенном близ устья р. Вагай. Здесь поперек мыса вплотную друг другу были построены жилища. Чуть отступя от них, был выкопан ров, достигающий глубины 1,5 м. По краю рва шла срубная стена из бревен. Расстояние между этой стеной и задними стенками жилищ было засыпано землей изо рва. Несколько по-другому была сделана оборонительная система на Логиновском городище. Здесь на невысокой пологой террасе по окружности располагались 10 жилищ. Вокруг них был выкопан ров шириной 2-3 м и глубиной 1-1,5 м. С внутренней части городища, вдоль рва, была сооружена стена из поставленных вплотную узких срубов, засыпанных землей. Высота этих срубов вряд ли превышала 2 метра. С южной и северной сторон городища находились две срубные башни, которые несколько выступали перед линией укреплений и позволяли вести фланговый обстрел.

Несмотря на использование потчевашскими строителями классической схемы устройства деревяннозем ляных укреплений, совместная высота этих сооружений на потчевашских городищах была небольшой. Ров редко достигал глубины 1,5 м, а стены с валом не возводились выше 2,5 метров.

Жилища потчевашской культуры углублялись в грунт не более чем на 1 м от уровня дневной поверхности. В плане они были подпрямоугольной формы, размером от 5 х 4 до 7 х 8 м. Со стороны входа в выкопанном котловане оставлялась земляная приступка, а по краям жилища шли материковые нары. Очаг располагался в центре и представлял собой простой костер для освещения и обогрева жилища. Как показывают исследования жилищ, стены были срубные поставленные по краю котлована/ Крыша была либо покатой к одной из стен, либо двухскатной, с обязательным отверстием в центре для выхода дыма. Деревянное перекрытие для утепления засыпали толстым слоем земли. При раскопках потчевашских жилищ встречаются целые слои, состоящие из обломков сосудов. Вполне возможно, битую керамику складывали на крышах, а после разрушения жилища она попадала в котлован.

Погребальный обряд носителей потчевашской культуры характеризуется грунтовыми захоронениями, но в зонах интенсивного межэтнического контакта, под влиянием тюркского населения, умерших хоронили и под курганными насыпями. При погребении большое значение имел огонь. В наиболее ранних могильниках покойников сжигали. Кремация совершалась на стороне, а останки покойника - мелкие косточки от пережженных костей - захоранивались в неглубоких могильных ямах. Позже кремация вытесняется ингумацией. Для умерших выкапывали неглубокие, до 1,15 м, могильные ямы. Погребенные лежат на спине, вытянуто, головой на северо-запад. В погребальном обряде использовалась береста, в которую заворачивали покойников, берестой закрывали могильное перекрытие из жердей. Большую часть покойников сопровождал разнообразный инвентарь: орудия труда, оружие, конская упряжь, детали поясных наборов, украшения. Обязательно с погребенным ставили глиняный сосуд, часто оставляя его перевернутым вверх дном (рис. 21,1).

Вещевой комплекс представлен самыми разнообразными изделиями. Наиболее массовым материалом является керамика. Сосуды лепились вручную, без применения гончарного круга, из местных глин, а для того, чтобы они при высыхании не растрескивались, в глиняное тесто добавляли песок или мелкий шамот (дробленые фрагменты битых сосудов). Обжиг посуды производили на костре. Наиболее распространены две формы сосудов: кругло донные с высокой шейкой и шаровидным туловом (рис. 21,8,9,11-14) и невысокие, толстостенные, чаще всего овальные жаровни с наклоненными наружу стенками и уплощенным дном.

Практически все сосуды орнаментировались. Как правило, узор покрывает шейку и плечики сосуда. Основные элементы орнамента: гребенчатый штамп, прочерченные гребенкой каннелюры, оттиски полулунного или рамчатого штампа. Мотивы орнаментации - горизонтальные ряды вертикального или слегка наклонного гребенчатого штампа, иногда эти ряды образуют горизонтальную елочку, горизонтальные каннелюры, наклонные колонки из оттисков гребенчатого штампа, горизонтальные зоны и треугольники из оттисков штампа (рис. 21). На Долговском 1 городище был найден фрагмент ладьевидного сосуда, украшенного изображением головы какого-то животного.

Главными орудиями для деревообработки служили железные тесла с несомкнутой втулкой (рис. 19,16). Костяные клинья (рис. 19,23) использовались для рыхления земли при выкапывании котлованов землянок и возведения оборонительных сооружений, для раскалывания бревен на плахи и доски. Широко в хозяйственных целях использовались и железные ножи (рис. 19,13,14), большей частью небольших размеров, которые насаживались на деревянные или костяные рукояти. В ткачестве применялись глиняные пряслица, с помощью которых из волокон получали нити (рис. 21,5,6). Пряслица орнаментировались, причем самым характерным узором были радиально расходящиеся лучи из оттисков гребенчатого штампа.

Кузнечное ремесло потчевашской культуры характеризуется более высоким, чем прежде, уровнем развития. Железо стало обыденным. Практически на каждом поселении встречаются отходы металлургического производства: оплавленные шлаки, обломки криц, заготовки железных изделий. При изготовлении ножей, помимо свободной ковки, применялась двух- и трехслойная сварка клинков, такие изделия хорошо держали остроту лезвия и не ломались при изгибах. Наряду с этим ковались цельностальные и цельножелезные ножи. В качестве дополнительной операции, увеличивающей твердость металла, использовали мягкую и твердую закалку. При изготовлении других категорий орудий труда - кельтов,

скобелей, серпов - употребляли, в основном, цельностальные заготовки. Практически на каждом поселении встречены следы плавки меди. Орудия бронзолитейщиков представлены глиняными тиглями, в которых плавили металл, они имеют небольшие размеры и очень похожи на рюмки (рис. 21,10). Расплавленный металл разливали по формам с помощью глиняных льячек с небольшим носиком и отверстием для деревянной рукояти. Из меди и сплава меди с оловом - бронзы - потчевашские литейщики с помощью каменных и глиняных форм отливали замечательные украшения.

В потчевашской культуре получают распространение объемные металлические изделия, для отливки которых, прежде всего, изготавливали штамп с барельефом одной из сторон. Затем штампом производился оттиск на двух половинках еще мягкой глиняной формы. После просушки и обжига формы можно было производить отливки. Для того, чтобы изделие было полым, с тонкими стенками, что значительно экономило дорогой по тем временам металл, края формы покрывали слоем сала. В образовавшееся между половинками формы пространство впрессовывалось влажная глина, образуя сердечник. После того, как производилась заливка расплавленного металла, сало плавилось, и его место занимала бронза. После того, как форма остывала, ее разъединяли и, удалив изнутри сердечник, дорабатывали готовое изделие полировкой. Потчевашские литейщики изготавливали и односторонние поделки, используя двухсторонние формы. Для этого одностороннюю форму просто закрывали гладким бруском, но и в нем проделывали специальные каналы для ушков, служившие для крепления украшений.

Неспокойные времена, постоянные угрозы военного вторжения заставляли потчевашцев не только укреплять свои поселки, но и иметь развитый комплекс защитного и наступательного вооружения, не уступающий по количеству и качеству вооружению соседей. Основным видом вооружения был лук со стрелами. Лук, скорее всего, был цельнодеревянным, склеенным из разных пород дерева. Наконечники стрел изготавливались из железа и кости. Железные наконечники были как трехлопастными, так и плоскими листовидной формы. Они применялись для поражения незащищенного панцирем противника. Для пробивания же доспехов служили бронебойные наконечники квадратного или ромбического сечения с шиловидным или долотовидным острием (рис. 19,1). Массовым было производство наконечников из трубчатых костей крупных животных (рис. 19,2-12). На потчевашских памятниках найдены костяные свистунки (рис. 19,9). Их закрепляли сразу же за пером наконечника (рис. 19,8). При полете такая стрела издавала резкий свист. Массовый пуск таких стрел подавлял волю противника к сопротивлению.

Другим наступательным видом вооружения было копье с железным втульчатым наконечником с узким, ромбическим в сечении пером. Очень редким видом оружия были сабли или палаши - они пока известны только по изображениям воинов с городищ Потчеваш и Долговское 1. Защитным вооружением потчевашских воинов был комбинированный панцирь из скрепленных между собой железных пластинок, нашитых на кожаную основу. На исследованных памятниках обнаружены отдельные пластинки от таких панцирей, а на городище Потчеваш найдено изображение человека в панцире, причем панцирные доспехи защищали не только грудь воина, но и его руки и ноги (рис. 20,11). Судя по антропоморфным изображениям, были и конические железные шлемы, защищающие голову воина.

Конь активно использовался потчевашцами как транспортное средство. Об этом свидетельствуют находки в погребениях железных стремян восьмерковидной формы и с пластинчатой петлей, кроме того, известны и костяные стремена, найденные М. С. Знаменским на городище Потчеваш (рис. 19,18,21). Встречаются однокольчатые со стержневыми псалиями железные удила (рис. 19,15), чуть позже появляются удила с восьмерковидными концами. На городище Потчеваш и Долговском были найдены миниатюрные глиняные фигурки коней, к которым отдельно лепились глиняные же седла и всадники (рис. 21,3). Седла были с деревянной основой, обтянутой кожей, и поэтому не сохранились; об их форме позволяют судить глиняные модели. Седла имели высокие передние и задние луки и не отличались от одновременных седел тюркоязычного населения Саяно-Алтая и Средней Азии.

Непременным атрибутом воинов того времени были кожаные пояса, украшенные медными бляшками (рис. 20,9,10,12,15). Такие пояса и отдельные бляшки встречаются как в погребениях, так и на городищах. Поясные пряжки были костяными (рис. 19,17), медными (рис. 20,7,8,14) и железными. Накладные бляшки, крепившиеся к кожаной основе ремня, имеют самые разнообразные формы, часто украшены растительным орнаментом (рис. 20,12). Оканчивался пояс медным или бронзовым наконечником ремня (рис. 20,21). Весьма часто воин надевал сразу два пояса.

Из украшений известны серьги нескольких типов. Самые распространенные - кольчатые, несомкнутые (рис. 20,13,16). На городище Потчеваш и памятнике Долговское 1 найдены серьги с овальным кольцом и шариком и с профилированной литой подвеской (рис. 20,17). Продетые в ухо серьги носили не только женщины, но и мужчины. Очень часто именно серьги такой формы изображены на тюркских каменных изваяниях Сибири. Кроме того, известны и ручные медные браслеты (рис. 20,19), бусины изготавливались из бронзы бочонковидной формы, вполне возможно, как украшения использовались и орнаментированные цилиндрические глиняные изделия. Очень редко встречаются многогранные сердоликовые и хрустальные бусы. Бусин в целом найдено немного, и археологические материалы показывают, что они не пользовались большой популярностью у населения южной тайги. Украшением служили и литые пронизки трубчатой формы (рис. 20,20) или скрученные спиралью из медной проволоки. Бытовые предметы представлены костяными ложками (рис. 19,22), костяными игольницами, представляющими собой полую трубчатую косточку, в которых хранили железные иголки, вполне аналогичные современным, а также бронзовым позолоченным

зеркалом. Досуг потчеващцам помогали скрасить разнообразные игры в кости, о чем свидетельствуют найденные на потчевашских памятниках астрагалы мелкого рогатого скота и бобра (рис. 19,19,20), имеющие нарезки и отверстия.

В качестве украшений использовались и довольно многочисленные зооморфные и антропоморфные подвески и нашивки, отлитые из меди или бронзы (рис. 20,1-6,11). Традиции изготовления подобных изделий сохранялись с раннего железного века (кулайская культура), но в средневековье, в отличие от более ранних, они выполнены с художественным мастерством и тщательно обработаны. Зооморфные изделия отлиты в своеобразном зверином стиле, характерном для таежной зоны Западной Сибири. Среди персонажей представлены медведь, лось, хищные птицы - филины, бобр, соболь, змея. Антропоморфные отливки - это мужчины, причем иногда с предметами вооружения, изображенные в полный рост, руки на животе. Ступни вывернуты и смотрят друг на друга. При этом сами ступни могли быть изображены как птичьи головы. Среди изделий встречаются и разнообразные композиции. Наиболее многочисленные - это изображения птицы с личиной на груди, попирающего змею медведя. Кроме того, что эти изображения служили украшениями, им придавались и культовые значения, отражавшие тотемистические и анималистические представления общества, эти подвески могли служить в качестве оберегов, предохраняющих человека от воздействия злых потусторонних сил.

Хозяйство племен потчевашской культуры было многоотраслевым, сочетавшим скотоводство с охотой и рыбной ловлей. Основу хозяйственной жизни составляло животноводство. Разводили, в основном, лошадей, в меньшем количестве - крупный рогатый скот, и совсем немного - мелкий рогатый скот. Земледелие, если оно и существовало, играло крайне незначительную роль, так как на довольно хорошо исследованных археологических памятниках потчевашской культуры не найдено ни остатков орудий для обработки земли, ни жерновов для переработки урожая. Единственный аргумент в пользу земледелия - это находка на городище Большой Лог в г. Омске серпов. Однако это городище многослойное, и поэтому решающим аргументом в пользу существования земледелия у потчевашцев они являться не могут.

Скотоводство дополнялось охотой. В охоте важную роль играла собака, останки этих животных найдены на многих потчевашских памятниках. Охотились на лося, косулю, северного оленя, медведя. Добывали и пушных животных - пушнина служила важным источником для интенсивного обмена с соседями. Основным орудием охотника являлся лук. Для добычи зверя применялись различные специализированные наконечники стрел. Так, для охоты на пушных животных применялись наконечники с тупым окончанием для того, чтобы не испортить их шкурок (рис. 19,4). Использовались и различного рода самострелы, о чем свидетельствуют укрупненные наконечники стрел, а также ловушки давящего действия и силки. Большое значение имело рыболовство, о котором свидетельствуют кости рыб, найденные в культурных слоях потчевашских памятников. Эти кости иногда весьма многочисленны и образуют целые скопления. Ловили щук, окуня, карася, язя, линя и осетровых. Рыбу ловили при помощи железных крючков, сетями, от которых сохранялись каменные грузила, кроме того, крупную рыбу лучили при помощи съемных костяных гарпунных наконечников (рис. 19,5,6). Кроме того, конечно же, использовались различные запоры и плетеные ловушки.

Усть-ишимская культура. Название культуре дали исследованные Б. А. Кониковым курганы у с. Усть-Ишим (Коников Б. А., 1982). С выделением этой культуры согласился и В. А. Могильников (Могильников В. А., 1987, с. 193). Эти два исследователя внесли наиболее значительный вклад в изучение различных сторон усть-ишимской культуры (Могильников В. А., 1964; 1968; 1973; 1987; Коников Б. А., 1982; 1992; 1993). Памятники усть-ишимской культуры, расположенные в таежном Прииртышье, датируются в пределах X-XIII вв. Наибольшая их концентрация наблюдается близ устья реки Ишим где, по всей видимости, был центр территории. Южная граница распространения памятников проходит несколько выше устья р. Тары, северная доходит до устья р. Тобол. Близ г. Тобольска известно два памятника, на которых обнаружен материал усть-ишимской культуры, это городище Потчеваш и Искер.

Усть-ишимская культура формируется на основе потчевашской. Смены населения не произошло, часто культурные слои потчевашской и усть-ишимской культур содержатся на одних и тех же памятниках. Некоторые исследователи, учитывая весьма схожую материальную культуру второй половины I и начала II тыс. н. э., рассматривают культуру населения этого времени в рамках одной культуры с подразделением на хронологические этапы. Наиболее вероятна точка зрения об угорской принадлежности носителей усть-ишимской культуры. Прекращение существования культуры связано с приходом в XIII в. в южно-таежное Прииртышье тюркоязычных групп населения, которые вытесняют, а частично - ассимилируют местное угорское население, в результате чего формируются различные группы иртышских татар.

Всего в настоящее время известно более 50 памятников усть-ишимской культуры, которые представлены поселениями, городищами и курганными могильниками. Под поселения выбирались места вблизи устьев небольших рек или на берегу пойменного озера. Большинство усть-ишимских поселений укреплены оборонительной системой. При устройстве городищ выбирались длинные и высокие мысы, для укрепления которых не требовались слишком большие трудозатраты, так как нужно было лишь перегородить укреплениями основание мыса. При отсутствии удобных мысов городища возводились на прямых участках террас, где укрепления возводились уже с трех сторон. Известны и усть-ишимские городища, расположенные в пойме на сопках и останцах. В этом случае дополнительными препятствиями служили широкие протоки и топкие болота. По сравнению с памятниками предшествующего времени, укрепления стали более мощными и

сложными. Земляной вал, вполне возможно, дополнялся и деревянными укреплениями. Так как на большинстве городищ в оборонительных системах не прослеживаются проезды, можйо предполагать, что для связи с внешним миром служили перекидные мостки, убиравшиеся во время военной опасности. Исследования, проведенные на укреплениях, показали, что земляные валы периодически приходилось подсыпать, их откосы укреплялись плахами и бревнами. На валах возводились деревянные укрепления - частоколы. Имелись и деревянные башни, с которых могли вестись фланговые обстрелы.

Раскопанные жилища подразделяются на два типа - срубные землянки и каркасно-столбовые со слегка углубленным в материк полом. В элементах конструкции усть-ишимских жилищ сохраняется преемственность с конструкцией жилищ предшествующего времени. Это земляные нары по двум сторонам жилищ, в котловане у выхода иногда прослеживаются приподнятые материковые площадки. Крышу перекрывали жердями, а сверху настилали специально выделанные берестяные тиски. Непременным атрибутом жилищ служили хозяйственные ямы, которые выкапывались в земляном полу. Их глубина составляла 30-40 см, и они закрывались деревянными крышками. В таких погребках хранили запасы пищи (иногда в глиняных горшках), разнообразную утварь.

По сравнению с потчевашским временем, произошли определенные изменения в погребальном обряде. Прежде всего, хоронить стали под курганными насыпями. Скорее всего, в этом сказалось влияние тюркского населения лесостепной части Западной Сибири. Из усть-ишимских могильников, исследованных в Тюменской области, наиболее полно изучены курганы вблизи с. Тамбурень, расположенные на берегу старой Иртышской протоки. Еще в конце 40-х годов отсюда поступили в Тобольский музей несколько замечательных предметов. В 1992 году экспедицией Тобольского музея на могильнике раскопано три кургана (Адамов А. А., 1996), а в 1999 г. еще один курган (Адамов А. А., 1999).

Размеры исследованных курганов 11,2 х 11,9 м, 13 х 10,2 м, 11,3 х 6,3 м, 17,1 х 13,3 м, высота - от 0,5 до 1,33 м. В насыпях встречены следы поминальных тризн - мощные прокалы, обломки сосудов, чаще всего в виде развалов, и отдельные вещи. Все раскопанные курганы многомогильные и содержали от трех до одиннадцати погребений. Всего раскопано двадцать семь могил. Выделяются погребения в насыпи кургана (10 могил), в могильных ямах (17 могил). Единственный обряд погребения в могильнике - трупоположение на спине, вытянуто, руки лежат вдоль тела (рис. 22,1). Как правило, это одиночные погребения, но встречено два парных.

Несмотря на то, что основная часть погребений ограблена, установить ориентировку костяков удалось в 17 могилах. Из них в четырех могилах погребенные были ориентированы головой на СЗ, два на СВ, по одному ЗЮЗ, и ЮЗ, три на В, шесть на ЮВ, что показывает на отсутствие строгого канона при ориентировки погребенных. В кургане 3 прослеживается круговое расположение могил вокруг центральной могильной ямы. Каких-либо сооружений над могилами или следов деревянного перекрытия не обнаружено. Трое погребенных лежали в деревянных колодах. Еще в одном, детском, погребении по дну могилы прослеживался древесный тлен, поверх которого береста - скорее всего, ребенок был завернут в бересту и положен в колоду. В большинстве погребений обнаружены глиняные сосуды, поставленные вверх дном, которые, как правило, располагались в ногах костяков.

Вещевой комплекс представлен разнообразными изделиями из железа, бронзы, кости, камня. Как и прежде, для обработки дерева использовались железные тесла с несомкнутой втулкой (рис. 22,23), бревна раскалывали на доски с помощью костяных клиньев. Многофункциональным орудием являлись железные ножи длиной от 4 до 23 см. В детском погребении могильника у с. Тамбурень найден небольшой ножик с деревянной ручкой (рис. 22,26). Известно большое количество пряслиц, которые делались из глины (рис. 22,12), кости и дерева.

Усть-ишимцы пользовались самыми разнообразными бытовыми предметами. Это костяные и деревянные гребни (рис. 22,22), ложки из кости и бронзы. Все сосуды усть-ишимской культуры вылеплены от руки, без использования гончарного круга. Сосуды круглодонные с прямой или слегка отогнутой шейкой и раздутым туловом (рис. 23,4-6). Кроме того, известны закрытые баночные сосуды (рис. 23,7-9), встречаются и низкие, толстостенные, с уплощенным дном жаровни. Подавляющая часть сосудов орнаментировалась ямочными вдавлениями, гребенчатым, треугольным или ромбическим штампами. Орнаментальные композиции состоят из горизонтальной елочки, рядов из наклонного гребенчатого штампа, арочных мотивов, по тулову часто спускаются треугольники из фигурных штампов. Кроме глиняной посуды, встречаются и небольшие медные котелки, бронзовые блюдца, берестяные туески.

Как и в предшествующее время, основным видом наступательного оружия был лук со стрелами. Лук стали делать не только из нескольких пород дерева, но и усиливали его костяными накладками. Костяные накладки были срединными - лопатообразными, предохранявшими лук от поломки в наиболее уязвимой средней части, и прямоугольными, крепившимися на плечах лука (рис. 22,8). Использование костяных накладок сказывалось не только на крепости лука, но и на его дальнобойности, которая значительно увеличивалась. Из такого лука могли стрелять более тяжелыми стрелами с массивными железными наконечниками.

С начала II тыс. н. э. в Западной Сибири стали употребляться, в основном, плоские наконечники стрел разнообразной формы - ромбические, подтреугольные (рис. 22,4,5), шипастые. Появляются и массивные бронебойные (рис. 22,2,3). Широко в это время продолжают использоваться и костяные наконечники (рис.

www.tobolsk-kraeved.ru

22,7) ромбического или треугольного сечения. Наконечники хранили в берестяных колчанах, верхнюю часть которых для жесткости укрепляли металлическими пластинами.

Важным оружием продолжают оставаться и копья. Их железные наконечники с широким листовидным пером и длинной втулкой изредка встречаются в погребениях мужчин - воинов.

Рубящее вооружение представлено короткой прямолезвийной саблей с изогнутой рукоятью. Изогнутая рукоять у сабли играла важную роль, так как позволяла делать не только мощные рубящие удары, но и движением руки на себя дополнять удар резанием, нанося при этом противнику страшные раны. Именно с появлением сабли появилась реальная возможность разрубать (точнее, разрезать) противника надвое - подвиг, который ранее приписывали лишь былинным богатырям. Другим видом рубящего оружия являлись небольшие железные топорики с узким лезвием. Такие топорики весьма редки на территории Западной Сибири, но довольно частая находка в степной части Восточной Европы.

Защитное вооружение было представлено, как и в предшествующее время, пластинчатым доспехом из связанных между собой прямоугольных пластинок. Голову воинов защищал конический металлический шлем с полумаской, закрывавший лицо наполовину, который известен пока только по антропоморфным изображениям.

Важным атрибутом воинов, особенно в начальный период существования усть-ишимской культуры, являлся кожаный пояс, украшенный металлическими бляшками (рис. 22,14,16). Особенно часто встречаются бронзовые бляшки сердцевидной формы с растительным орнаментом (рис. 22,14) - такие бляшки поступали из лесостепных районов Западной Сибири, где они были широко распространены.

Предметы конского снаряжения - удила и стремена - изредка находят в погребениях. Удила с железными или, чаще всего, кольчатыми псалиями, стремена овальной формы с приостренным верхом с отверстием в верхней части дужки. Остатков седел не найдено, но, скорее всего, они оставались такими же, как в предшествующий период.

Украшения представлены широкими пластинчатыми браслетами с изображением на окончаниях головы и лап медведя. Серьги носили как медные кольчатые (рис. 22,25), так и серебряные трехбусинные славянского и болгарского производства. Украшениями служили и полые подвески в виде полубубенчиков, отливавшиеся на месте (рис. 22,9), а также бронзовые бубенчики грушевидной формы с крестовидной прорезью (рис. 22,10), которые попадали сюда путем торговых операций из Восточной Европы. Особенно много так называемых «шумящих» подвесок (рис. 22,21), завозимых из Приуралья и изготавливаемых усть-ишимскими мастерами. Шумящими их называют за небольшие подвески, крепившиеся на цепочках, которые при ходьбе издают мелодичный звон. Стеклянные бусы находят, в основном, в женских погребениях. Их немного, и они древнерусского производства.

В первой трети II тыс. н. э. продолжилась традиция изготовления антропоморфных и зооморфных изображений. Антропоморфные изображения всегда мужские: это или личина, или изображение в полный рост, но с сильно увеличенной головой и деформированным туловищем. Мужчина всегда изображался анфас. На фигурках, за исключением оформления головы, отсутствуют какие-либо бытовые детали, как в предшествующее время, - наборные пояса, подтяжки, сабли или мечи. Головам придавали большое значение на них показаны элементы прически, шлемы, шлемы с полумасками.

Анималистический жанр достигает своего расцвета. Вместо потчевашских птиц с распростертыми крыльями и личиной на груди появляются плоские двухсторонние изображения глухарей или тетеревов в профиль со сложенными крыльями (рис. 22,29). На них показаны оперение, детали головы и ноги. Весьма характерны полые двухсторонние подвески с изображением хищника с хвостом и когтистыми лапами (рис. 22,13), в них трудно узнать образ конкретногоживотного, скорее, это собирательный образ - некий фантастический зверь. Из других образов, прежде всего, нужно отметить образы медведя, коня, водоплавающей птицы.

Все эти изображения не только несут утилитарную нагрузку, являясь, прежде всего, украшениями и подвесками, но и отражают и мировоззрение населения таежного Прииртышья. Так как такие изображения использовались как подвески к косам и поясу, то, скорее всего, они были призваны защитить своих владельцев от влияний злых духов.

Большое значение в традиционных обществах имели разнообразные ремесла. Прежде всего, это касалось металлургии. Практически на каждом усть-ишимском поселении известны обломки металлургических горнов, шлаки и крицы. Это показывает, что производство железа было нетрудным занятием, доступным большинству мужчин.

Бронзолитейное производство в таежной зоне Западной Сибири достигло своего расцвета. Изготавливались как небольшие медные котлы, так и широкий спектр разнообразных украшений. Практически в каждом жилище представлены следы бронзолитейного производства. Это обломки небольших плоскодонных тиглей, в которых плавили металл, глиняные льячки, старые испорченные изделия, предназначавшиеся для переплавки, капли пролитой бронзы и отломанные литники. Новым достижением средневековых мастеров было освоение изготовления готовых изделий методом навыплеск. Двухсторонние каменные формы разогревали, в них заливался металл, и некоторое время спустя открывали специальные каналы, через которые не успевший застыть металл сливался. Форму размыкали, и получалось готовое изделие, причем толщину стенок изделий можно было регулировать. Данный метод позволял отказаться от сложных внутренних сердечников, экономил метал, позволял изготавливать сложные изделия.

У угорских народов в системе ценностей приоритетным является серебро, дающее изделиям белую окраску. Усть-ишимские умельцы придавали более дешевой бронзе белый оттенок, добавляя в нее больше олова. Такие изделия пользовались большим спросом.

Многочисленные остатки металлургического производства показывают, что в это время металлургия была домашним ремеслом, когда основная часть металлических вещей изготавливалась в семье. Но это не исключает и существования специализированных металлургических центров, где работали мастера-кузнецы, производившие особо ценные и сложные в изготовлении предметы.

Каких-либо серьезных изменений в хозяйственных занятиях, по сравнению с потчевашским временем, не произошло. Основу хозяйства составляло скотоводство, причем возросла численность стад. Практически из домашних животных разводили только лошадь. Это были невысокие животные с массивным скелетом, хорошо приспособленные к тебеневке в таежных условиях. Но всю зиму лошади не могли из-за высоты снежного покрова добывать корм самостоятельно. Поэтому необходим был запас кормов, который накашивали в богатой травой широкой пойме Иртыша, используя железные серпы. Для еды забивались, в основном, молодые и полувзрослые животные. Крупный и мелкий рогатый скот разводили в незначительных количествах. О земледелии усть-ишимского населения нет достоверных данных, и, скорее всего, оно не играло даже подсобной роли.

Другой важной составляющим хозяйства являлась охота. Охотились на лосей, которые давали основную часть мясной пищи. Причем охота велась исключительно на взрослых животных, в чем проявлялась забота о бережном использовании природных ресурсов. Добывали также косуль, северных оленей, медведей. Широко практиковалась охота и на пушных животных - соболя, бобров, лисиц, куница, выдру, росомаху, волка. Кроме активной охоты с использованием лука с разнообразными наконечниками, применялся и самострел, устанавливаемой на тропе, а также различного рода ловушки. Пушной промысел и налаженные торговые пути, прежде всего, с Восточной Европой были тем фактором, который позволил значительно расширить обменные операции. В это время, как никогда ранее, в таежную зону Западной Сибири поступало значительное количество импортных изделий, в том числе и из серебра.

Еще одной из присваивающих отраслей являлось рыболовство. Как и в потчевашское время, на усть-ишимских поселениях очень часто встречаются кости рыб и целые скопления костей и чешуи иногда до 20 см толщиной. Рыбу ловили при помощи плетеных крапивных сетей и сетей из конского волоса, известны железные крючки, костяные и железные остроги. На небольших речках и в устьях проток ставили запоры, использовали разнообразные плетеные ловушки.

Поступательное развитие угорских племен в южно-таежных районах было прервано вторжением сюда во второй половине XIII в. больших групп тюркского населения, что кардинально изменило материальную культуру местных племен.

Сибирские татары. Уже в XIII в. районы лесостепи по Тоболу и Иртышу были включены в состав Золотой Орды. Началось интенсивное заселение тюркоязычным населением низовьев р. Тобол и южно-таежного Прииртышья, где только во второй половине XIII в. тюркоязычные группы сменили жившее здесь прежнее угорское население. Еще в 1207-1208 гг., после покорения «лесных народов», все области и улус, находившийся в пределах реки Иртыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингис-хан пожаловал в управление одному из своих сынов Джучи. Его юрт был в пределах Иртыша, и там была столица его государства (Козин С. А., 1941, с. 174 - 175).

После смерти хана Джучи в 1227 г. формирование улуса продолжил его сын Бату и после завершения походов на запад (1242 г.) к потомкам Джучи перешли все монгольские завоевания на крайнем северо-западе «до тех мест, куда доходили копыта татарских коней» (Бартольд В. В., 1963, с.459). При Бату-хане улус Джучи был разделен на ряд военно-политических единиц: правое крыло, которым управлял сам Бату и его преемники, и левое крыло, которое досталось старшему сыну Джучи - Орда-Еджену и его потомкам. С середины XIII в. улус Орда-Еджена стал самостоятельным государством. Его территория включала Казахстан от бассейна Сырдарьи до Алтая и от Южного Приуралья до Семиречья. Буферной территорией между владениями Орда-Еджена и Бату являлась территория между предгорьями Урала и р. Тобол, находящаяся в управлении Шейбана, пятого сына Джучи. Шейбан возвысился еще в пору становления Золотой Орды. Сохранились известия что «Шейбан-хан, сын Джучи-хана, в семилетнем победоносном походе по покорению ассов, руссов, черкесов и булгар своим старанием и храбростью удостоился личного внимания Бату-хана и, таким образом, получил от брата четыре умака» (Мингулов Н. Н., 1981. с. 83).

К началу XV в. на обширной территории от Аральского моря до Западной Сибири существовало несколько независимых владений Шейбанидов. В ходе длительной междоусобной борьбы верхушка родоплеменной знати, поддержанная эмирами Ногайского улуса, в 1428 г. на территории Западной Сибири близ г. Туры подняла ханом одного из потомков Шейбана, шестнадцатилетнего Абу-л-Хайра. Последний сумел объединить под своей властью огромную территорию, простиравшуюся от Яика до Балхаша и от берегов Сырдарьи до ЗаЦадно-Сибирской низменности. Это государство у восточных авторов именуется Ак-Ордой, а в научной литературе - государством кочевых узбеков (Ахмедов Б. А., 1965).

В 1448 г. Абу-л-Хайр с основной массой войска отправился на юг, уступив северную часть своему родственнику Махмуд-хану ибн Хаджи Мухаммаду. Махмуд-хан был фактически первым ханом Шейбанидского Тюменского ханства, столица которого - Чинги-Тура - находилась на р. Туре. В середине XV

в. престол Махмуд-хана наследовал его младший брат Сейдек Ибак Ибрахим-хан, активно участвовавший в смуте после смерти Абу-л-Хайра и возглавивший в 1470 г. Шейбанидское государство. Кроме того, он принял участие в разгроме Большой орды в 1481 г.

В 1495 г. Ибак был убит местным татарским князем Мухаммадом из рода Тайбугидов, который стал ханом. Этот род происходил из местной татарской знати, а не вел свою родословную от Чингисхана, поэтому по степным традициям его правление было «незаконным». Чинга-Тура была слишком близко расположена к владениям шейбанидов, от которых в любой момент можно было ожидать военной интервенции, поэтому своей столицей Мухаммад (или Махмет) сделал городок Сибирь (в литературе он также именуется Искером или Кашлыком) на правом берегу р. Иртыш чуть выше устья Тобола.

В 1550-х годах шейбаниды Ахмед-гирей, Кучум и Атаул при поддержке Ногайской орды и Бухары с отрядом ногайцев вторглись в южные пределы Сибирского ханства. Возникшая реальная опасность заставила правивших в Кашлыке внуков Мухаммада, Едигера и Бекбулата, начать поиски возможных союзников. Таким союзником могло стать Русское государство. Поэтому в 1555 г. в Москву прибыло большое посольство от сибирских правителей. Послы Тягрул и Пачанды поздравили Ивана IV со взятием Казани и Астрахани, «били челом государю от князя Едигеря и от всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон от всех заступил и дань свою на них положил, и даругу своего прислал, кому дань собрать» (Патриаршия ..., 1965, с. 348.). Послы согласились платить Москве дань за каждого из 30700 улусных людей по соболю и белке. Иван IV дополнил свой титул «всея Сибирской земли повелитель» и отправил в Сибирь посольство. Оно должно было привести к присяге сибирских правителей и переписать улусных людей. Посольство пробыло в Сибири больше года, вернувшись лишь в ноябре 1556 года вместе с татарским послом Баяндой, который привез только 700 собольих шкурок, объясняя это вторжением шейбанида Кучума.

Иван IV не принял объяснений посла и послал в Сибирь служилых татар для выполнения оговоренных прежде условий. В сентябре 1557 г. царские послы возвратились в Москву с новым послом от Едигера Истемпром, который привез 1000 соболей дани, 160 соболей вместо беличьих шкурок, шертную грамоту (присягу) о признании вассальной зависимости Сибири от Москвы.

Однако Москва не смогла оказать действенной помощи сибирским правителям. Шейбаниды, принудив к подданству улусы Сибирского юрта, провозгласили ханом родственника Ибака Муртазу. При активной поддержке его сына Кучума в 1563 г. был захвачен Кашлык и убиты соправители Едигер и Бекбулат вместе с их детьми. Муртаза в том же 1563 г. умер, и ханом стал Кучум. Кучум был правителем Сибирского ханства до 23 октября 1582 г., когда проиграл решающее сражение с отрядом Ермака. Однако он еще долгие годы вел активное сопротивление и умер только в 1598 г.

Общественной единицей сибирских татар в период Сибирского ханства составляла соседская территориальная община с сохранением значительных родоплеменных традиций. Вся территория была разделена на улусы, где основную массу населения составляли «черные» улусные люди, а верхушку общества - павители салтаны, беки, тарханы, мурзы. Низший слой составляли рабы - «ясыри». Система управления осуществлялась через улусы, в которые центральная власть посылала, лишь для управления, ясаулов и даругов - сборщиков «даров» и ясака.

В государстве, возникшем на территории зауральской лесостепи и южной тайги, было два столичных города. Чинги-Тура - столица Тюменского ханства (находилась на территории современного города Тюмени) - и Искер - столица Сибирского ханства (располагавшийся на Иртыше чуть выше устья Тобола). Оба города представляли собой небольшие городки с мощными укреплениями. Они стояли на коренных террасах рек. Чинги-Тура с двух сторон была окружена глубокими оврагами, разрезающими террасу, а с третьей укреплена мощными валами и рвами. Искер >располагался на высокой надпойменной террасе Иртыша на треугольном мысу, образованном Иртышом и впадающей в него небольшой речкой Сибиркой. С третьей стороны от надпойменной террасы городище отделял еще один овраг. Исследования, проведенные на городище, показали, что кроме мощной системы природной защиты (со стороны Иртыша взойти на площадку городища невозможно, а со стороны Сибирки очень трудно) Искер был укреплен двумя рядами оборонительных рубежей, включающих деревянные рубленные башни и рубленные же стены, частично заполненные землей (Зыков А. П., 1998). Это был для своего времени один из самых укрепленных городов Сибири.

Кроме столицы, в которой размещалась резиденция ханов, каждое территориальное родоплеменное подразделение сибирских татар к концу XVI века имело хорошо укрепленное селение - городок - «туру» или «кулу». В нем проживала верхушка родоплеменной и улусной знати, а в случае опасности пряталось местное население. Наиболее известные из письменных источников: на Тоболе - Явлу-Тура (на территории современного Ялуторовска), Карачин городок, Тобол-Тура; по Иртышу - Касым-Тура, Бегишев городок; у устья Ишима - Кизил-Тура и многие другие. Все они имели мощные деревоземляные укрепления. К сожалению, ни один городок не исследован раскопками.

Археологические памятники сибирских татар в южно-таежных и лесостепных районах Тоболо-Иртышского междуречья изучены очень слабо. Из известных по историческим источникам городков археологические работы проводились только на Искере, причем в очень незначительных размерах, т. к. дореволюционные работы на городище являлись не научными исследованиями, а способом добывания находок, а к настоящему времени площадка городища практически полностью смыта Иртышом. Еще одно городище позднесредневекового времени было исследовано на р. Ишим, где выявлены остатки срубных полуземлянок (Голдина Р. Д., 1969), а также городище монгольского времени на Иртыше (Адамов А. А., 1998).

Однако достаточно полное представление о материальной культуре сибирских татар дают коллекции, собранные на Искере тоболяками до революции. Эти коллекции хранятся в Тобольском музее и Национальном музее Финляндии. Коллекции собирались в конце XIX в. М. С. Знаменским, В. К. Имсеном, И. Н. Бутаковым, С. В. Герциком, К. А. Шапошниковым и С. М. Трусовым, а в начале XX в. В.Н. Пигнатти. На территории государственных образований сибирских татар было обнаружено два клада: с золотым наборным поясом (Иванов А. И., 1902), дорогой посудой и серебряными золотоордынскими монетами и слитками (НА ТГИАМЗ. Д. 891). Археологический материал с территории Сибирских ханств был обобщен В. И. Соболевым (Соболев В. И., 1994).

Жилища сибирских татар представляли собой срубные полуземлянки, углубленные в землю до 20 см. Площадь такого жилища составляла 24-26 кв. м. Рубленые стены снаружи обмазывались глиной, а двухскатная крыша опиралась на центральный столб. Пол был глинобитным. В каждом жилище существовал чувал - глинобитный очаг с трубой из жердей, обмазанных глиной. По краям жилища располагались нары. Кроме полуземлянок, существовали и наземные жилища с небольшими погребами. Долговременные постройки сосуществовали с легкими переносными жилищами из жердей, крытых войлоком или берестой.

Погребальный обряд тюркоязычного населения центральных районов сибирских ханств практически не изучен. На огромной территории известны только два могильника, расположенные на р. Ишим (Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б., 1969; Генинг В. Ф., Зданович С. Я., 1987), которые можно рассматривать как оставленные сибирскими татарами. Причем погребения в обоих могильниках относятся к периоду становления государственности и датируются XIII-XIV вв., а черты погребальной обрядности в могильниках носят языческие следы.

Языческий погребальный обряд предполагал захоронения под весьма небольшими курганными насыпями. Погребенные лежат на спине, вытянуто, головой на запад, в грунтовых могилах глубиной до 70 см. С умершими клали сопроводительный инвентарь: предметы вооружения, ножи, шилья, ножницы, кресала, медные серьги и стеклянные бусы (рис. 24,1). Посуда не входила в обязательный набор погребального инвентаря, только в одной могиле находился глиняный сосуд. Изредка погребенного сопровождал конь, для которого устраивали отдельное захоронение (рис. 24,2). Конь помещался в могилу взнузданным и оседланным, ориентировался в ту же сторону света, что и захоронение человека. При этом голова животного помещалась выше костяка, на специальной выкопанной приступке высотой 30-40 см от дна могильной ямы.

Отсутствие позднесредневековых курганных могильников говорит о том, что в сибирском ханстве преобладающим стал обряд погребения по канонам ислама, при котором курганный обряд погребения довольно быстро сменился грунтовыми захоронениями в могилах, над которыми возводили невысокий деревянный сруб.

Посуда представлена изделиями из глины и металла. Гончарное производство переживало в Сибирском ханстве упадок. На городищах Искер и Кучум-Гора керамические изделия представлены небольшим числом экземпляров. Это горшки или чаши, вылепленные без применения ручного круга. Орнамент состоит из ямочных наколов и отпечатков гладкого или гребенчатого штампа (рис. 27,2,7). Незначительное количество глиняных сосудов объясняется широким распространением металлических котлов, о чем свидетельствуют навденные при исследованиях археологических памятников обломки железных дужек (рис. 27, 3), медные пластины и ушки от котлов (рис. 27,4). В небольшом количестве были распространены и чугунные котлы (рис. 27,1). Металлическая посуда была сравнительно дешева и доступна широким слоям населения. В Сибирь ее завозили из-за Урала, Средней Азии, но, кроме того, часть медных котлов изготавливалась и местными мастерами.

Запросы верхушки Сибирского ханства удовлетворялись покупными высокохудожественными изделиями. В Прииртышье в конце прошлого века был найден клад из четырех серебряных сосудов, изготовленных в XIII-XIV вв. Два сосуда представляют собой ковши с ручками в виде головы дракона (рис. 27,6). По описанию Марко Поло, такими ковшами во время пиршества великого хана черпали вино. На Искере найдены обломки и от расписных фарфоровых сосудов, а на городище Долговское 1 обнаружены обломки расписной поливной посуды, завезенной в Сибирь из городов Золотой Орды.

Находки на Искере свидетельствуют о развитом косторезном производстве. Найдено большое количество расколотых костей животных, обрезков трубчатых костей и рога. Из кости изготавливали костяные наконечники стрел (рис. 24,7-11), ручки ножей (рис. 28,23), накладки на ремни, пряслица (рис. 25,5), развязыватели кожаных ремней (рис. 25,14). Орнаментом покрыт костяной игольник для хранения железных иголок и обломок колчанной петли.

Тюркское население Сибирского юрта, используя болотные залежи железной руды, которые в Западной Сибири распространены повсеместно, изготавливало большой спектр разнообразных изделий из железа. Об этом свидетельствуют найденные на памятниках шлаки от металлургического производства, железный молоток для изготовления небольших железных предметов (рис. 25,15), железные напильники, с помощью которых происходила окончательная доработка железных изделий. На месте отковывались наконечники стрел (рис. 24,3-6), ножи (рис. 25,6,7), серпы, поясные и подпружные пряжки (рис. 24,14; 28,22), удила (рис. 24,15), кресала для разжигания огня (рис. 25,11,12) и множество других изделий.

Развитое животноводство давало достаточное количество сырья для кожевенного производства. Из кожи изготавливались ремни и сбруя для лошадей, обувь. Довольно частой находкой на Искере являются шилья, найдены обрывки кожаных изделий. Тюркское население носило сапоги на каблуках. Носки у сапог

были слегка загнуты кверху. Каблуки саиог, а также носки для предохранения от износа подбивали железными подковками (рис. 25,16,17).

Часть одежды изготавливалась на месте из покупной и собственного изготовления материи. О широком распространении ткачества свидетельствует большое количество пряслиц для прядения ниток из растительного волокна (рис. 25,3-5), в основном из крапивы. Частой находкой являются и железные ножницы для раскроя тканей (рис. 25,19).

Непременным атрибутом сибирских татар был пояс. Он сшивался из двух слоев кожи, пряжки были железные или бронзовые. Пояс украшали накладными бляшками. Бляшки могли быть из кости, железа, бронзы. Верхушка общества Сибирского юрта могла себе позволить купить пояс с золотыми бляшками. Именно такой очень дорогой, с массивными золотыми накладками пояс (рис. 26,15-22) был обнаружен в 1890 году в Ишимском округе (Иванов А. И., 1902). Общий вес 15 блях превышал 1 фунт. Пояс был изготовлен в Китае, и на нем была сделана надпись: «Заведующий казенным делом, надзиратель за производством работы Чжао, Ти-фын (очевидно название чина) Ли и Ти-фын, заведующий мастеровыми Цао-сян. Золото 85 пробы». Судя по надписи, пояс принадлежал одному из высших чиновников Юаньской династии (1260-1368 гг.). Скорее всего, в Западно-Сибирскую лесостепь он попал не со своим первым владельцем, а путем торговли. Ведь у степных народов пояс издревле являлся знаком военной и социальной символики. Золотые бляшки же показывали на очень высокое социальное положение тюркского хозяина пояса.

На средневековых татарских городища найдено большое количество украшений. Это стеклянные и каменные бусы (рис. 28,13-21), бронзовые серьги (рис. 26,1-4; 28,2,3), перстни (рис. 26,5-7; 28,5-8). Одежду и ценные вещи хранили в деревянных сундуках. В культурном слое Искера найдено большое количество железных ручек от таких сундуков (рис. 25,9). Сундуки украшались железными накладками. Их запирали на железные замки (рис. 25,11,18), части от которых и ключи найдены при археологических раскопках. Из бытовых предметов известны металлические зеркала (рис. 26,13; 28,24-26), железная ложка (рис. 27,5).

Вооружение и военное дело в Сибирском юрте, пожалуй, относится к одному из наименее изученных вопросов. Коллекции Тобольского музея помогают осветить данную тему. Защитное вооружение татарских воинов эпохи Сибирского юрта состояло из нескольких видов. О том, что защитное вооружение было широко распространено, говорят, прежде всего, наконечники стрел, большая часть которых представлена бронебойными экземплярами, специально предназначенными для пробивания доспехов воинов. Одним из основных и широко распространенных был, скорее всего, доспех из мягких материалов - войлока, кожи. О существовании таких доспехов упоминают многие письменные источники. Судя по восточным миниатюрам, такой доспех имел халатообразный покрой с широкими и короткими стеганными рукавами или представлял собой кафтан на толстой подкладке с высоким стоячим воротником. Широко был распространен и куяк - доспех из мягких материалов с прикрепленными изнутри металлическими пластинами. Детали подобного доспеха изредка встречаются на территории Западной Сибири. Иногда, чтобы усилить защиту, воины надевали по два куяка. В фондах Тобольского музея хранятся шлемы, переданные в музей представителями татарской знати, на которых бармица сделана из тонких железных пластин, прикрепленных к материи. Эта конструкция позволяет выяснить способ прикрепления пластин на куяке. Тонкие железные пластины крепились с внутренней стороны на четырех штифтах. С внешней стороны заклепки были медными, имели форму четырехлистника. Были распространены и кольчуги, или, как их называли на Руси, панцири. Они плелись из железных колец. В воротник через кольца одного ряда вставляли кожаные ремешки, которые делали воротник стоячим. Важным средством защиты являлись щиты. Они были круглыми, диаметром 50 см и более, и плетеными из прутьев. Такие щиты по-тюркски назывались «калкан». Реже были щиты из толстой кожи или цельножелезные.

Важной частью защитного вооружения были шлемы. В Тобольском музее хранится несколько типов шлемов. Это шишак, выкованный з форме круглой шапки из цельного куска стали, и два шлема, имеющие сфероконическую форму, с прикрепленными к ним бармицами из материи с железными пластинами с внутренней стороны. Еще один шлем, склепанный из железных пластин, имел несколько султанчиков для закрепления на шлеме кистей из конского волоса и перьев (рис. 24,13).

Основным видом вооружения татарского воина был лук со стрелами. Конструкцию луков мы можем проследить только по археологическим находкам. Так, в позднесредневековых могильниках Барабы выделено четыре типа лука, имеющих длину 120-140 см. Это лук клееный, цельнодеревянный с усиливающей деревянной фронтальной накладкой и вклеенными концами. Луки составные из дерева и усиленные костяными или роговыми накладками: со срединной веслообразной и крупными широкими плечевыми накладками; со срединной веслообразной накладкой, армированной по плечам узкими костяными планками; с одной срединной веслообразной накладкой (Молодин В. И. и др., 1990, с. 44). Луки всегда обклеивались берестой. Лук был грозным оружием, обладал высокой скорострельностью. Дальнобойность таких луков могла достигать 230 м. При этом надо заметить, что татарские воины были прекрасными стрелками, и каждый конный лучник с расстояния в 100 шагов всегда попадал в цель (Ищенко С. А., 1989, с. 142).

Стрелы снабжались железными и, гораздо реже, костяными наконечниками (рис. 24,7-11). Основным видом железных наконечников стрел были плоские, подразделявшиеся на ряд типов: боеголовковые с выделенной ромбоидальной остроугольной боевой головкой на длинной округлой в сечении шейки (рис. 24,3,6); ромбические с широким плоским пером (рис. 24,4); двурогие с плоским широким пером и острием с двумя зубцами (рис. 24,5); удлиненно-треугольные. Стрелы с наконечником первого типа способны пробивать

броню тяжеловооруженного воина, наконечники других типов и костяные предназначались для поражения незащищенного противника, а также применялись на охоте.

Наконечники стрел хранили в колчанах. В Тобольском музее хранится колчан с фигурно вырезанным боком и устьем, сделанный из дерева, обтянутый кожей, с прикрепленными медными накладками. Остатки подобного экземпляра были найдены в могильнике Абрамово 1 в Барабинской лесостепи (Молодин В. И. и др., 1990, рис. 48Д).

Татарские воины были вооружены и рубящим оружием - саблей. Сабли представляли собой искривленный однолезвийный клинок, часто и рукоять была изогнутой. Саблю носили на кожаной или шелковой перевязи, идущей справа налево, при этом она подвешивалась свободно слева, так, что ее конец смотрел вверх - манера, употреблявшаяся воинами, сражающимися верхом. Сабля в этом положении легко выхватывается, и ее можно держать на четверть клинка открытой.

Татарский воин эпохи средневековья - это, прежде всего, всадник. В снаряжение всадника входили железные удила (рис. 24,15), стремена (рис. 24,18,19). В XIII-XIV вв. стремена имели изогнутою подножку, что указывает на отсутствие обуви с жесткой подошвой. Седла были деревянными и поэтому не сохранились. Но известны их металлические составляющие: многочисленные подпружные пряжки, отличающиеся от поясных своими размерами (рис. 24,14), накладки на луку седла, служившие для украшения, седельные кольца. Важным оружием конного воина было копье. Однако наконечники копий встречаются редко. Известен только один ассиметрично-ромбический наконечник копья с длинной граненой шейкой из позднесредневекового могильника Абрамово 1. В фондах Тобольского музея хранится наконечник копья с широким листовидным лезвием, происходящий из случайных находок в Заболотье (рис. 24,16). При обороне крепостей могли использоваться и небольшие легкие копья - дротики. Наконечник дротика был найден при раскопках Искера (рис. 24,17). Применялось и оружие ударного действия - шестоперы (рис. 24,12).

До конца XVI века в военном деле Сибирского ханства не применялось огнестрельное оружие. Несмотря на то, что в источниках повествующих о походе Ермака, упоминаются две пушки, в бою они не были применены, что указывает на отсутствие навыков даже спорадического их применения.

Таким образом, татарские воины Сибирского юрта владели широким арсеналом холодного оружия, имели защитное вооружение. Постоянно сталкиваясь с русскими отрядами, прекрасно представляли себе специфику боя с противником, применяющим огнестрельное оружие. Были грозным соперником для любого войска.

У разных групп сибирских татар в хозяйственной деятельности в зависимости от природных условий преобладали различные составляющие. К XVI в. у сибирских татар одним из основных видов хозяйственной деятельности являлось скотоводство. В стаде преобладали лошади, разводили крупный рогатый скот, в меньшей степени мелкий рогатый скот. В лесостепной части животноводство значительно преобладало над другими видами деятельности. В южно-таежной зоне, и в особенности в Заболотье, доля скотоводства уменьшалась. Другой важной частью производящего хозяйства у сибирских татар являлось земледелие. Сеяли, в основном, неприхотливые культуры, дающие высокие урожаи - ячмень, полбу, овес. Земледелие было пашенным. На Искере были найдены железные лемехи от пашенных орудий, очевидно, сабанов. Сев производился вручную, затем пашню боронили деревянными боронами. Посевы жали, в основном, небольшими железными серпами или деревянными орудиями, которыми срывали колосья ячменя и овса так, что солома оставалась на земле. Урожай хранили вблизи пашен на специально устроенных конструкциях из дерева. Вот как их описал И. П. Фальк: «На возвышенном твердом месте вкапывают 4 столба так, чтобы они стояли от земли на 3 фута в вышину, а потом связывают их брусьями и делают таким образом четырехугольник длиной в 4 и шириной от 2,5 до 3 саженей. На брусья кладут жерди, для пшеницы и ржи прямо, а для ячменя и овса накрест, и так часто, как решетина» (Фальк И. П., 1824, с. 391). Зерно обмолачивали вручную с помощью цепов или с помощью лошадей и хранили в жилищах в больших берестяных коробах. Орудиями переработки зерна являлись или деревянные ступы, или ручные каменные жернова. Целый экземпляр такого жернова был обнаружен при раскопках на Искере.

Кроме производящих отраслей были развиты, особенно в южно-таежных районах, и присваивающие. На охоте широко применялся лук со стрелами, различные ловушки и петли. Охотились на лосей, волков, медведей, косуль. Важную роль играла охота на пушных зверей. Применялась охота и с помощью ловчих птиц - соколов.

Реки и озера Западной Сибири издавна славились обилием и разнообразием рыбы. О том, что татары ловили рыбу, свидетельствуют не только письменные источники, но и археологические. На Искере было найдено большое количество рыбьей чешуи и костей. Для ловли рыбы использовали сети и неводы. Их плели из крапивных ниток, которые выделывали с помощью глиняных пряслиц. На небольших речках ставили запоры. Для зимней ловли использовали самоловы с железными крючками (рис. 25,13). Лунки для подледного лова долбили железными пешнями. На Искере были найдены и железные остроги, которыми лучили рыбу в неглубоких водоемах и старицах после спада воды. Рыбу лучили и ночью с лодок, используя свет костра.

Важное место занимала торговля. Купеческие караваны из Бухары, других районов Средней Азии постоянно приходили в Сибирь. Они привозили материю, шелк, изделия из металла, серебряные украшения, металлические зеркала, стеклянные и каменные бусы. На Искере найдены гирьки от весов, свинцовые пломбы от тюков с различным товаром (рис. 28,9-12). Отсюда купцы увозили меха, мамонтовую кость, изделия местных мастеров, ловчих птиц.

www.tobolsk-kraeved.ru

Широкие торговые операции нуждались в денежном обращении. В Сибирском ханстве имели хождение золотоордынские монеты, известны и находки серебряных слитков (рис. 26Д 4), которые, очевидно, заменяли монеты. Кроме джучидских монет, правители Сибирского юрта выпускали и свою монету (рис. 26,9-12). Из письменных источников известно, что шейбанид Абу-л-Хайр Убайдаллах хан I осуществил, по крайне мере, два выпуска монет: в 1429 г., после подчинения Чинги-Туры, и в 1431 г., после разгрома правителя Большой Орды Сайид Ахмад хана I и захвата его кочевой ставки Орду Базара. По монетным находкам на территории Сибири известно еще об одном выпуске монет шейбанидом Сайид Ибрахим ханом, очевидно, в 1481 году, после разгрома Ахмад хана и увода его кочевой ставки Орду Базара в Чинги-Туру (Нестеров А. Г., 1994). Вполне возможно, что в Сибирь попадали и русские серебряные копейки. Находки монет выпущенных при Иване IV, известны на Искере. При этом одна монета имеет два отверстия, значит она была использована в качестве нашивного украшения татарской женщины, что свидетельствует о попадании таких монет в Сибирь ранее, чем поход Ермака. Однако в целом нужно признать, что находки монет весьма редкое явление, что свидетельствует о неразвитости денежного обращения в Сибирском ханстве.

§4. Материальная культура г. Тобольска в XVII - XVIII вв.

Весной 1587 года 500 казаков под командованием Данилы Чулкова отплыли по Туре и Тоболу из Тюмени на Иртыш с намерением поставить там острог: «И по царскому повелению достигли они реки Иртыша... и нашли место привольное... у впадения речки Курдюмки... на высокой горе» (Погодинский летописец, 1991, с. 93). Выбран был мыс на высоком левом берегу Иртыша в месте слияния его с Тоболом. Естественные рубежи с трех сторон надежно охраняли мыс. Для строительства острога был использован судовой лес, отчего острог первоначально получил название «Ладейный». В остроге «церковь первую воздвиже во имя святые Троицы», вторую «во имя Вознесения Господня» (ГУТО ГА в Тобольске, ф. 144, оп. 1, д. 53, л. 5), «и другую Всемилостивого Спаса на звозе» (Краткая Сибирская..., 1987, с. 27; Летопись Сибирская..., с. 80 - 81). В 1594 году острог был перестроен и расширен, а в 1600 году перенесен ближе к Иртышу, на другую сторону мыса. В эти же годы Тобольск выходит из подчинения Тюмени и становится не только самостоятельным, но и главным городом Сибири. Тобольские воеводы на протяжении XVII века управляли всей Сибирью. Город, основанный как военно-административный центр, благодаря этому быстро превратился в религиозный, торговый и ремесленный центр Сибири. Вскоре после основания города сюда прибывают монахи и в устье реки Тобол ставят первый в Сибири православный мужской монастырь Зосимы и Савватия, положив начало развитию духовной и религиозной жизни (ГУТО ГА в Тобольске, ф. 70, оп. 1, д. 186, л. 4). В 1621 году в Тобольске учреждена архиепископская кафедра и поставлен первым архиепископом Киприан (Грамота царя Михаила..., 1994, с. 140).

За XVII век Тобольск перестраивался и расширялся много раз. Одной из причин этого были частые пожары, уничтожавшие все деревянные постройки, но каждый раз на пепелище город возрождался вновь. В. В. Кириллов предложил схему развития деревянного Тобольска с конца XVI до конца XVII вв. (Кириллов В. В., 1984, с. 38). Автор выделил не менее 7 этапов расширения границ города, начиная с основания, 1587 года, и заканчивая 1688 годом, временем постройки Земляного вала в верхнем городе. В нижней части города укрепления не были построены, хотя известен план к проекту Земляного вала, составленный С. У. Ремезовым в 1709 году в связи с ожидаемыми военными действиями с джунгарами (Гольденберг Л. А., 1965, с. 74; Планы и чертежи...; Кочедамов В. И., 1963, с. 64). На верхнем посаде Земляной вал стал естественной северной границей городской территории. Под горой посад перешагнул через речку Курдюмку и, ограниченный в своем развитии на западе Иртышом, на востоке Паниным бугром, стал расширяться в южном направлении вдоль береговой линии. Главной осью развития города в нагорной части была Воскресенская улица, в подгорной - Большая Московская улица. Развиваясь в XVII веке как крепость, нагорный Тобольск получил в целом упорядоченную планировку и застройку. Продольные и поперечные улицы нагорного посада были следствием определенного регулирования разбивки кварталов. Организующее воздействие на планировку посада оказывала крепость. Северная стена кремля и острога определяли направление улиц. В нижнем городе сложная географическая ситуация привела к бессистемности улиц, подчиненных направлениям речек и мостовым переходам через них, что привело к измельчению кварталов и их неправильной конфигурации. Мелкие кварталы, в которых порой размещалось всего несколько дворов, разделены были большим количеством безымянных улиц и переулков. Описывая нижний посад, С. У. Ремезов замечал: «а поперечных улиц и переулков невместности ради описать невозможно» (Кочедамов В. И., 1963, с. 45).

Строящиеся сибирские города во многом соответствовали традициям застройки городов европейской части России. Поселенцы тщательно выбирали места для строительства, уделяя особое внимание оборонным функциям будущего поселения и наличию рек. Каждый сибирский город имел свои особенности: болота делили Томск XVII века на несколько частей, в Тюмени улицы были «прямыми и дома строены по прямой черте» (Курилов В. Н., Люцидарская А. А., Майничева А. Ю., 2005, с. 6). Планировка Тобольска являла типичный пример постепенного формирования радиально-кольцевой сети улиц, зависимой от положения дорог, береговой линии Иртыша и расположения острожных стен. При этом в городе имелись значительные незастроенные площади: широкие полосы вокруг укреплений, пустыри между улицами, заболоченные участки. Изменение градостроительной ситуации в городе хорошо прослеживается на сохранившихся до нашего времени планах Тобольска XVIII века, начиная с плана города 1701 г., составленного С. У. Ремезовым

(Чертежная книга..., 1882). Изучение планов города 1714, 1748, 1763, 1773 гг. (План города... 1714 г., л. 1; План крепости... 1748 г., л. 1; План городу... 1763 г., л. 1; План города... 1773 г., л. 1) показало, что городская территория в своем росте даже к концу XVIII века так и не вышла за пределы Земляного вала в верхнем городе, а в нижнем доходила до речки Тырковки и Козьего болота.

В последней трети XVII века в городе начинается каменное строительство, хотя саму мысль о нем впервые высказал еще Киприан в начале века. Правительственные органы также были озабочены пожароопасной ситуацией в Тобольске. Сохранилась отписка 1629 года тобольских воевод А. Н. Трубецкого и И. В. Волынского-Птицы о пожаре в съезжей избе города, в которой ставился вопрос о возможности постройки «на государевы дела и на казну погреб каменой» (Отписка..., MCMXCVI, с. 58). При митрополите Корнилии в 1674 году была построена первая каменная палата. Однако она сгорела в пожар 29 мая 1677 года (Баландин С. Н., 1981, с. 175). Строительство было продолжено уже при новом митрополите Павле, который обратился в Москву за разрешением на строительство первого каменного храма «Софии Премудрости Божия» (Кочедамов В. И,, 1963, с. 25). Разрешение было получено, и в 1683 году начато строительство. После его завершения в 1686 году началось интенсивное каменное строительство уже на территории Софийского двора. Инициатором его, как и ранее, стал митрополит Павел. Под его контролем все строительные работы были завершены к 1699 году. За это время были возведены северные и западные Святые ворота, колокольня и крепостная ограда с 9 башнями: 7 круглыми и 2 квадратными. Время не пощадило детища Павла. Большинство каменных сооружений первого кремля не дошли до наших дней, были разобраны в XVIII-XIX вв. по разным причинам.

Второй этап каменного строительства приходится на начало XVIII века, когда была сделана попытка отстроить в камне гражданский центр города. В наказе воеводе М. Я. Черкасскому в 1697 году отмечалось, что «...чтоб в Тобольску около меньшего Верхнего города и в нем церковь Вознесения Господня и Приказную Палату и Боярской Двор и анбары, где быть Великого Государя казне всякой, также и зеленой погреб, буде возможно... построить каменные» (Наказ..,, 1830, с. 343). Подготовка к строительству шла почти три года, с августа 1697 по май 1700 гг. Проект «каменного города» составил С. У. Ремезов. Он включал в себя крепостную стену протяженностью 229 саженей (494, 64 м) с тремя проезжими - Троицкой, Софийской и на взвозе - и тремя круглыми, в западной стене, башнями, Вознесенскую церковь, приказную палату, воеводский двор, хлебные житницы, Гостиный двор (Копылов А. Н., 1974, с. 129). Заготовка строительных материалов велась зимой, весной и летом 1699 года. В подготовке к строительству были задействованы кроме тобольских жителей еще и тюменцы, заготавливавшие лес (Гольденберг Л. А., 1965, с. 52; Отписка..., 1882, с. 25 - 29). В Тобольске под Паниным бугром были построены кирпичные сараи, на которых кирпич делали ссыльные (Гольденберг Л. А., 1965, с. 53; Копылов Д. И., 1975, с. 90). В итоге строительства к началу 20-х гг. XVIII века сложился ансамбль задуманного С. У. Ремезовым Тобольского кремля. Не удалось построить башни в северной стене, воеводский дом и житницы (Кочедамов В. И., 1963, с. 71). Этот кремль не сохранился до наших дней. Были разобраны крепостные стены, обрушилась Вознесенская церковь, перестроена Приказная палата в 1780-1782 гг. в Дворец Наместника (Кириллов В. В., 1984, с. 150).

Оборонительные сооружения. Каждое расширение городской территории сопровождалось сооружением нового оборонительного укрепления посада в виде тынового частокола и рва с напольной стороны города. Со стороны Иртышского берега посад зачастую не ограждался, как это было при постройке острожных стен 1644 и 1661 гг. Воевода писал по этому случаю в Москву: «и без острогу страшно» (Кочедамов В. И., 1963, с. 14). Последнее укрепление посада города произошло в 1688 году, когда с напольной стороны Троицкого мыса был насыпан Земляной вал и отрыт ров. Сооружение находилось севернее старой стены на 141 сажень (300,3 м), создав огражденную территорию для возможного расширения верхнего посада.

Следует отметить, что почти все сибирские крепости в начале своего существования были ограждены острожными (тыновыми) стенами. Широкому использованию тыновых стен способствовали, во-первых, быстрота и простота их устройства, во-вторых, отсутствие у возможных нападавших огнестрельного оружия. Не случайно, исполняя царские наказы, строители сибирских крепостей в первую очередь приступали к возведению острогов, которые ставились буквально в считанные дни. Затем под их прикрытием строился город со всеми его зданиями. Эти особенности были характерны не только для городов и острогов Сибири. В Европейской России в укреплениях детинцев Галича, Сутейска были обнаружены канавки от частоколов (Раппопорт П. А., 1967, с. 134). В северной Руси следы кольев от частокола были обнаружены на поверхности древнейшего вала Тушкова городка, относящегося к первоначальному этапу строительства укреплений этого поселения - XI-XII вв. (Раппопорт П. А., 1961, с. 143). На Урале по этой схеме развивались Чердынь, Кунгур, Пелым, Верхотурье, Орел-городок (Оборин В. А., 1978, с. 121 - 143). В Сибири тыновое устройство стен сохранялось у острогов, таких, как Юильский, Ляпинский, Братский, Кетский (Крадин Н. П., 1986, с. 250). Города же со временем перестраивались, получали крепостные стены кремлей в виде городен - срубов, острожные стены сохранялись вокруг посадов. В Мангазее и Томске стены кремлей имели тарасную конструкцию (Черная М. П., 1997; Овсянников О. В., 1972, с. 40).

Остатки ранних острожных стен были прослежены при археологических исследованиях в г. Тобольске. При проведении работ по благоустройству смотровой площадки Тобольского кремля возле основания юго-западной квадратной башни был заложен разведочный шурф, в котором был найден участок западной тыновой стены городского острога, состоящий из 15 бревен, поставленных вплотную друг к другу (Данилов П. Г., 20076, с. 237 - 238).

www.tobolsk-kreml.ru

Летом 2007 года при проведении дорожных работ по реконструкции улицы Октябрьская под дорожным полотном были найдены деревянная острожная стена города, предварительно датированная 1644 годом, и подземный ход, проходящий под стеной, в котором найдены шесть берестяных колчанов со стрелами. Острожная стена была сооружена из толстых лиственничных бревен, поставленных встык друг к другу с подгонкой одно к другому. В каждом бревне выбран паз по всей длине. Стена поставлена в специально вырытую траншею (Леошков А., 2007; Пятая оборона..2007, с. 7).

Интересно, что эти выявленные острожные стены не дополнялись рвами, что соответствует описанию в источниках. Так, в описании Тобольска неизвестного иностранца, приехавшего в город в 1666 году, отмечено, что «город на горе представляет собой крепость, укрепленную против набегов только стакетой из еловых деревьев, без травы и земляного валу» (Алексеев М. П., 1936, с. 162).

Однако город имел и земляные укрепления. При проведении аварийных археологических раскопок на территории Тюремного замка Тобольска был обнаружен городской ров, предварительно датируемый 20-ми гг. XVII века. Глубина рва от уровня материка составляла 1,5 м, ширина 3,5 м (Нескоров А. В., 2004, с. 478). Ров имел симметричный треугольный профиль, уклон стенок не превышал 30°. Когда город был расширен за пределы рва, он был засыпан навозом. Вала, по всей видимости, в этой оборонительной линии не было, поскольку выброс из рва был сделан на напольную его сторону, при этом площадка была выровнена. Мощность получившейся отсыпки составила около 40-50 см. Площадка перед рвом до его сооружения была необжита, поскольку под слоем отсыпки была выявлена лишь небольшая прослойка органики, в которой встречались мелкие фрагменты русской гончарной керамики. Городской ров по описаниям аналогичен рву Тюмени. В «Дозорной книге» за 1624 год в приведенном описании города читаем: «а крепость у острога: с нижней стороны ров, поперек его полторы сажени, а в глубь в полсажени» (Дозорная книга, 1903, с. 18).

Из всех ранних оборонительных укреплений Тобольска на поверхности сохранился только Земляной вал 1688 года. Вал состоял из земляной насыпи и рва, укрепленных деревянными башнями с частоколом. Всего на валу было 4 башни. Начинался он от обрыва к Иртышу, где стояла глухая угловая башня. Через 270 м стояла проездная Троицкая башня (четырехугольная). Через 306 м стояла шестиугольная Воскресенская башня. Последний отрезок вала длиной 576 м упирался в яр оврага, на котором стояла глухая четырехугольная башня. Средняя высота вала составляла 3,6 м, ширина 7,8 м. С внешней стороны вала находился ров средней глубины 4,3 м и такой же ширины (Беляев П. А., 1986, с. 4). В 1986 году вал исследовался археологом П. А. Беляевым, который раскопал участок недалеко от оврагов (Беляев П. А., 1986). Однако, по всей видимости, деревянные укрепления на вершине вала были разобраны за ненадобностью уже в первой половине XVIII века. К такому выводу мы приходим на основании рассмотрения сметного списка строениям города 1707 года (Сметные списки..., 1885, с. 67) и плана 1748 года, на котором дан разрез Земляного вала (План крепости... 1748 г., л. 1). На чертеже показан ров, берма и сам вал без острожной стены.

Основу конструкции земляной части вала составляет плотный утрамбованный суглинок светло-желтого цвета, уложенный на древний дерн. Над основой вала лежит слой серого суглинка, переходящий в современный дерн или перекрытый дерновыми обкладками. Эти обкладки, имеющиеся с обеих сторон вала, составляют важный элемент его конструкции, создавая своего рода «панцирь» вала. Внешняя обкладка, состоящая из трех слоев дерна, образует откос с углом наклона 55°, основанием опирается на берму шириной около 2,4 м.

Верхняя часть вала ближе к внешней, напольной стороне увенчивалась деревянной стеной, нижние части которой сохранились в насыпи. Прослежено три линии вертикально стоявших столбов. Передняя линия образовывала сплошную стену типа частокола. Она располагалась на самом краю вала, состояла из бревен толщиной не более 20 см. Вторая линия столбов отстояла от первой на 70 ем, при этом расстояние между столбами составляло 205 см. Третья линия находилась на расстоянии 90 см от первой, с шагом между столбами 335 см. Высота частокола определяется условно в пределах 3-5 м по аналогии с другими сибирскими крепостями (Никитин А. В., 1961а, с. 218). Второй и в особенности третий ряд столбов служили в качестве опоры всей конструкции тыновой стены, на столбы которой опирался настил для верхнего боя. Аналогичное устройство тыновых стен прослежено в Братском остроге 1631 г. (Никитин А. В., 1961 б, с. 118 - 126), в крепостных сооружениях засечной черты XVII в. в Европейской России (Никитин А. В., 1955, с. 146).

В настоящее время сохранилась часть вала от Троицкого до Воскресенского проездов. Современная высота вала достигает здесь 2,5 м, глубина рва, сильно затянутого, около 1,5 м.

Сооружения подобного рода распространены повсеместно на памятниках Европейской части России. Сочетание рвов и валов отмечено в Кунгуре (Оборин В. А., 1978, с. 132), Рузе, Верее, Кашине, Звенигороде и многих других городах. Высота таких валов достигала значительных величин - 6-8 м (Раппопорт П. А., 1961, с. 128). Однако размеры рвов, в особенности расположенных на плоской местности, иногда были невелики. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что значительная часть этих рвов от времени полностью заплыла и на их месте сохранились лишь незначительные западины. Ров, сооружавшийся в 1394 году вокруг Московского посада, имел размеры: «широта же его сажень, глубина человека стояча». Тверской ров 1387 года был всего лишь «глубле человека» (Раппопорт П. А., 1961, с. 129).

Особенности каменного строительства. Одним из наиболее ранних изученных каменных сооружений XVII века в городе Тобольске можно с уверенностью назвать пороховой погреб, обнаруженный в ходе проведения реставрационных работ в здании Дворца Наместника (Адамов А. А., 2001а; 2003а). Функционировал погреб во второй половине XVII века, до начала строительства Приказной палаты в 1700

году. Сам погреб представлял собой два деревянных сруба, поставленных один в один, впущенных в специально вырытый котлован. Снаружи погреб был покрыт землей для защиты от частых пожаров, и только вход был выложен из маломерного кирпича на известковом растворе (Балюнов И. В., 2006а, с. 184; Данилов П. Г., 20066, с. 25). По всей видимости, погреб был подквадратной формы размерами, не превышавшими 12 х 12 м.

Первый в Сибири каменный храм - Софийско-Успенский собор - строился в 1683-1686 гг. под руководством каменных дел подмастерьев Герасима Шарыпина и Гаврилы Тютина. При проведении реставрационных работ внутри здания была изучена конструкция фундаментов храма. Первоначально были вырыты траншеи по периметру будущего здания в материковом суглинке. Фундаменты сложены из дикого рваного камня без связующего раствора. Глубина заложения составляет 2,9 м., т. е. гораздо глубже уровня промерзания почвы, примерно равного 2,1 м. Кроме того, такая глубина объясняется и близостью здания к краю Базарного взвоза. Поверху бутовой засыпки прослежена тонкая прослойка известкового раствора, выполняющая роль нивелирующей подушки. На этой прослойке возводилась кирпичная кладка храма верстовым способом (Адамов А. А., 20056; Балюнов И. В., 2006а, с. 185). Устройство фундамента из дикого камня, по всей видимости, было использовано и при строительстве в начале XVIII века каменной Вознесенской церкви. Однако храм во время строительства обрушился и более не возобновлялся, и точное его местоположение до сих пор достоверно неизвестно. Археологические исследования, проведенные в здании Губернской судебной управы, построенной предположительно на месте храма, выявили остатки нескольких разновременных фундаментов, часть из которых может принадлежать церкви (Адамов А. А., 20066). Из других каменных сооружений *города по* той же схеме на бутовом основании в середине XVIII века построено здание Ризницы. Глубина заложения ее фундамента не менее 2 м. Единственным отличием в устройстве забутовки является дополнительная засыпка грунтом и известковой крошкой щелей между камнями (Адамов А. А., 20056). При строительстве других зданий бутовый камень перестал применяться и был заменен на забутовку из битого кирпича с известковым раствором или крошкой. Объяснялась замена материалов дальностью добычи и доставки дикого камня водным путем с рек Нейвы и Туры (Кочедамов В. И., 1963, с. 25. Аналогичная ситуация с заготовкой и доставкой камня наблюдалась и в Тюмени. Царской грамотой 28 апреля 1700 года было разрешено «... рвы бутить щебнем и кирпичем без камени, толко б была известь...» (Царская грамота ..., 1882, с. 54).

Строительство каменного Софийского комплекса было закончено в 1699 году. Большинство сооружений этого кремля было утрачено по разным причинам в XVIII-XIX веках, и изучать их мы можем только путем проведения раскопок. Круглые башни южной крепостной стены были поставлены на забутовку из битого кирпича с известковой крошкой (Балюнов И. В., 2006а, с. 186). Иную конструкцию фундамента имеет раскопанная северо-западная квадратная наугольная башня Софийского двора (рис. 30). На дно вырытой под фундамент траншеи уложен ряд поставленных на ребро половинок кирпича. Сверху находится засыпка из битого кирпича без всякого связующего раствора, верх которой пролит известью, выровнявшей поверхность. На эту прослойку выкладывалась кирпичная кладка квадратной башни. С восточной стороны к основному фундаменту башни был добавлен пристрой, фундамент которого сложен из битого кирпича с известковой крошкой. Размер квадратной башни с пристроем составил 10 х 14,5 м (Адамов А. А., 20016, с. 8 - И). Исследованные участки крепостных кирпичных стен оказались шириной не более 58-63 см, только северная стена шириной была 86 см (Адамов А. А., 2000, с. 450; Данилов П. Г., 2006д, с. 38).

Основанием крепостных стен служит забутовка из битого кирпича шириной до 1 м, положенная на материк, местами в него углубленная. Мощность забутовки около 44 см. Под забутовкой в материке выявлены деревянные сваи, по 4 в ряду, которые забивались для укрепления грунта на глубину от 58 до 100 см (Данилов П. Г., 2006д, с. 39). Аналогичную конструкцию фундаментов имели и крепостные стены города, строившегося в 1700-1714 годах. Ширина их забутовки была несколько больше - на выявленном участке северной стены она составляла 1,7 м (Балюнов И. В., 2007ж, с. 10). Судя по небольшой ширине, крепостные стены оборонительного значения не имели. Главной задачей было создание внушительного «изображения» могущества Тобольской митрополии, что с успехом и было осуществлено по задумке митрополита Павла. С этой же целью в XVII-XVIII вв. сооружались крепостные ограды в Европейской России. Пример того - стена второй половины XVIII в. в Смоленске, окружавшая культовые постройки в центре города (Воронин Н. Н., 1978).

С южной стороны Софийско-Успенского собора был выявлен сохранившийся участок западных Святых ворот с надвратным храмом на имя Сергия Радонежского, построенных в 1686-1688 годах и разобранных «за ветхостью» в 1759 г., в соответствии с решением митрополита Павла Конюскевича, «по причине непрочности фундаментов и несоразмерности нижних сводов с тяжестью куполов» (Данилов П. Г., 2006а, с. 26). В акте, составленном в сентябре 1759 г., уже после снесения каменного строения, встречаем описание оставленного нетронутым фундамента: «глубина два аршина шесть вершков (1,75 м), ширина три аршина (2,16 м), стена два аршина с половиной (1,84 м), а бут непрочной затем, что сыпан самый мелкий мусор и без заливки, а битые сваи под ним все сгнили» (Кузнецов-Тобольский Е., 1896). Проведенные исследования полностью подтвердили правильность этого описания - фундамент здания представлял собой кирпичный бой, заглубленый в материк. Сверху его перекрывала кладка Святых ворот (Данилов П. Г., 2006д, с. 38).

Фундаменты ряда каменных зданий, построенных в XVIII веке, имели сложное устройство. Дно фундаментных траншей, зачастую углубленных в материковый суглинок, выкладывалось кирпичной кладкой в один или три ряда кирпича без связующего раствора. На кирпичную кладку повдоль траншей укладывались бревна, распределявшие нагрузку на грунты под будущим зданием. Поверх кладки насыпалась забутовка из битого кирпича с известковой крошкой, мощность которой составляла 100-124 см. Поверхность засыпки проливалась известковым раствором для создания ровной площадки, с уровня которой начиналась кладка стен зданий. Глубина заложения такого рода фундаментов составляла 1,8-2,5 м. Такое устройство фундаментов прослежено в здании первой консистории, построенного на Софийском дворе в 1746-1748 гг. (Адамов А. А., 2000, с. 452), Петропавловской церкви, построенной в 1769 году (Загваздин Е. П., 2006, с. 192). Некоторое отличие прослежено в устройстве фундамента колокольни Спасской церкви, пристроенной к основному объему храма во второй половине XVIII века. Над засыпкой из битого кирпича без извести положена кирпичная кладка в три ряда на известковом растворе. На эту кладку сделана засыпка из кирпича с известковой крошкой, на которую уже поставлена кладка стены колокольни (Балюнов И. В., 2007е, с. 12, 13).

Массовое производство кирпича привело к тому, что фундаменты стали целиком сооружать из кирпичной кладки на известковом растворе. Храмы на кирпичных фундаментах строились в нижнем городе. Глубина их заложения колебалась от 2,5 м для Крестовоздвиженской церкви (Данилов П. Г., 2007а, с. 33), до 4 и более метров для церкви Захария и Елизаветы (Адамов А. А., 2005а). Ранее архитекторы С. П. Заварихин и В. В. Княжев в своей монографии характеризовали фундаменты этой церкви как «ленточные ... с глубиной заложения 4,4 м, выполненными двухрусными из кирпича на известковом растворе. Фундамент лежит на бутовой распределительной подушке толщиной до 1 м» (Заварихин С. П., Княжев В. В., 1995, с. 40). В результате проведенных исследований выяснилось несоответствие наших данных с указанным описанием. На глубине 4,3 м не была выявлена бутовая подушка, так же, как и подошва фундамента. Сам же фундамент на всю свою глубину сложен из кирпича на известковом растворе. Кроме того, в основании фундамента Крестовоздвиженского храма выявлены бревна - лежни из лиственниц диаметром 60-70 см (Данилов П. Г., 2007а, с. 33).

Исследователи отмечают, что в русском каменном зодчестве были широко распространены два типа оснований фундамента - на сваях и на лежнях. Свайные основания имели стены и башни Белого города в Москве 1586-1588 гг., ворота детинца во Владимире XII в. (Воронин Н. Н., 1949а, с. 220), крепостные стены Орла - городка XVII в. (Оборин В. А., 1957, с. 147). В Тюмени при раскопках колокольни Благовещенского собора, построенного в 1700-1708 гг., были выявлены следы деревянных свай (Семенова В. И., 1989, с. 29). В свою очередь, бревна - лежни выявлены в основаниях Успенского собора Киево-Печерской лавры, построенного в 1073-1078 гг. (Харламов В. А., 1996, с. 30), церквей Бориса и Глеба в Вышгороде (Каргер М. К., 1952, с. 89), Спаса на Берестове XI - начала XII в. (Каргер М.К., 1953, с. 232), Успенского собора во Владимире (1185-1189 гг.) (Воронин Н. Н., 1961, с. 471), церквей Святого Саввы (1418 г.) и Спас-Преображения (1421 г.) в Новгороде (Колчин Б. А., 1963, с. 42), келий Сретенского монастыря конца XVII - начала XVIII вв. (Тиц А. А., 1966, с. 178).

В качестве материала на лежни в Европейской России шел дуб, в Сибири его заменила лиственница. Как правило, наличие свай и лежней в основании фундаментов объяснялось повышенной влажностью грунтов, на которых строилось здание.

Жилища. В ходе раскопок получен материал и по жилой застройке города XVII-XVIII вв. Поскольку дерево довольно плохо сохраняется в сухих суглинистых слоях, на территории Тобольского кремля, соответственно, обнаружить остатки деревянных построек сложно. При раскопках удается иногда проследить остатки древесной трухи от венцов жилищ горожан.

В одном из шурфов была раскопана часть глинобитной печи XVII века - массив прокаленного желтого суглинка, перекрывавшего бревно - половую переводину (Адамов А. А., 2004, с, 58). Глинобитные печи сохранялись в Западной Сибири в деревнях еще в XIX веке. По словам местного населения, они были «прочнее и экономичнее печей из кирпича, лучше держат тепло, не отсыревают, с течением времени становятся как единый фигурный кирпич» (Липинская В. А., Сафьянова А. В., 1974, с. 187; Майничева А. Ю., 2002, с. 133).

В материалах раскопок встречено также несколько фрагментов сборного керамического дымохода (Балюнов И. В., 2007д, с. 34). Близкий аналог известен из материалов раскопок Архангельска (Ясински М. Э., Овсянников О. В., 1998, с. 217).

При проведении аварийных раскопок на проспекте Ремезова под полотном дороги была выявлена часть городской усадьбы конца XVII - первой половины XVIII в., выходившая своей западной стороной на городскую улицу. Усадьба представляла собой жилую постройку с сенями, возможно, крыльцом (рис. 31). Кроме того выявлена часть западной ограды усадьбы, ориентированной по линии север - юг с небольшим отклонением на юго-запад. С западной стороны от усадьбы исследована часть городской улицы (Адамов А. А., 2006в).

Сруб дома сохранился на два венца, сложен из сосновых бревен диаметром 31-33 см в комле и 22-30 см ближе к вершине. Торцы бревен сруба рублены топором, следов пилы нет. Дом срублен «в обло», продольный паз выбран с нижней стороны верхнего бревна. Такой способ рубки паза появился в XVII веке в Поморье (Русский Север..., 2004, с. 204), откуда распространился по Сибири. Размеры выявленной части дома составляют: длина 590 см, ширина 380 см. Сруб ориентирован параллельно городской улице, находящейся западнее на расстоянии 320 см от дома. Под северо-западным и юго-западным углами сруба выявлены

www.tobolskrestoration.ru

подкладки, лежавшие параллельно западной стене сруба. Такой конструктивный прием отмечен в материалах поселения Изюк (Татаурова Л. В., 2004, с. 413), Новгорода (Засурцев П. И., 1959, с. 265), Орешка (Кильдюшевский В. И., 1972, с. 85). Пол настлан перпендикулярно по отношению к западной стене сруба, сохранилось 7 плах в северной половине дома (рис. 31). Половая лага была врублена в северную стену нижнего венца сруба, в котором сохранился паз, рубленный в «ласточкин хвост». Способ крепления пола у западной стены дома выяснить не удалось, он вставлялся либо в паз между венцами, либо в специально выбранный паз в бревне второго венца сруба. Поскольку признаков дверного проема не было зафиксировано, следует предположить, что пол был настелен «по ходу», что также хорошо фиксируется в Мангазее (Визгалов Г. П., 2004, с. 21), Новгороде (Засурцев П.И., 1959, с. 269), Ладоге (Кирпичников А. Н.. 1985, с. 14), в Прикамье (Соколова Н. Г., 2001, с. 123). В северо-западном углу сруба была выявлена печь, представлявшая собой линзу синей глины с мелким битым кирпичом и древесной золой. С западной и южной сторон границей печи служила деревянная конструкция, представлявшая собой сруб, сложенный из половинок бревен в обло, диаметром 10 см. Сохранились два бревна (рис. 31). Предположительные размеры печи 160 х 170 см. Печь располагалась над половой балкой, служившей ей опорой, кроме того, рядом с восточным краем южного бревна этой конструкции выявлен столб, служивший опорой для юго-восточного угла печи. Выявленная конструкция, видимо, является опечком, над которым была сооружена глинобитная печь. После расчистки, зарисовки и фиксации опечка он был разобран, и под ним была расчищена кирпичная конструкция прямоугольной формы размерами 132 х 170 см, состоящая из двух рядов кладки. Верхний ряд кладки выложен по внешнему краю конструкции с отступом на 14-16 см, образуя внутреннее пространство размерами 78 х 114 см. Размеры кирпича 29 х 14,5-15,5 х 6-7,5 см. Выявленная кирпичная конструкция является, видимо, подом кирпичной печи, существовавшей ранее более поздней, глинобитной. Кирпичная печь была поставлена на деревянный пол. Погреб под печью не был выявлен.

С западной стороны дома вдоль всей стены выявлена пристройка, являвшаяся, видимо, сенями. Ее размеры 408 х 270 см. Частично сохранился нижний венец пристройки, образующий северо-западный угол, рубленный в обло. По-видимому, только нижняя часть пристройки имела срубную конструкцию, поскольку в одном из бревен имеется паз для вертикально стоящей опоры, а сама пристройка была, возможно, дощатой. Пристройка вплотную примыкает к частоколу, с запада являвшемуся границей усадьбы.

Ограда сооружена в виде частокола, причем она достаточно часто перестраивалась, так как выявлено три разновременных ряда частокола. Устройство оград из частокола на протяжении X-XVII вв. не претерпело особых изменений. Исследования в Москве (Рабинович М. Г., 1949, с. 37), Новгороде (Засурцев П. И., 1959, с. 297), Пскове (Овсянников О. В., Царькова Л. А., 1983, с. 128), Верхотурье (Корчагин П. А., 1999, с. 147) зафиксировали тыновые частоколы той же конструкции.

В раскопе исследована часть городской улицы, ориентированной по линии север - юг с небольшим отклонением к юго-западу. Улица начиналась от Кремля и имела направление в сторону каменной Спасской церкви, построенной в начале XVIII века. Ширина улицы в раскопанной ее части 5 м. От уличной мостовой сохранились три доски, лежащие вдоль улицы по одной линии. Видимо, улица имела деревянное покрытие, однако судить о его устройстве на основании имеющихся данных не представляется возможным.

Несколько лучше обстоит дело с хозяйственными постройками - сараями, хлевами и погребами, поскольку зачастую они были углублены в землю на значительную глубину. Строились такие постройки по одной схеме - в вырытый котлован впускался деревянный сруб из бревен диаметром не более 15-20 см (Адамов А. А., 2004, с. 51 - 53, 98 - 100). На дно стелился пол из досок, сверху делалось деревянное перекрытие. Уникальной находкой стало обнаружение под погребом XVIII века более раннего погреба, предварительно датируемого XVII веком (Адамов А. А., 2004, с. 29 - 30). Погреб XVIII века находился внутри дома. Его сруб сложен из плах, дерево сильно обгорело в пожаре. Видимо, над погребом стояла печь, при пожаре она обрушилась внутрь. В заполнении погреба обнаружены битый кирпич, большое количество обломков печных побеленных изразцов, фрагменты железной плиты, таганок (Адамов А. А., 2004, с. 31 - 33). Погреб имел подквадратную форму размером 2 х 2 м.

Кирпичное, изразцовое дело, черепица. Производство кирпича в Тобольске до начала 80-х гг. XVII века носило эпизодический характер. В городе не было опытных специалистов в области каменного строительства, хотя из письменных источников известно о строительстве в 1674 году митрополичьих палат (Баландин С. Н., 1981, с. 175). Работавшие в городе кирпичники изготовляли малоформатный кирпич, непригодный для строительства, из которого выкладывали печи. Однако именно из такого кирпича во второй половине XVII века был выложен вход в пороховой погреб (Данилов П. Г., 20066, с. 25). Формат использованного кирпича был 24 - 26 х 12 х 5,5 - 6 см. Поэтому при строительстве каменного Софийско-Успенского собора появилась проблема с отсутствием опытных мастеров. Местным мастерам митрополит Павел побоялся доверить возведение храма и просил царя о присылке в Тобольск 5 каменщиков и 20 кирпичников (Копылова С. В., 1979, с. 19). По всей видимости, именно по этой причине к строительству собора приступили не в 1681 году, как планировалось, а в 1683 году, хотя строительные материалы были заготовлены заранее. Для строительства собора было построено 5 кирпичных сараев с 5 печами недалеко от Иртыша. Печи были небольшие, вместимостью 6-8 тыс. шт. необожженного кирпича (Заварихин С. П., Княжев В. В., 1995, с. 56). Формат кирпича, применявшегося при строительстве храма, равен 28-29 х 12,5-13,5 х 6,4-7,6 см, что в целом близко с государственным стандартом XVII века - 7 х 3 х 2 вершка (31,2 х 13,4 х 8,9 см) (Коноров А. В., 1956, с. 199). С проблемой нехватки опытных мастеров в начале XVIII века столкнулись и в

Тюмени при строительстве каменных казенных амбаров с Благовещенской церковью над ними (Копылова С. В., 1972, с. 49).

Новый импульс в своем развитии кирпичное производство получило в конце XVII века в связи со строительством каменного кремля. Заготовка строительных материалов велась зимой, весной и летом 1699 года. 7 мая того же года 103 ссыльных начали работу по строительству кирпичных сараев под Паниным бугром (Копылов Д. П., 1975, с. 89). Предполагалось, что каждый работник должен изготавливать в день по 300 шт. кирпичей, однако производительность подневольного труда оказалась значительно ниже. В своих оправданиях по этому поводу воевода ссылался на мнение С. У. Ремезова: «А Семен-де Ремезов сказал, что-де ссыльные люди тот кирпич делают против ... указу несполна, а по 300 кирпичей на день за недоумением зделать не могут; человек 20 делают по 200 кирпичей, остальные по 150, 100 и меньше, а больше не выходит, потому что им, ссыльным людем, то дело не за обычай» (Гольденберг Л. А., 1965, с. 53). В первый год было изготовлено 450 тыс. шт. кирпичей, во второй около 500 тыс. шт. (Копылов Д. И., 1975, с. 90). На протяжении всего XVIII столетия производство кирпича в Тобольске не прекращалось, поскольку в городе интенсивно строились каменные храмы. В 1788-1789 годах в городе, по ведомостям, кирпичные сараи были у тобольского жителя Василия Выродова, канонера Кривошапкина, вдовы Котовой, мещанина «Дмитрия Петрова сына Прокофьева» (ГУТО ГА **в** Тобольске, ф. 341, on. 1, д. 37, л. 199 - 202, 278).

На отдельных кирпичах часто встречаются клейма. На кирпичах XVII-XVIII века они ставились на тычковых гранях, в XIX веке на ложковой грани. Встречаются буквенные, солярные, геометрические изображения (Загваздин Е. П., 2004, с. 18), при этом остается открытым вопрос, что они обозначали - было ли это клеймо заказчика или изготовителя-мастера.

С начала XVII века производство изразцов распространилось в Русском государстве почти повсеместно. В 70-80-х гг. XVII века изразцовое дело было налажено и в Сибири, когда там получило развитие каменное строительство. Так, в 1680-х гг. на договорной основе работал в Тобольске московский мастер Герасим Шарыгшн, который подряжался, в частности, делать «обрасцы муравленые и печи» (Черная М. П., 2002, с. 65).

Для подготовки местных мастеров-изразечников Сибирский приказ в апреле 1698 года производил отбор кандидатур из «черепишного кровельного дела мастеров». Среди желающих поехать в Сибирь были тяглецы московской Новомещанской слободы Федор Кондратьев и Семен Остафьев Лузин, которые соглашались выучить «черепишному простому и муравленому и печному образцовому делу в год человек 5 или 6 ис кирпишников, ис пешников, ис горшешников, ис каменщиков». Переговоры о поездке в Сибирь вели и крестьяне Московского Вознесенского девичьего монастыря Влас Иванов «с гончаром» Филиппом Трофимовым (Копылова С. В., 1979, с. 116). Точных сведений о результатах этих переговоров нет, но известно, например, что в 1699 году из Москвы в Тобольск был отправлен «черепичного и израсцового дела мастер Семен Лузин» и мастера для делания «ценинных и зеленых израсцов» Иван Денешка, Иван Лукьянов и Василий Степанов (Кочедамов В. И., 1963, с. 57).

Известно и имя одного из местных мастеров. Это «ценинных дел» мастер Алексей Савватьев Черепанов, который в 1704 году был послан из Тобольска **в** Тюмень митрополигом Филофеем для отделки зелеными изразцами Благовещенской церкви, а в 1712 году вернулся в Тобольск (Копылова С. В., 1979, с. 120).

В начале XVIII века в Тобольске была выстроена специальная «черепишная изба», куда собрали всех местных мастеров, что говорит о том, что производство печных изразцов приобрело массовый характер. Об этом говорят и другие сведения. Например, что губернаторские деревянные «хоромы» М. П. Гагарина, построенные в 1712-1713 гг., были украшены 20 «ценинными» печами. В это же время изразцовые печи появились и в приказной палате, в Воскресенской соборной церкви, на новом посольском дворе, в доме бывших воевод Черкасских, а также у некоторых частных лиц (Копылова С. В., 1979, с. 120; Вилков О. Н., 1978, с. 36; Черная М. П., 2002, с.'64).

Таким образом, формирование местных кадров черепичников, изготовителей изразцов и изразцовых печников происходило начиная с 70-80-х гг. XVII века, и закончилось в первое десятилетие XVIII века, когда производство черепицы и изразцов стало массовым.

В ходе археологических исследований 2003 года в первом зале Дворца Наместника в г. Тобольске была собрана большая коллекция эмалевых рельефных изразцов, которые, вероятно, принадлежали нескольким печным наборам (Адамов А. А., 2003а). Найденные изразцы сильно фрагментированы, некоторые из них деформированы вследствие пожара. Все найденные фрагменты относятся к полихромным рельефным изразцам и их принадлежность к печным наборам можно предположить по остаткам копоти и сажи с тыльной стороны, а также по наличию румп коробчатой формы с отступом по краям. По бокам румпы имеются отверстия для крепления изразцов проволокой к печи. Согласно традиционной классификации печных наборов, фрагменты изразцов из Дворца Наместника можно подразделить на: 1) стенные изразцы «малой руки» и «большой руки» (рис. 35,5,15,16,19,21); 2) угловые стенные изразцы; 3) угловые стенные половинки; 4) плоские поясовые изразцы (рис. 35,6,7,12,13,20,22); 5) угловые плоские пояса; 6) пояс-валик (рис. 35,11); 7) карнизный пояс (рис. 35,8,9); 8) подзоры (рис. 35,10,23); 9) ножки (рис. 35,14,17,18); 10) городки (рис. 35,3,4). Печи с подобной облицовкой относятся к ренессансному типу. Результатом проведенных исследований тобольских изразцов стала примерная реконструкция двух печей (рис. 35,1,2) на основе рекомендаций, разработанных Н. И. Немцовой (Немцова Н. И., 1989).

Датировать тобольские полихромиые эмалевые изразцы из Дворца Наместника с определенной уверенностью можно XVIII веком. Изразцовые печи могли быть установлены в Приказных палатах, строительство которых было закончено в 1704 году. Позднее поврежденные в пожаре изразцы были выброшены в яму, оставшуюся от зелейного погреба, некогда находившегося на этом месте (Адамов А.А., 20036, с. 101). Этим можно объяснить скопление фрагментов изразцов от нескольких печных наборов в одном месте.

Тобольские мастера использовали при изготовлении изразцов глухие непрозрачные эмали четырех цветов: белую, желтую, синюю и зеленую, а также прозрачную поливу, причем цвет эмалей на изразцах отличается различными оттенками. Кроме того, изразцы с одним рисунком отличаются несколькими вариантами раскраски, что позволяло разнообразить продукцию. Качество эмалевых изразцов не всегда на высоком уровне. На некоторых фрагментах изразцов можно увидеть подтеки эмалей и нечетко оттиснутый рисунок. Часть изразцов была деформирована при обжиге и является производственным браком, что, в свою очередь, указывает на то, что они были изготовлены именно в Тобольске. Изучение рисунков и орнаментов изразцов показало, что большая их часть была заимствована в других центрах изразцового производства. Основная часть изображений или имеет стилистическое сходство, или является точным аналогом изображений на изразцах московского производства 70-80-х гг. XVII века. Изображения на пяти изразцах не имеют аналогов в ранее опубликованных работах, поэтому можно говорить об их местном происхождении. Орнамент на изразцах, в основном, носит растительно-геометрический характер, за исключением трех изразцов. На двух из них присутствуют зооморфные изображения в виде птиц (рис. 35,5,15,21), а на третьем изображен вазон (рис. 35,19). Также как и изразцы с изображением птиц, изразец с вазоном входит в число наиболее популярных сюжетов в России (Симанов А. Ю., 2007, с. 44 - 45).

После очередного городского пожара, в 1701 году С. У. Ремезов составил проект каркасного жилого дома, обложенного сырцовым кирпичом изнутри и обожженным по фасаду. Дом завершала двухскатная черепичная кровля (Кочедамов В. И., 1963, с. 40). В письменных источниках нет информации о том, удалось ли построить хотя бы один такой дом. В этой связи интерес представляет находка скопления битой черепицы в брусяном погребе на территории Тобольского кремля, недалеко от Дворца Наместника (Адамов А. А., 20066). Черепица чернолощеная, в сечении овальной формы, с бордюром по верхнему краю для крепления к перекрытию кровли. Близкие аналоги известны по материалам раскопок в Великом Новгороде (Рыбина Е. А., 1978, с. 223), Воскресенского храма в Коломне (Мазуров А. Б., 2001, с. 498), жилых домов Пскова и Москвы (Тиц А. А., 1966, с. 189,190).

Погребальный обряд. На территории города Тобольска и в его окрестностях археологическими исследованиями было выявлено несколько христианских кладбищ XVII-XVII вв. Традиционно они располагались возле церквей. Некоторые из церквей сохранились до настоящего времени (Петра и Павла, Спасская, Захарьевская, Крестовоздвиженская), некоторые известны из письменных и картографических источников (Вознесенская, Воскресенская, деревянный Софийский собор). Следует отметить; что многие каменные храмы были построены на местах, где ранее стояли деревянные церкви. В редких случаях выявленные кладбища соотносятся с определенной культовой постройкой достаточно приблизительно (кладбище у Архиерейской бани, кладбище на Чукманском мысу). К настоящему времени изучено уже более 300 погребений.

Археологические исследования позволяют говорить о том, в начале XVIII в. хоронить на территории Тобольского кремля практически перестали. Но в это же время кладбища продолжают функционировать при городских приходских церквях. Исключением являются погребения лиц высокого духовного звания или людей, имевших особые заслуги перед епархией. Их могли хоронить вплоть до XX вв. как внутри Софийского собора и его северного придела, так и на прилегающей к нему территории Софийского двора. В 1771 г. появляется сенатский указ, согласно которому, запрещалось в городах совершать погребения при приходских церквях и предписывалось создание особых кладбищ «на выгонных землях, где способнее», за городской чертой (ПСЗРИ, 1830, с. 409). В Тобольске таким местом с августа 1772 г. стала территория, расположенная на надпойменной террасе р. Иртыш к северу от городского вала 1688 г. Здесь была построена «на первый случай» небольшая деревянная церковь во имя Семи отроков эфесских (ГУТО ГА в г. Тобольске ф. 156, оп. 3, д. 418, л.1). И практически сразу же выходит распоряжение о возведении одноименной каменной кладбищенской церкви, строительство которой было начато в 1775 г. и закончено в 1776 г. (ГУТО ГА в г, Тобольске ф. 156, оп. 3, д. 418, лл.1, 6, 7; там же ф. 156, оп.19, д. 325, лл. 136-137). Насколько можно судить, именно с августа 1772 г. Завальное кладбище, расположенное вокруг этого храма, становится практически единственным местом, использующимся городскими жителями для погребения усопших (ГУТО ГА в г. Тобольске ф. 156, оп. 3, д. 418, л. 9).

Археологическое изучение древних кладбищ позволяет выявить и другие интересные черты погребальной обрядности XVII-XVIII вв. Традиционными чертами является прозападная ориентация (с незначительными отклонениями) умерших. Захоронения иногда осуществлялись в несколько ярусов, (максимальное количество, которое удалось зафиксировать, достигает шести ярусов). Умерших могли помещать как в долбленые колоды, так и в дощаные гробы. Подавляющее количество детские погребений совершено в колодах. Достаточно часто поверхность гроба покрывалась перекрытием, выполненным из одной или нескольких широких полос бересты.

www.tobolsk-kreml.ru

Сопутствующий инвентарь беден или отсутствует вовсе. Однако именно он, прежде всего, отражает хронологические изменения обряда. Так, например, нательные кресты зафиксированы только в погребениях, относящихся к XVIII в. Данная особенность зафиксирована также на многих сибирских кладбищах. В Европейской России традиция хоронить с крестами появляется несколько ранее, в XVI-XVII вв. (Самигулов Г. Х., 2005, с. 162 -163).

Достаточно часто в области ступней встречаются остатки кожаной обуви. В XVII в. это так называемые калигвы - погребальные тапочки, изготовленные из одного куска кожи. Формировались они при помощи двух швов (в области носка и пятки). Соединение краев производилось несколько небрежно, косым обметочным швом. Простота изготовления и отсутствие следов снашивания на тапочках позволяет утверждать, что изготавливались они специально для покойного и не использовались в повседневной жизни (Адамов А. А., 20036, с. 101 - 102). В XVIII столетии начинают хоронить в обуви сложной конструкции, которая находит аналоги в культурном слое города.

В некоторых женских погребениях сохранились остатки причесок, каждая из которых представляет собой две косы, уложенные венцом. В одном случае (погребение XVII в.) такую прическу покрывал уголовной убор - волосник. Он состоит из двух деталей: очелья, представлявшего собой неширокую полосу ткани, расшитую узорами, и кружевного верха-сеточки, под которую убирались волосы. Прическа, состоящая из двух кос, а также наличие волосника, являются традиционными признаками, по которым можно определить, что эти погребения принадлежат замужним женщинам (Ёлкина И. И., Станюкович А. К., 2000, с. 193, 194).

Достаточно редкой особенностью является использование в погребальном обряде разного рода подушек. В одном погребении XVII в. зафиксирован деревянный (березовый?) веник, положенный под голову усопшему. На территории Софийского двора было изучено четыре захоронения позднего времени, предварительно они определены как монашеские. В одном случае под голову усопшему была положена кожаная подушка, набитая войлоком, в другом - два кирпича (на одном из них стоит солярное клеймо). Из других находок, сделанных в этих погребениях, следует отметить тряпичные крестики (параманд), четки со стеклянными бусами и элементы одежды: пуговицы, железная застежка, остатки кожаной обуви на наборном каблуке.

Насколько можно судить по опубликованным материалам, основные черты погребального обряда, изученные в черте г. Тобольска и его окрестностях, находят широкие аналоги на территории Сибири и Приуралья. Для многих русских кладбищ XVII-XVIII вв. этих регионов также характерно сочетание колод и дощатых гробов, использование берестяных перекрытий и присутствие в составе погребального инвентаря кожаной обуви (Самигулов Г. Х., 2005, с. 154 - 168; Макаров Л. Д., 2003 с. 192 - 232; Ширин В. В., 2000, с. 441 -443).

Хозяйственные занятия. Для русского населения города Тобольска было характерно многоотраслевое хозяйство, которое включало в себя животноводство, земледелие, рыболовство и охоту.

О достаточно высоком развитии сельского хозяйства можно судить на основании письменных свидетельств (Земледельческое хозяйство ..., 2001), что находит подтверждение и в археологических источниках.

Культурный слой города содержит значительное количество костей домашних животных, что позволяет говорить о том, что население занималось разведением крупного рогатого скота, свиней, птицы, активно использовало в хозяйственных целях лошадей. Ярким свидетельством этому является достаточно большое количество обнаруженных в культурном слое города предметов конского снаряжения: железных удил, подков, в том числе и ледоходных, шпоры с колесиком. На территории Софийского двора были изучены остатки нескольких полуземляночных построек XVII в., которые, очевидно, использовались для содержания скота. Данный факт свидетельствует о том, что животноводство получило распространение не только в сельской местности, но и в самом Тобольске. Ещё одним подтверждением этого является присутствие в культурном слое города большого количества навоза, мощность которого достигает иногда более 1 м. Его достаточно часто использовали для засыпки старых ям и рвов. Данные факты подтверждают сведения о том, что сибирское крестьянство, обладая значительным поголовьем скота, не использовало навоз как удобрение вплоть до второй половины XIX в. (Туров С. В., 1997, с. 143).

Развитое скотоводство требовало интенсивной заготовки сена. В переписной книге 1625 года в списке имущества Архиерейского дома упоминается «сорок три косы горбушы да литовка» (Переписная книга ..., 1994, с. 57). При археологических исследованиях обнаружены фрагменты именно кос-горбуш (рис. 33,21). Подобные орудия труда могли использоваться как для уборки урожая, так и для сенозаготовки. Несмотря на то, что коса-литовка гораздо производительней, в целом, согласно более поздним свидетельствам, широкое использование именно кос-горбуш в Западной Сибири было обусловлено тем, что крестьяне не применяли никаких способов улучшения покосов. При сенозаготовке косы-литовки часто не использовались, так как неровности лугов того не позволяли (Туров С. В., 1997, с. 142).

Очевидно, что в черте г. Тобольска земледелием было заниматься достаточно сложно. Основные сельскохозяйственные угодья тобольских крестьян располагались в его окрестностях и близь расположенных деревнях. Ведущее значение носило выращивание злаковых культур: пшеницы, ржи, овса (Переписная книга ..., 1994, с. 55). Убирали урожай серпами о чем свидетельствует опись имущества архиерейского дома где значилось «двадцать четыре серпа» (Переписная книга ..., 1994, с. 57). Зерно перерабатывали в муку как в домашних условиях на ручных каменных жерновах, так и на водяных мельницах. На территории Тобольского

Кремля найдено несколько фрагментов каменных жерновов, которые в зависимости от размеров определяются как ручные (диаметр до 40 см) или мельничные. Остатки каменные мельничных жерновов обнаружены в кладке фундамента соборной Ризницы, построенной во второй половине XVIII века. Согласно плану Тобольска 1714 г. мельница находилась в подгорной части города на речке Курдюмке в районе современной ул. Вершина. (План города ... 1714).

Достаточно значимое место в хозяйстве жителей г. Тобольска занимал рыболовный промысел. В записках неизвестного иностранца, побывавшего в сибирской столице в 1666 году, мы находим такое описание: «Русские промышляют здесь главным образом, ловлею рыбы, которая водится в обеих реках; так, здесь в изобилии ловятся большие осетры, стерляди, щуки, караси, лещи, окуни и так же нельма и максун, - жирная и вкусная рыба, и многие другие...» (Алексеев М. П., 1936, с. 163). Во время исследований культурного слоя города достаточно часто попадаются скопления рыбьих костей и чешуи, а кроме того, была собрана коллекция предметов, относящихся к рыболовному инвентарю. По назначению и способу применения можно считать, что использовались, в основном, рыболовные орудия двух видов: крючные снасти и сети. Найденные крючки в зависимости от размеров могли оснащать либо удочки, либо приспособления типа закидушек, донок, жерлиц (рис. 33,18). О сетевом промысле свидетельствуют находки поплавков и грузил. Поплавки изготавливались из дерева, бересты или сосновой коры, грузила - из камня (всего 1 экз.) и глины (рис. 33,4). Известны также комбинированные грузила - кибасы, когда керамическое основание (груз), оплеталось берестой для крепления к нижней нитке. Судя по этим находкам, для рыбного лова использовались как подвижные, так и ставные сети (Балюнов И. В., 20066, с. 21).

В охотничьем промысле использовались преимущественно лук и стрелы, о чем напрямую свидетельствует значительное количество костяных наконечников стрел. Можно также предположить, что тоболяки использовали и пассивные способы: петли, сторожевой лук, давящие ловушки.

Вооружение. Присоединение Сибири к Московскому государству осуществлялось с помощью огнестрельного оружия. В культурном слое Тобольска найдены ружейные кремни, свинцовые пули, картечь, ядра разных диаметров, гранаты, железные наконечники шомполов, деталь ружейного замка батарейного типа (рис. 32,15) и пр. Неоднократно встречались достаточно крупные фрагменты чугунных пушек. Во время археологических исследований во дворе Покровского собора было обнаружено скопление картечи, судя по всему, она была уложена в деревянный ящик, истлевший со временем, от которого сохранились только гвозди. Картечь имеет диаметр от 1,8 до 2,5 см. В целях экономии дорогостоящего металла из свинца выполнена только внешняя оболочка, внутренним заполнением является либо известь, либо округлая галька.

На протяжении XVH-XVIII вв. большую роль как в военно-оборонительной, так и в промысловой деятельности продолжали играть лук и стрелы. Археологические исследования позволяют говорить о том, что русское население в Западной Сибири использовало этот вид оружия почти повсеместно. Тобольские находки представлены костяной серединной (веслообразной) накладкой на лук (рис. 33,3), и многочисленными наконечниками стрел из железа и кости. Все железные наконечники по способу насада определяются как черешковые и могут иметь как плоское (удлинено-треугольные, двушипный), так и четырехгранное (боеголовковые) сечение пера (рис. 33,10-13). Последняя особенность традиционно характеризует бронебойные наконечники стрел, но весьма вероятно, что тоболяки использовали их и на охоте на крупного зверя. Костяные наконечники применялись, в основном, только на охоте, поскольку они, с успехом пробивая органические материалы, при ударе о металлический доспех разрушались. По способу насада они разделяются на черешковые и втульчатые (томары). Черешковые в основной своей массе относятся к группе граненых (удлинено-ромбические, удлинено-треугольные, шиловидные) (рис. 33,5,6). Редкими находками являются округлый (1 экз.) (рис. 33,7) и плоский (1 экз.) в сечение наконечники, при этом последний обладает столь малыми размерами, что его можно определить как игрушечный, или вотивный. Томары - тупые наконечники, используемые для охоты на пушного зверя, могут иметь либо усеченно-коническую, либо грушевидную форму (рис. 33,8,9). Описанные находки имеют достаточно широкие аналоги в материалах как русского, так и коренного населения Сибири, что может свидетельствовать о том, что лук и стрелы выступали также предметами торговли или товарообмена (Данилов П. Г., 2006в, с. 179 - 183).

Древковое оружие ближнего боя в тобольских материалах представлено находками наконечников копья и пальма. Наконечник копья был обнаружен в 2003 г, при строительных работах в подгорной части города и передан на хранение в Тобольский музей-заповедник. Его основными характеристиками являются лавролистная форма пера и втульчатый насад, дополненный двумя пластинами, которые располагались вдоль древка и обеспечивали более прочное крепление к нему. Известны также две находки втульчатых наконечников пальмы. Они имеют перо, по форме напоминающее лезвие массивного ножа.

Ремесло. Уже в XVII в. Тобольск являлся достаточно крупным ремесленным центром Сибири. Из письменных источников известно, что в городе существовало свое кожевенное, сапожное, кузнечное и др. производства. В то же время в значительной степени потребности населения удовлетворялись привозной продукцией.

Большое развитее получило кожевенно-сапожное ремесло. Инструменты сапожников представлены находками железных шильев (рис. 33,20) и раскроечных ножей. Несмотря на плохую сохранность органических материалов, в культурном слое обнаружено значительное количество обрезков кожи, фрагментов ремней, рукавиц и детали обуви разных типов: поршни, туфли, башмаки и сапоги.

Поршни - обувь, выполненная из одного куска кожи, согнутого в носке и пятке и стянутого по верхнему краю ремешком или нитью. Перед такой обуви очень часто украшался бахромой, образованной частыми нарезами верхнего края (рис. 34,12). Отдельно можно выделить составные поршни, где к иереду головки крепилась дополнительная треугольная деталь, закрывающая пальцы стоп (Балюнов И.В., 2005, с. 126 - 128). Туфли сшивались уже из трех деталей: головки, задника, подошвы. Наиболее часто в культурном слое встречаются остатки башмаков и сапог. Отсутствие археологически целых моделей и голенищ не позволяет нам четко выделить отличительные особенности этих двух типов по причине их схожего морфологического строения. Для них характерно многочастное строение. Головка обуви имеет удлиненные крылья, доходящие до пяточной части, и овальную форму носа. Её также характеризует наличие поднаряда (внутреннего слоя). Задник так же сшивался из двух слоев кожи, между которыми для жесткости помещалась лыковая или берестяная вставка. Часто центральная и нижняя части задника украшались бронзовой спиралью (галуном). Подошва имела либо овальную форму, либо повторяла форму ступни. Каблук мог быть либо деревянным (обтянутым кожей), либо набранным из нескольких слоев кожи. Иногда его функцию выполняла серия внутренних подпяточных прокладок. Для защиты от стирания пяточная часть подошвы или каблук подбивалась либо гвоздями с широкой шляпкою, либо железными подковками (рис. 32,5,6) (Балюнов И. В., 2007в. с. 222 - 223). Насколько можно судить, в XVIII в. появляются башмаки с мягкой подошвой, сшиваемые из однослойных деталей.

Описанные нами типы обуви находят достаточно широкие аналоги в материалах русских памятников Европы и Сибири, что является свидетельством общности сапожного ремесла XVII-XVIII вв. в российском государстве (Курбатов А. В., 1997, с. 11 - 12; Рабинович М. Г., 1986, с. 88 - 90; Артемьев А. Р., 1999, с. 153). Но вместе с тем существуют и некоторые региональные отличия. Например, для мангазейских, томских и тобольских моделей сложной обуви характерны удлиненные крылья головки* и бронзовые украшения, что, насколько можно судить, не получило широкого распространения в европейской части страны. (Чиндина Л. А., Чёрная М. П., Володина В. С., Капитонова М. А., 2003, с. 71). Эти, а также некоторые другие признаки позволяют нам говорить о возникновении сибирского сапожного ремесла уже в начале XVII века.

Значительную долю археологических находок образуют изделия кузнечного ремесла. Стремительно растущий город испытывал острую потребность в предметах, необходимых для строительства, таких, как гвозди (рис. 32,16), скобы, петли (рис. 32,17), жиковины, пробои, железные связи и пр. Из железа изготавливалась основная часть инструментов и орудий труда: топоры (рис. 33,1), тесла, сверла, ножи (рис. 2,14,16), шарнирные ножницы (рис. 33,19), шилья (рис. 33,20). Для их заточки и правки использовались точильные камни, которые являются достаточно частой находкой. В повседневном быту тоболяки употребляли металлическую посуду, представленную в слое фрагментами котлов и сковород. Для освещения домов использовали подсвечники (рис. 32,19) и одно- или двухлучинные светцы (рис. 32,13,14). Огонь добывался с помощью калачевидных огнив (кресал). От удара дужки огнива о кремень образовывалась искра, которая поджигала трут. На протяжении XVII и, частично, XVIII столетий наблюдалось положение, когда необходимый металл и изделия из него ввозились из Европейской России. Дефицит сырья сибиряки попытались восполнить за счет поиска железной руды в Зауралье и создания предприятий по ее переработке. В этом ряду можно назвать открытие болотной железной руды на реке Нице в 1628 году, деятельность предприятия потомственного рудознатца Дмитрия Тумашева во второй половине XVII века (Данилов П. Г., 2004а, с. 88). Это привело к быстрому развитию кузнечного ремесла в Тобольске, расцвет которого пришелся на вторую половину XVIII века. Однако производство так и не смогло выйти за рамки кустарного ремесла, что определило его дальнейший упадок (Данилов П. Г., 20046, с. 81).

Гончарное ремесло не упоминается в письменных источниках XVII-XVIII вв. Это может свидетельствовать о том, что в этот период времени оно носило ещё кустарный характер и не было сориентировано на рынок. При этом керамика является самым массовым археологическим материалом. Собранные фрагменты позволяют нам выделить множество разных видов посуды: горшки (рис. 34,1,3, 8-10), горшки со сливом (рис. 34,14), рукомойники, миски (рис. 34,2), сковороды, корчаги, чернильницы (рис. 34,4,11) и пр. Наиболее распространенным видом посуды являются горшки (приземистые сосуды, чей диаметр в области плечиков всегда превышает высоту), для которых характерна сравнительно невысокая шейка, наклоненный, прямой или чуть отогнутый венчик, переходящий в округлое плечико (рис. 34,1,3,8-10) (Балюнов И. В., 20076, с. 45 - 47). Сковороды и миски имеют, как правило, форму усеченного конуса, обращенного основанием вверх (рис. 34,2). Друг от друга эти два вида отличаются прежде всего размерами.

Следует отметить, что, по сравнению с восточноевропейской, тобольская посуда отличается меньшим видовым разнообразием. Кроме того, серая или серо-коричневая керамика, достаточно широко бытовавшая в сибирской столице в XVII-XVIII вв., совершенно не представлена в позднесредневековых материалах многих городов Европейской России. Для их культурных слоев этого времени характерна преимущественно более качественная красная, белая или чернолощеная керамика (Воронин Н. Н., 1949, с. 187; Розенфельдт Р. Л., 1968, с. 13 - 48; Седова М. В., Беленькая Д. А., 1981, с. 113).

Предварительно можно выделить ряд отличительных особенностей посуды XVII и XVIII вв. Для XVII в. характерна преимущественно серая или серо-коричневая керамика, на дне сосудов иногда фиксируются гончарные клейма в виде геометрических рисунков (рис. 34,5-7). В XVIII в. традиция клеймения окончательно забывается, но стенки сосудов изредка декорируются либо прочерченным орнаментом в виде зигзагов, прямой или волнистой линии, либо оттисками ключа. Кроме этого в XVIII столетии в широкое употребление входит

подлощенная и поливная керамика. Лощение (технический прием, напоминающий полирование) производилось на подсушенной поверхности сосуда ещё до его обжига с помощью окатанной гальки или костяного лощила. Для изготовления поливной керамики сосуд обсыпался специальными веществами, которые при обжиге плавились и образовывали тонкий внешний слой (поливу) красного, коричневого, зеленого или других цветов. Также для этого времени характерно появление керамических курительных трубок.

В городе существовало свое косторезное производство, об этом свидетельствуют находки распиленных, обструганных, сверленых костей, костяные отщепы и заготовки. Изделия этого производства имели широкое распространение в быту. Они использовались для оснащения орудий труда (наконечники стрел, накладка на лук, детали рукоятей ножей, орнаментированные пластины). Из рога и кости изготавливались двусторонние гребни с редко расположенными зубцами в верхнем ряду и часто расположенными зубцами в нижнем ряду (рис. 32,1,2,4,5). По форме выделяются прямоугольные и трапециевидные гребни, по размеру - большие и маленькие. Последние, судя по всему, использовались для расчесывания бороды и усов. Только в XVIII веке в широкое употребление входят костяные расчески (рис. 32,3). Но, насколько можно судить, в этот период времени двусторонние гребни использовались в Тобольске сравнительно чаще (Балюнов И. В., 2007а, с. 10 - 13). Изделия из кости позволяют нам охарактеризовать досуг тоболяков. В слое найдены шахматные фигурки (рис. 32,10,11), а также кубики для игры в зернь. Кости мелкого скота использовались как игральные бабки. В них могли либо просверливаться отверстия для заливки свинца, либо наносились какие-то знаки отличия (зарубки) (рис. 32,9).

Ряд археологических находок, безусловно, относится к предметам привозной продукции. Это, прежде всего, изделия из драгоценных и цветных металлов - монеты, нательные кресты, серьги, пуговицы, наперстки и пр. Значительный интерес представляют серебряные копейки, так называемые чешуйки, некоторые из них отчеканены ещё до основания города и относятся к XVI столетию (рис. 32,7,8). К категории привозных вещей относятся также изделия из стекла. Из этого материала изготавливались бисер, пуговицы, бусы и пр. Бусы в сечении преимущественно круглые (шарообразные, зонные, эллипсовидные), реже граненые. Среди шарообразных бус можно дополнительно выделить так называемые глазчатые. В XVII в. встречаются фрагменты штофов, украшенные цветными полосами, и свинцовые крышечки от них. Ещё одной категорией привозной продукции являются изделия из фарфора: посуда и статуэтки. Найдено несколько фрагментов сосудов, стенки которых украшены цветными рисунками, а на донцах читаются иероглифы. Фарфоровые статуэтки представляют собой фигурки людей или животных.

www.tobolsk-expedition.ru

Список использованных источников и литературы

Адамов А. А. 1992. Археологические исследования в Новосибирской и Тюменской области в 1992 г. // НА ТГИАМЗ. № 1604.

Адамов А. А. 1996. Новый средневековый могильник в таежном Прииртышье // Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Словцовские чтения - 95». Тюмень.

Адамов А. А. 1997а. Археологические исследования в Уватском районе Тюменской области в 1997 году // НА ТГИАМЗ. № 1729.

Адамов А. А. 1997б. На городище Потчеваш // Сибирская столица (историко-краеведческий иллюстрированный журнал ТГИАМЗ). Тобольск. № 1.

Адамов А. А. 1998. Позднесредневековые тюркские памятники Прииртышья // Сибирские татары. Тобольск.

Адамов А. А. 1999. Археологические исследования в Вагайском районе Тюменской области в 1999 году // Архив ИА РАН.

Адамов А. А. 2000. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск.

Адамов А. А. 2001а. Археологические исследования в Ремезовских палатах Дворца Наместника в 2001 г. // НА ТГИАМЗ. № 1730.

Адамов А. А. 2001б. Отчет о работах на территории Тобольского кремля в 2001 г. // НА ТГИАМЗ. № 1731.

Адамов А. А. 2003а. Археологические исследования в первом зале Дворца Наместника в 2003 г. // НА ТГИАМЗ. №1732.

Адамов А. А. 2003б. Исследование кладбища около Вознесенской церкви в г. Тобольске // Ежегодник 2002 Тобольского музея-заповедника. Тобольск.

Адамов А. А. 2003в. Отчет об археологических исследованиях в Тюменской области в 2003 г. // НА ТГИАМЗ. № 1733.

Адамов А. А. 2004. Отчет об археологических исследованиях на территории Тобольского музея-заповедника в 2004 г. // НА ТГИАМЗ. № 1689.

Адамов А. А. 2005а. Археологические исследования и надзор на объекте «Церковь Захария и Елизаветы» в 2005 г. // НА ТГИАМЗ. № 1734.

Адамов А. А. 2005б Археологические исследования на объекте «Софийско-Успенский Собор с ризницей и котельной» в 2005 г. // НА ТГИАМЗ. № 1735.

Адамов А. А. 2005в. Археологические исследования на территории Сада Ермака осенью 2005 г. // НА ТГИАМЗ. № 1736.

Адамов А. А. 2005г. Археологические исследования на территории Тобольского Кремля под водопровод и канализирование в 2005 г. // НА ТГИАМЗ. № 1737.

Адамов А. А. 2005д. Археологические исследования у стен и башен Тобольского Кремля в 2005 г. // НА ТГИАМЗ. № 1738.

Адамов А. А. 2005е. Археологический надзор на объекте «Церковь Петра и Павла» в 2005 г. // НА ТГИАМЗ. № 1739.

Адамов А. А. 2005ж. Отчет об археологических исследованиях в Тюменской области в 2005 г. // НА ТГИАМЗ. № 1740.

Адамов А. А. 2005з. Археологические исследования на территории Тобольского Кремля на объекте «Общежитие на 400 мест» в 2005 г. // НА ТГИАМЗ. № 1750

Адамов А. А. 2006а. Археологические исследования на объекте «Крестовоздвиженская церковь» в 2006 г. // НА ТГИАМЗ. № 1741.

Адамов А. А. 2006б. Отчет о проведении археологических исследований на объекте «Здание Губернской судебной управы» по адресу г. Тобольск, Красная Площадь 2 в 2006 году // НА ТГИАМЗ. № 1742.

Адамов А. А. 2006в. Отчет о проведении археологических исследований на территории объекта «реконструкция ул. С. Ремезова в городе Тобольске» в 2006 г. // НА ТГИАМЗ. № 1743.

Адамов А. А. 2006г. Отчет об археологических исследованиях могильника Вак-Кур в 2006 году // НА ТГИАМЗ. № 1744.

Адамов А. А, Балюнов И. В., Данилов П. Г. 2006. Разведочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). Новосибирск. Т. XII. Ч. I.

Адамова Н. Ю. 1994а. Миграции в эпоху бронзы в междуречие Демьянки и Иртыша (по материалам Нелымского микрорайона) // палеодемографические и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул.

Адамова Н. Ю. 1994б. Нелымский археологический микрорайон в бассейне р. Демьянки // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск.

Адамова Н. Ю. 1994в. Обработка поверхности сосудов эпохи ранней бронзы на р. Чилимка (низовья р. Конды) // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул.

www.tobolsk-expedition.ru

Адамова Н. Ю. 1996. Керамика ранней - развитой бронзы таежного Обь-Иртышья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Алексеев М. П. 1936. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке // Исторический архив. М.-Л., Т. 1.

Артемьев А. Р. 1999. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв. Владивосток.

Археологическая коллекция М. С. Знаменского // Известия императорского русского географического общества. 1882. Т. XVIII. Вып. 2.

Ахмедов Б. А. 1965. Государство кочевых узбеков. М.

Бай Ж. А. 1897. От Волги до Иртыша // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, Т. XVII. Вып. II.

Бакай Н. 1894. Географическое описание Сибири XVIII века // Тобольские губернские ведомости. № 2.

Баландин С. Н. 1981. Начало русского каменного строительства в Сибири // Сибирские города XVII - начала XX века. Новосибирск.

Балюнов И. В. 2005. Кожаные поршни из культурного слоя г. Тобольска XVII в. // Менделеевские чтения - 2005: материалы XXXVI региональной научно-практической конференции молодых ученых и студентов. Тобольск.

Балюнов И. В. 2006а. Начало каменного строительства в г. Тобольске (по материалам археологических исследований) // Ежегодник Тобольского музея - заповедника. № 3 - 4. Тюмень.

Балюнов И. В. 2006б. Орудия рыболовного промысла города Тобольска XVII-XVIII вв. по материалам археологических исследований // IV Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 22-23 ноября 2006 г.). Курган.

Балюнов И. В. 2006в. Отчет о проведении археологической разведки в Вагайском районе Тюменской области в 2006 году // НА ТГИАМЗ. № 1751.

Балюнов И. В. 2007а. Костяные гребни и расчески из культурного слоя г. Тобольска XVII-XVIII вв. // Диалог культур и цивилизаций. Материалы VIII Всероссийской научной конференции молодых историков. Тобольск. Ч.1.

Балюнов И. В. 2007б. Об одном из видов гончарной посуды г. Тобольска XVII в. // II Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической Конференции. Курган.

Балюнов И. В. 2007в. Типология кожаной обуви г. Тобольска в XVII в. // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург-Сургут.

Балюнов И. В. 2007г. Отчет о проведении археологических исследований на объектах культурного наследия «Софийский Двор и Красная Площадь» в г. Тобольске в 2007 г. // НА ТГИАМЗ. № 1745.

Балюнов И. В. 2007д. Отчет о проведении археологических исследований на объекте «Инженерные сети Тобольского Кремля» в 2007 году. // НА ТГИАМЗ. № 1746.

Балюнов И. В. 2007е. Отчет о проведении археологических исследований на объекте «Спасская церковь» в 2007 г. // НА ТГИАМЗ. № 1747.

Балюнов И. В. 2007ж. Отчет о проведении археологического надзора на объектах культурного наследия Софийского Двора и Красной Площади в г. Тобольске в 2007 г. // НА ТГИАМЗ. № 1748.

Бартольд В. В. 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. // Сочинения. Т. 1. М.

Беляев Л. А. Отчет об археологических исследованиях земляного вала г. Тобольска (1688 г.) летом 1986 г. // Архив ИА РАН. Р - 1. № 11504.

Визгалов Г. П. 1986. Отчет об археологических исследованиях в Кондинском, Уватском и Ямальском районах Тюменской области в 1986 г. // НА ТГИАМЗ. № 1168

Визгалов Г. П. 1987. Исследования в районе озера Леушинский Туман // АО - 1985. М.

Визгалов Г. П. 2004. Русское посадское домостроение на севере Западной Сибири в XVII веке (по материалам новых исследований Мангазеи) // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск.

Вилков О. Н. 1978. Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск.

Воронин Н. Н. 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV веков. В 2-х тт. Т. 1. XII столетие. М.

Воронин Н. Н. 1978. К архитектурной истории старого Смоленска // Древняя Русь и славяне. М.

Воронин Н. Н. 1949а. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. № 11. М.-Л.

Воронин Н. Н. 1949б. Раскопки в Ярославле // МИА, № 11, М.-Л.

Галкин В. Т. 1986. Отчет об археологических работах в Тюменской области летом 1986 г. // Архив ИА РАН. Р - 1. № 11453.

Галкин В. Т. 1987. Новые памятники сузгунской культуры // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). Омск.

Галкин В. Т. 1988. Поселение Тап 1 // Археология Западной Сибири. Омск.

Галкин В. Т. 1989. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень.

Галкин В. Т. 1991а. Поселение Красная Горка (предварительное сообщение) // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень.

Галкин В. Т. 1991б. Сузгунская культура эпохи поздней бронзы в южнотаежном Тоболо-Иртышье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Гаршин Е. 1888. Курганы, их раскопки и исследования. Подбор необходимых сведений. СПб.

Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. 1969. Логиновское городище // ВАУ. Вып. 8.

Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. 1970. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

Генинг В. Ф., Зданович С. Я. 1987. Лихачевский могильник на р. Ишим - памятник потчевашской культуры VT-Vin вв. н. э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б. 1969. Пахомовский могильник // ВАУ. Вып. 8.

Глушков И. Г. 1991. Поселение Лучкино 1 - памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень.

Глушков И. Г. 1995. Керамика как археологический источник (методика технологической диагностики лепной посуды). Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Новосибирск.

Глушков И. Г. 1996. Керамика как археологический источник. Новосибирск.

Глушков И. Г., Глушкова Т. Н. 1992. Текстильная керамика как исторический источник. Тобольск.

Глушкова Т. М. 1990. Текстильная керамика как исторический источник для реконструкции ткачества эпохи ранней бронзы // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск.

Глушкова Т. М. 1991. Способы орнаментации текстильной керамики // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). Куйбышев.

Глушкова Т. М. 1993. Очерки истории по древнему плетению и ткачеству населения Западной Сибири. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Голдина Р. Д. 1969. Городище Кучум-Гора // ВАУ. Вып. 8.

Головачев П. 1886. Путешествие итальянца Сомье по Сибири // Сибирский сборник. СПб., Кн. 1.

Голодников К. М. 1863. Слово о сибирских курганах // Тобольские губернские ведомости. №48.

Голодников К. М. 1878-1879. Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и тобольские в особенности? // Тобольские губернские ведомости. 1978 № 39, 40, 41, 44, 46, 47. 1879. № 2, 3.

Голодников К. М. 1879. Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и тобольские в особенности? Тобольск.

Голодников К. М. 1881. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск.

Голодников К. М. 1882а. Раскопки исторических курганов // Тобольские губернские ведомости. №34.

Голодников К. М. 1882б. Археологические сведения // Тобольские губернские ведомости. № 43.

Гольденберг Л. А. 1965. Семен Ульянович Ремезов: сибирский картограф и географ. М.

Городков Б. Н. 1911. Поездка в Салымский край // ЕТГМ. Вып. XXI.

Грамота царя Михаила Федоровича тобольским воеводам о поставлении архиепископа Киприана и строительстве в Тобольске соборной церкви и архиепископского двора. 1621, января 4 // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, MCMXCIV (1994). - (История Сибири. Первоисточники. IV выпуск).

Данилов П. Г. 2004а. Металлообрабатывающее производство Тобольского края в XVII-XVIII веках // Менделеевские чтения - 2004: материалы XXXV региональной научно-практической конференции молодых ученых и студентов. Тобольск.

Данилов П. Г. 2004б. Развитие ремесел по обработке черных и цветных металлов в Тобольской губернии в начале XIX века // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск.

Данилов П. Г. 2006а. Западные Святые ворота Тобольского кремля // «Aus Sibirien - 2006»: научно-информационный сборник. Тюмень.

Данилов П. Г. 2006б. Зелейный погреб второй половины XVII в. в г. Тобольске // IV Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган.

Данилов П. Г. 2006в. Наконечники стрел XVII века по материалам раскопок города Тобольска // Ежегодник Тобольского музея -заповедника. № 3 - 4. Тюмень.

Данилов П. Г. 2006г. Отчет о проведении археологической разведки в Тобольском районе Тюменской области в 2006 году // НА ТГИАМЗ. № 1728.

Данилов П. Г. 2006д. Святые ворота Тобольского кремля // Менделеевские чтения - 2006: материалы XXXVII региональной научно-практической конференции молодых ученых и студентов. Тобольск.

Данилов П. Г. 2007а. Археологические исследования храма Воздвижения Креста в Тобольске // II Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган.

Данилов П. Г. 2007б. К вопросу об оборонительных укреплениях города Тобольска в XVII веке (по данным археологии) // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург-Сургут.

www.tobolsk-expedition.ru

Данченко Е. М. 1991. Ранний железный век южнотаежного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Данченко Е. М. 1996. Южнотаежное Прииртышье в середине - второй половине I тыс. до н. э. Омск.

Дмитриев-Мамонов А. И. Курган № 15 на Чувашском мысу близ Тобольска (рукопись) // НА ТГИАМЗ. № 807.

Дозорная книга 132 г. (1624 г.) Кн. № 5 // Тюмень в XVII столетии: сборник материалов для истории города. М., 1903.

Доклад К. А. Шапошникова в Тобольском музее // Сибирский листок. 1896. № 60.

Елагин В. С., Соболев В. И., Сидоров Е. А. 1988. Могильник Чулым 2 // Бараба в тюркское время. Новосибирск.

Елагин В. С. 1988. Городища потчевашской культуры // Бараба в тюркское время. Новосибирск.

Ёлкина И. И., Станюкович А. К. 2000. Средневековые женские головные уборы из усыпальницы бояр Романовых в Московском Новоспасском монастыре: история, материалы, технология, и техника изготовления // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 10. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.

Жук А. В. 2005. В. Н. Чернецов и А. Ф. Палашенков // Памятники археологии и художественное творчество: материалы осеннего коллоквиума. Омск. Вып. 3.

Журнал заседаний отделения этнографии. 26 ноября 1877 г. // Известия императорского Русского географического общества. СПб., 1878. Т. XIV.

Журнал Тобольского губернского статистического комитета. // ТГВ. 1874, № 15.

Заварихин С. П., Княжев В. В. 1995. Экология зодчества: о некоторых объективных основах «второй природы». СПб.

Загваздин Е. П. 2006. Исследование у церкви Петра и Павла в г. Тобольске // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. № 3 - 4. Тюмень.

Загваздин Е. П. 2004. Кирпичные клейма конца XVII-XVIII вв. г. Тобольска // Диалог культур и цивилизаций. Тезисы V Всероссийской конференции молодых историков. Тобольск.

Засурцев П. И. 1959. Постройки древнего Новгорода // МИА. № 65.

Захожая Т. М. 1990. Этнокультурные процессы в низовьях Иртыша // Палеоэтнология Сибири. Иркутск.

Захожая Т. М. 1991. Жилища эпохи поздней бронзы в низовьях Конды // Проблемы археологии и этнографии Сибири и дальнего Востока. Красноярск.

Захожая Т. М. 1993. Культурные традиции эпохи поздней бронзы низовьев Иртыша // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск.

Захожая Т. М. 1994. памятники атлымской культуры Нижнего Прииртышья // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул.

Захожая Т. М. 1995. Эпоха поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII-нач. XVIII в.: Сборник архивных источников. Тюмень, 2001.

Знаменский М. С. Дневник археологических раскопок на Чувашском мысу // НА ТГИАМЗ. №36.

Знаменский М. С. 1891. Чувашский мыс. Тобольск,

Знаменский М. С. Исторические окрестности города. Тобольска. Тюмень, 1901.

Зыков А. П. 1998. Городище Искер: истрические мифы и археологические реальности // Сибирские татары. Тобольск.

Иванов А. И. 1902. Золотой набор китайского форменного пояса // ИАК. Вып. 3.

Иванов С. В. 1935. По музеям Западной Сибири // СЭ. № 1.

Ивановский В. А. 1909. Краткие сведения об увеличении состава коллекций Тобольского губернского музея в 1907 г. // ЕТГМ. Вып. XVII.

Игнатьев Р. Г. 1871. Заметка об археологической находке в Курганском округе // ТГВ. № 48.

Историческая записка о деятельности императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890.

Ищенко С. А. 1989. Война и военное дело у крымских татар XVI-XVIII вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. Ростов-на-Дону.

Каменный век в Сибири // Восточное обозрение. 1884. № 3.

Каргер М. К. 1953. К истории киевского зодчества конца XI - начала XII в. Церковь Спаса на Берестове // Советская археология. Вып. XVII. М.

Каргер М. К. 1952. К истории киевского зодчества XI века. Храм - мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде // Советская археология. Вып. XVI. М.-Л.

Кениг А. В. 1995. За создание отечественной этноархеологии // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск,

Кениг А. В. 1996. К проблеме содержания термина «этноархеология» Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск-Омск, Ч. 1.

Кениг А. В. 1997. Этноархеология как метод археологических реконструкций (по материалам тазовских селькупов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут.

www.tobolskexpedition.ru

Кильдюшевский В. И. 1972. Постройки XV в. из раскопок Орешка // КСИА. Вып. 129.

Кириллов В. В. 1984. Тобольск. М.,

Кирпичников А. Н. 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л.

Книга поступлений Тобольского губернского музея за 1894 г. № 1.

Козин С. А. 1941. Сокровенное сказание. М.-Л.

Колчин Б. А. 1963. Дендрохронология Новгорода // МИА. № 117.

Коников Б. А. 1982. Культуры таежного Прииртышья VI-XIII вв. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Коников Б. А. 1992. Основы средневековой археологии Западной Сибири. Омск.

Коников Б.А. 1993. Таежное Прииртышье в X-XIII вв. н. э. Омск.

Коноров А. В. 1956. К истории кирпича в России в XI-XX вв. // Труды института истории естествознания и техники. Т. 7. М.

Копотилов М. П. 1929. Курганы и городища Тобольского округа и их изучение (Краеведческая инструкция). Тобольск.

Копотилов М. П. 1936. Тобольский музей // Советская Арктика. № 11.

Копылов А. Н. 1974. Очерки культурной жизни Сибири XVII - начала XIX в. Новосибирск.

Копылов Д. И. 1975. Строительные работные люди Сибири в XVIII веке // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Сборник статей. Свердловск.

Копылова С. В. 1979. Каменное строительство в Сибири (кон.XVП-XVШ в.). Новосибирск.

Копылова С. В. 1972. Мастера каменного строительства в Тюмени XVIII в. // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. № 6. Вып. 2.

Корчагин П. А. 1999. Археологическое изучение усадьбы конца XVII века в г. Верхотурье // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. М.-Омск.

Корякова Л. Н. 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск.

Косарев М. Ф. 1969. К вопросу о кулайской культуре // КСИА. Вып. 119.

Косарев М. Ф. 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.

Кочедамов В. И. 1963. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень.

Крадин Н. П. 1986. Оборонительные стены как элемент композиции деревянных крепостей Сибири // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск.

Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись // 400 лет Тобольску: Сборник документов и материалов. Свердловск, 1987.

Краткий путеводитель по Тобольскому губернскому музею // ЕТГМ. 1919. Вып. XXIX.

Кузнецов-Тобольский Е. 1896. Святые ворота в старом Тобольске // Тобольские епархиальные ведомости. № 20, 23.

Курбатов А. В. 1997. Кожевенное производство в городах северо-западной России XV-XVII вв. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб.

Курилов В. Н, Люцидарская А. А., Майничева А. Ю. 2005. Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII - начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Новосибирск.

Лебедев Г. С. 1992. История Отечественной археологии. СПб.

Леошков А. Приплыли! // www.poisknews.ru / PHPSESSID=10869a9fa580a5797cc52919797a457a.

Летопись Сибирская Тобольского ямщика Ивана Черепанова. 1760 г. // ТМ кп. № 12531.

Липинская В. А., Сафьянова А. В. 1974. Жилище русского населения южной части Тюменской области (середина XIX - начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.,

Лыткин Н. А. 1890. Археологический отдел Тобольского губернского музея. Тобольск.

Лыткин Н. А. 1894. Отчет о состоянии коллекций Тобольского губернского музея в 1893 году // ЕТГМ. Вып. II.

Мазуров А. Б. 2001. Средневековая Коломна в XIV - первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.

Майничева А. Ю. 2000. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. Новосибирск.

Майничева А. Ю. 2002. Крестьянское жилище северной части Верхнего Приобья в конце XIX - начале XX вв. // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск.

Макаров Л. Д. 2003. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 6. Новосибирск.

Малышкин А. В. 1978. Исследование на р. Конде в Тюменской области // АО - 1977. М..

Мамеев С. Н. 1890. В Императорскую археологическую комиссию //Архив ИИМК. Ф. 1. № 123.

Марков Г. Е. Отчет об археологической разведке в Тюменской области в 1960 г. западносибирским отрядом Исторического факультета МГУ // Архив ИА РАН. Р - 1. № 2097

Маслих С. А. 1983. Русское изразцовое искусство XV-XIX вв. М.

Матвеева Н. П. 1993. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск.

Матвеева Н. П. 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск.

www.tobolsk-expedition.ru

Миллер Г. Ф. 1937. История Сибири. М.-Л., Т.1.

Мингулов Н. Н. 1981. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата.

М. К. Сибирские музеи // Сибирский листок. 1892. № 73.

Могильников В. А. 1964. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I - начале II тысячелетия н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Могильников В. А. 1968. Культура племен лесного Прииртышья IX - начала XIII в. //УЗ ПГУ. № 191.

Могильников В. А. 1970. К вопросу об культурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

Могильников В. А. 1972. К вопросу об саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Могильников В. А. 1973а. Калачевка II - памятник позднего этапа саргатской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

Могильников В. А. 1973б. Археологическая разведка на севере Омской области // КСИА. Вып. 136.

Могильников В. А. 1986. Взаимоотнешение кулайской и саргатской культур // КСИА. Вып. 186.

Могильников В. А. 1987а. Потчевашская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Могильников В. А. 1987б. Усть-ишимская культура //Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Могильников В. А. 1988. К этническому составу Омского Прииртышья в раннем железном веке // Археология Западной Сибири (история, краеведение и музееведение Западной Сибири). Омск.

Могильников В. А. 1991. Некоторые проблемы изучения саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск.

Могильников В. А. 1992. Ранний железный век лесостепи Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука,

Могильников В. А., Коников Б. А. 1983. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. №2.

Могильников В. А., Сыркина И. А. 1970. Отчет о раскопках Ивановского городища в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р - 1.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. 1990. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск.

Мошинская В. И. 1953. Городище и курганы Потчеваш // МИА. № 35.

Мошинская В. И. 1957. Сузгун II - памятник эпохи поздней бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. №58.

Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. 1972. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.

Мягков И. М. 1927. Находка на горе Кулайке // Труды Томского краевого музея. Томск, Т. 1.

Наказ Ближнему Боярину Князю Черкасскому, назначенному в Тобольск воеводою // ПСЗ РИ с 1649 года. Т. III. 1689 - 1699. СПб., 1830.

Немцова Н.И. 1989. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII-XVIII вв. - М.

Нескоров А. В. 2004. Археология и реставрация (к вопросу о сохранении русского наследия в г. Тобольске) // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск,.

Нестеров А. Г. 1994. Монеты Сибирских Шейбанидов // II Берсовские чтения. Екатеринбург.

Никитин А. В. 1955. Оборонительные сооружения засечной черты // МИА. № 44.

Никитин А. В. 1961а. Братский острог // СА. № 2.

Никитин А. В. 1961б. Раскопки Братской крепости // КСИА. Вып. 85.

Оборин В. А. 1978. Некоторые особенности формирования и развития городов на окраинах русского государства в XV - XVII вв. (на примере Урала) // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII - начале XIX вв. Томск.

Оборин В. А. 1957. Орел - городок // СА. № 4.

Овсянников О. В. 1972. Из истории русского оборонного зодчества XVII в. // КСИА. Вып. 129.

Овсянников О. В., Царькова Л. А. 1983. Охранные работы на территории Застенья и Окольного города в 1973 и 1974 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.

Отношение Императорской Археологической комиссии. 1888 // Тобольские епархиальные ведомости. № 19, 20.

Отписка тобольских воевод боярина князя А. Н. Трубецкого и И. В. Волынского Птицы о пожаре в тобольской съезжей избе. 1629 г., февраля 7 // Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, MCMXC^ (1996).

Отписка тюменьского воеводы о приготовлении материалов для казенных построек в Тобольске и Тюмени. 1700, февраля 22 // Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700 - 1713. СПб., 1882.

Отчет за 1912 г. 1914 // ЕТГМ. Тобольск. Вып. XXII.

Памятники сибирской истории XVIII века. 1885. СПб. Кн. 2.

www.tobolskexpedition.ru

Патканов С. К. 1888. Предварительный отчет в Императорскую археологическую комиссию // Архив ИИМК. Ф. 1. № 67.

Патриаршия или Никоновская летопись // ПСРЛ. ^XIII, первая половина. М.,1965.

Пекарский Н. 1865. Путешествие академика Н. И. Делиля в Березов в 1740 году. СПб.,

Переписные книги 1625-го года.// Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, MCMXCIV (1994). - (История Сибири. Первоисточники. IV выпуск).

Пигнатти В. Н. 1911. Отчет консерватора Тобольского губернского музея о состоянии коллекций за 1915 год // ЕТГМ. Вып. XXI.

Пигнатти В. Н. 1914. Отчет консерватора Тобольского губернского музея за 1912 год // ЕТГМ. Вып. XXII.

Пигнатти В. Н. 1915. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. Вып. XXV.

План города Тобольска 1714 г. // РГВИА. ф. 349, оп. 39, д. 2182.

План города Тобольска 1773 г. // РГВИА. ф. 846, оп. 16, д. 22671.

План городу Тобольску сочинен в 1763 году // РГВИА. ф. 846, оп. 16, д. 22669.

План крепости города Тобольска 1748 г. // РГВИА. ф. 349, оп. 39, д. 2181.

Планы и чертежи города Тобольска // НА ТГИАМЗ. № 1713.

Повествование о Сибири переведенное с латинской рукописи XVII столетия // Сибирский вестник. СПб.,1822. Ч., 17.

Погодинский летописец // Летописи сибирские. Новосибирск, 1991.

Поляков И. С. 1877. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. СПб.

Поляков И. С. 1879. Описание каменных орудий Курганского округа // Известия ИОЛЕАиЭ. Т.35. М.

Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. 1995. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.

Полосьмак Н. В. 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.

Протокол заседания Тобольского губернского статистического комитета, 27 сентября 1871 г. №15. 1871. // ТГВ. №41.

ПСЗ РИ. 1830. Т. XIX. 1770 - 1774.

Пятая оборона города. 2007 // Тобольск. № 9.

Рабинович М. Г. 1949. Раскопки 1946 - 1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. № 12.

Рабинович М. Г. 1986. Одежда русских XIII-XVIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.

Радлов В. В. 1894. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3 // Материалы по археологии России. СПб., №15.

Раппопорт П. А. 1967. Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. // МИА. № 140.

Раппопорт П. А. 1961. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X-XV вв. // МИА. № 105.

Расторопов А. В. 1982. Отчет об археологических раскопках Кошелевского городища в Уватском районе летом 1982 г. // НА ТГИАМЗ. № 1650

Расторопов А. В. 1985. Исследования в Кондинском районе Тюменской области // АО - 1983. М.

Розенфельдт Р.Л. 1968. Московское керамическое производство XII-XVII вв. САИ, Вып. Е1-39, М.

Руденко С. И. 1962. Сибирская коллекция Петра 1 // САИ. Вып. Д3-9. М.-Л.

Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века. М., 2004.

Рыбина Е. А. 1978. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.

Самигулов Г. Х. 2005. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск.

Седова М. В., Беленькая Д. А. 1981. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М.

Семенова В. И. 1989. Раскопки в исторической части города Тюмени // Областная научно-практическая конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири»: Тезисы докладов. Тюмень.

Симанов А. Ю. 2007. Ценинные печные изразцы г. Тобольска XVIII в. // Диалог культур и цивилизаций. Материалы VIII Всероссийской научной конференции молодых историков. В 2 ч. Ч. 1. Тобольск.

Сладкова Л. Н. 1987. Отчет об археологических раскопках поселения Талья и Пашня в Кондинском районе Тюменской области летом 1987 года // Архив ИА РАН.

Сладкова Л. Н. 1988. Отчет о рекогносцировочных раскопках на памятнике Чертова гора в Кондинском районе Тюменской области летом 1988 года // Архив ИА РАН.

Сладкова Л. Н. 1989. Отчет об археологических раскопках поселения Сатыга в Кондинском районе Тюменской области летом 1989 года // Архив ИА РАН.

Сладкова Л. Н. 1990. Отчет об археологических раскопках поселения Сатыга в Кондинском районе Тюменской области летом 1990 года // Архив ИА РАН.

Сладкова Л. Н. 1991. Отчет о полевых разведочных исследованиях в Кондинском районе Тюменской области летом 1991 года // Архив ИА РАН.

Сладкова Л. Н. Отчет о полевых разведочных исследованиях в Кондинском районе Тюменской области летом и осенью 1992 года // НА ТГИАМЗ. № 1474.

www.tobolsk-kreml.ru

Сладкова Л. Н. 1997. Отчет о полевых разведочных исследованиях в Кондинском районе Тюменской области летом 1997 года // Архив ИА РАН.

Сладкова Л. Н. 2000. Отчет об археологических раскопках поселения Олымья IV в Кондинском районе Тюменской области летом 2000 года // НА ТГИАМЗ. № 1640.

Сладкова Л. Н. 2003. Отчет о полевых археологических исследованиях памятника Чертова гора в Кондинском районе Тюменской области, произведенных летом 2003 года // Архив ИА РАН.

Сладкова Л. Н. 2004. Отчет о полевых археологических исследованиях памятника Чертова гора в Кондинском районе Тюменской области, произведенных летом 2004 года // Архив ИА РАН.

Сладкова Л. Н. 2006. Отчет об археологических раскопках памятника «Городище Нялино I», в ХМАО летом 2006 года // НА ТГИАМЗ. № 1704.

Словцов П. А. 1834. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г. М.

Словцов П. А. 1892. Письма из Сибири 1826 года // Календарь Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск.

Словцов И. Я. 1885. О находках предметов каменного периода близ г. Тюмени в 1883 году// Записки Западно-Сибирского отдела Императорского РГО. Омск, Кн. УП. Вып.1.

Словцов И. Я. 1890. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии // Известия императорского Томского университета. Томск, Отд. А. Кн.2.

Сметные списки 1693-1707 гг. // Тобольск. Материалы для истории города XVII-XVIII столетий. М., 1885.

Смирнов И. Д. 1936. Отчет археологического исследования на Чувашском мысу около Тобольска в 1936 г. // НА ТГИАМЗ. № 116

Соболев В. И. 1994. История Сибирских ханств (по археологическим материалам. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.

Собольникова Т. Н. 1993. Реконструкция технологии орнаментации пос. Чилимка 5 // Тезисы докладов XXXIII РАСК. Иркутск.

Собольникова Т. Н. 1994. Технологическая характеристика поселения раннего металла на оз. Арантур // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул.

Собольникова Т. М. 1996. Технологический анализ керамики поздненеолитического поселения Нижняя Тунуска II в Среднем Прииртышье // Керамика как исторический источник. Тобольск.

Собольникова Т. Н. 1999. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита - ранней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул,

Соколков А. В. 1991. К истории древней культуры Ямала // Экспериментальная археология. Тобольск, Вып. 1.

Соколова Н. Г. 2001. Городские усадебные постройки Прикамья XVII-XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Нальчик - Омск.

Спасский Г. 1818. Картина Сибири // Сибирский вестник. Ч. 1.

Спафарий Н. 1882. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки ИРГООЭ. СПб. ^Х. Вып.1.

Спицын А. А. 1906. Зауральские городища // Записки Русского археологического общества. СПб., Т. 8. Вып. 1.

Стефанов В. И. 1979. Сузгунские погребения на Потчеваше // Вопросы археологии Приобья. Тюмень.

Стоянов В. Е. 1975. Носиловское II поселение (о зауральских памятниках начала железного века) // ВАУ. Вып. 15.

Сыркина И. А. 1970. Отчет об археологических разведках, произведенных летом 1970 г. в Тобольском районе Тюменской области // Архив ИА РАН. Р - 1. № 4218.

Сыркина И. А. 1971. Отчет о раскопках на Ивановском городище Тобольского района Тюменской области летом 1971 г. // НА ТГИАМЗ. № 639.

Сыркина И. А. 1972-1973. Отчет о раскопках городища Ипкуль XIII в. Тюменской области Нижнетавдинского района в 1972-1973 гг. // НА ТГИАМЗ. № 674.

Сыркина И. А. 1974. Рекогносцировочные раскопки городища Иляк-Алып близ с. Лайтамак Тобольского района Тюменской области в июле 1974 г. // НА ТГИАМЗ. № 732.

Сыркина И. А. 1975а. Исследования в Тобольском районе // АО - 1974. М.

Сыркина И. А. 1975б. Отчет о рекогносировочных раскопках городища Базабырь в Тюменской области Тобольского района близ с. Лайтамак в 1975 г. // НА ТГИАМЗ. № 687.

Сыркина И. А. 1976. Отчет о раскопках городища Базабырь в Тюменской области Тобольского района близ с. Лайтамак и археологических разведок в Викуловском и Шурышкарском районах Тюменской области летом 1976 г. // НА ТГИАМЗ. № 703.

Сыркина И. А. 1977. Отчет об археологических раскопках Борковского городища и поселения «Белая гора» летом 1977 г. // НА ТГИАМЗ. №771.

Сыркина И. А. 1979. Разведки в Уватском районе // АО - 1978. М.,

Сыркина И. А. 1980а. Исследование Борковского городища // АО - 1979. М.

Сыркина И. А. 1980б. Отчет об археологических раскопках поселения Усть-Барсук (Лаптева Грива) близ с. Усть-Барсук Викуловского района Тюменской области в 1980 г. // НА ТГИАМЗ. № 1069.

www.tobolsk-expedition.ru

Сыркина И. А. 1981. Исследование Усть-Барсукского поселения // АО - 1980. М.

Сыркина И. А. 1982. Отчет об археологических раскопках Мало-Ярославского городища летом 1982 г. // НА ТГИАМЗ. № 1648.

Сыркина И. А., Расторопов А. В. 1982. Отчет об археологическом исследовании Солянковского грунтового могильника летом 1982 г. // НА ТГИАМЗ. № 1649.

Сыркина И. А. 1985. Жертвенный комплекс на Усть-Барсукском поселении // АО - 1983. М.

Сыркина И. А. 1987. Ипкуль XIII - памятник эпохи неолита, раннего железного века // АО - 1985. М.

Талицкая И. А. 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. № 35.

Татаурова Л. В. 2004. Домостроительство и техника деревообработки у русских Среднего Прииртышья в XVIII веке (по данным археологии) // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск.

Текущая хроника музея // ЕТГМ. Тобольск, 1893. Вып. I.

Текущая хроника музея // ЕТГМ. Тобольск, 1894. Вып. II.

Терновский А. А. 1894. Библиография и иконография Тобольского губернского музея // ЕТГМ. Тобольск, Вып. II.

Тиц А. А. 1966. Русское каменное жилое зодчество XVII века. М.

Тобольск. Кучумово городище // Московские ведомости, 1889, № 242.

Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868 - 1869 годов. СПб., 1871.

Тобольский губернский музей за 25 лет его существования (1890-1915 гг.) // ЕТГМ. 1915. Вып. XXV.

Троицкая Т. Н. 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.

Труфанов А. Я. 1987. Закрытые комплексы городища Ямсыса VII // Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск.

Туров С. В. 1997. К вопросу об экологических аспектах сельского хозяйства Западной Сибири в XVIII-первой половины XIX вв. // Вестник Археологии, Антропологии и Этнографии. Вып. 1. Тюмень.

Уварова П. С. 1891. Областные музеи // Труды 7 археологического съезда в Ярославле. 1887. М., Т. 2.

Фальк И. П. 1824. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., Т.6.

Федорова Н. В. 1969. Отчет о разведке в Тобольском районе Тюменской области, произведенных в 1969 г. //Архив кабинета археологии УрГУ.

Федорова Н. В. 1970. Отчет о раскопках, произведенных летом 1970 г. на городище Потчеваш близ г. Тобольска Тюменской области // Архив ИА РАН. Р - 1.

Федорова Н. В. 1974. Исследования на городище Потчеваш // Из истории Сибири. Томск. Вып. 15.

Флоринский В. М. 1888. Каталог археологического отдела музея при Томском университете. Томск.

Флоринский В. М. 1894. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск. Т. 1.

Харламов В. А. 1996. Исследования Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1986 - 1988 годах // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб.

Хроника // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 24.

Худяков М. Г. 1917. Древности Малмыжского уезда // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка. Вып. I, II.

Царская грамота тюменскому воеводе о городовом каменном строении в Тюмени. 1700, апреля 28 // Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700 - 1713. СПб., 1882.

Цеменков А. Е. 1998. Отчет о проделанной работе согласно договора № 53/98 от 25 мая 1998 г. по теме: «Определение современного состояния историко-культурных объектов г, Тобольска и его окрестностей» // НА ТГИАМЗ № 1629.

Черная М. П. 1997. Реконструкция оборонительных стен Томского Кремля середины XVII в. // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск.

Черная М.П. 2002. Томский кремль середины XVII-XVIII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск.

Чернецов В. Н. 1948. Отчет о работах экспедиции в 1948 г. // Архив ИА РАН.

Чернецов В. Н. 1951. Отчет о работе западно-сибирской экспедиции в 1951 г. // Архив ИА РАН.

Чернецов В. Н. 1953. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. № 35.

Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. № 58.

Чертежная книга Сибири (составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году). СПб., 1882.

Чиндина Л. А. 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск.

Чиндина Л. А., Чёрная М.П., Володина В.С., Капитонова М.А. 2003. Сапоги из Томского кремля и Могильника Мигалка //Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск.

Ширин В. В. 2000. Поселенческие и погребальные комплексы российских переселенцев XVII-XVIII веков в Кузнецком крае // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск.

Шульц Л. Р. 1911. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым, Сургутского уезда // ЕТГМ. Вып. XXI.

www.tobolskexpedition.ru

Экспериментальная археология. Тобольск. 1991.
Экспериментальная археология. Тобольск. 1992.
Экспериментальная археология. Тобольск. 1994.
Элерт А. Х 1990. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск,
Ядринцев Н. М.. 1884. Древняя столица Сибирского царства (археологические находки М. С. Знаменского) // Восточное обозрение. № 22.
Ядринцев Н. М. 1887. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 году для обозрения местных музеев и археологических работ // Записки императорского русского археологического общества. СПб., Т. III. Вып. 1.
Ясински М. Э., Овсянников О. В. 1998. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. Т. I. СПб.
Heikel A. 1894. Antiquites de la Siberie Occidentale conservees dans les musees de Tomsk, de Tobolsk, de Tumen, d'Ekaterinbourg, de Mjscou et d'Helsingfors, publiees par Axel Heikel // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. - Helsingfors. Vol. VI.
Sommier S. 1885. Un estate in Sibiria fra Ostiacchi, Samoiedie, Tatari, Kirguisi et Baskiri. Firenze.
Tallgren A. M. 1917. Cataloque de la collection de M. Znamenski // SMYA. XXIX,2.

www.tobolsk-expedition.ru

Список сокращений

АО	- Археологические открытия
ВАУ	- Вопросы археологии Урала
ГУТО ГА	- Государственное учреждение Тюменской области Государственный Архив
ЕТГМ	- Ежегодник Тобольского губернского музея
ИАК	- Известия Археологической комиссии
ИА РАН	- Институт археологии Российской академии наук
ИИМК	- Институт истории материальной культуры
ИОЛЕАиЭ	- Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
КСИА	- Краткие сообщения института археологии
МГУ	- Московский государственный университет
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
НА	- Научный архив
ПСЗ РИ	- Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	- Полное собрание русских летописей
РАСК	- Региональная археологическая студенческая конференция
РГВИА	- Российский государственный военно-исторический архив
РГО	- Российское географическое общество
САИ	- Свод археологических источников
СО РАН	- Сибирское отделение Российской академии наук
ТГВ	- Тобольские губернские ведомости
ТГИАМЗ	- Тобольский государственный историко-архитектурный музей - заповедник
ТМ кп	- Тобольский Музей книга поступлений
УЗ ПГУ	- Ученые записки Пермского государственного университета
УрГУ	- Уральский Государственный Университет
SMYA	- Suomen Muinaisvuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

www.tobolskexpedition.ru

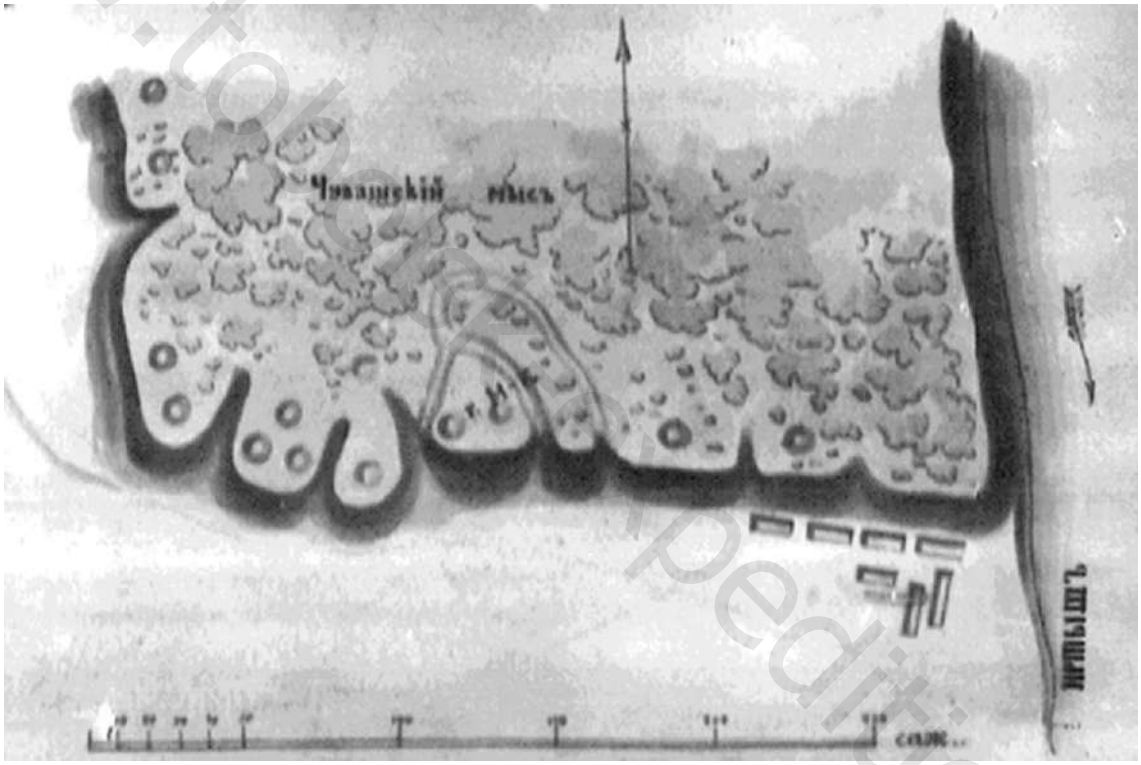


Рис. 1. План городища и могильника на Чувашском мысу 20-х годов XIX в.
(рисунок М. С. Знаменского).

www.tobolsk-expedition.ru

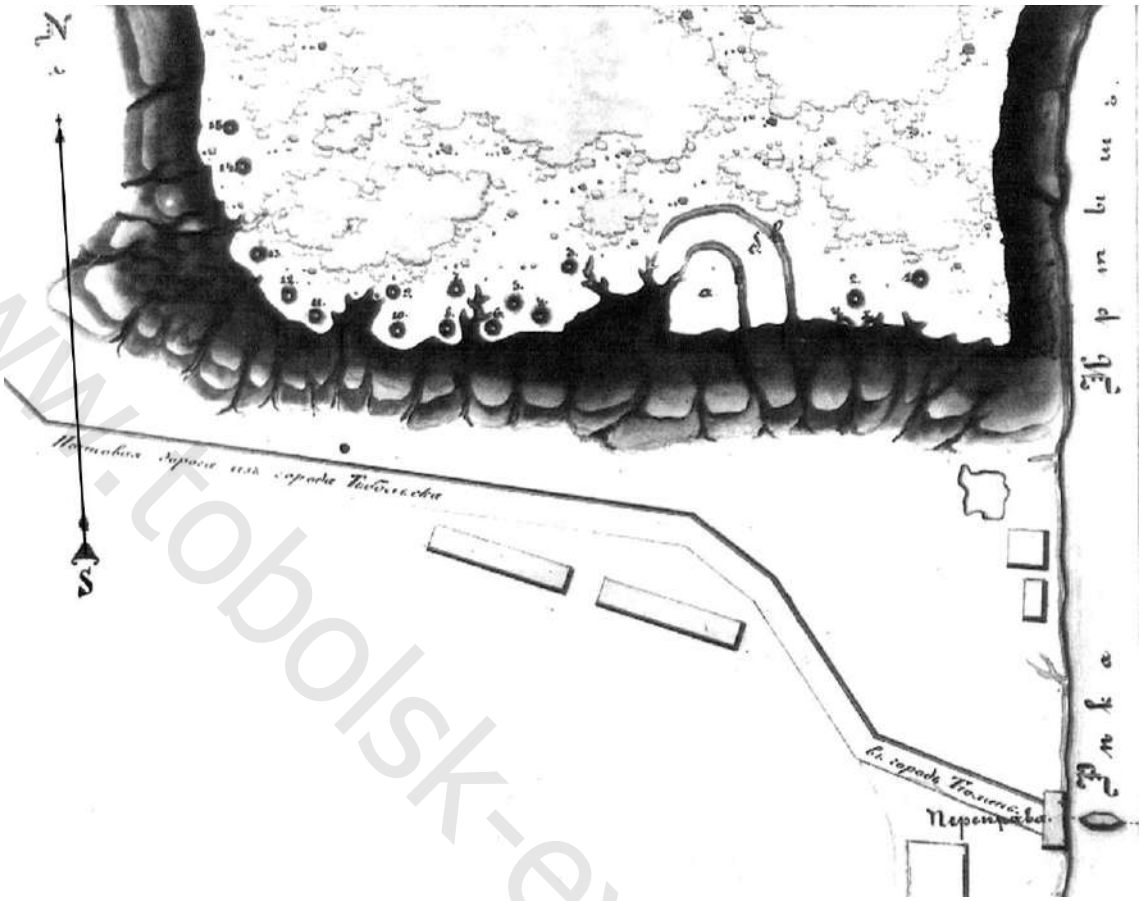


Рис. 2. План городища и могильника на Чувашском мысу 80-х годов XIX в.
(рисунок М. С. Знаменского).

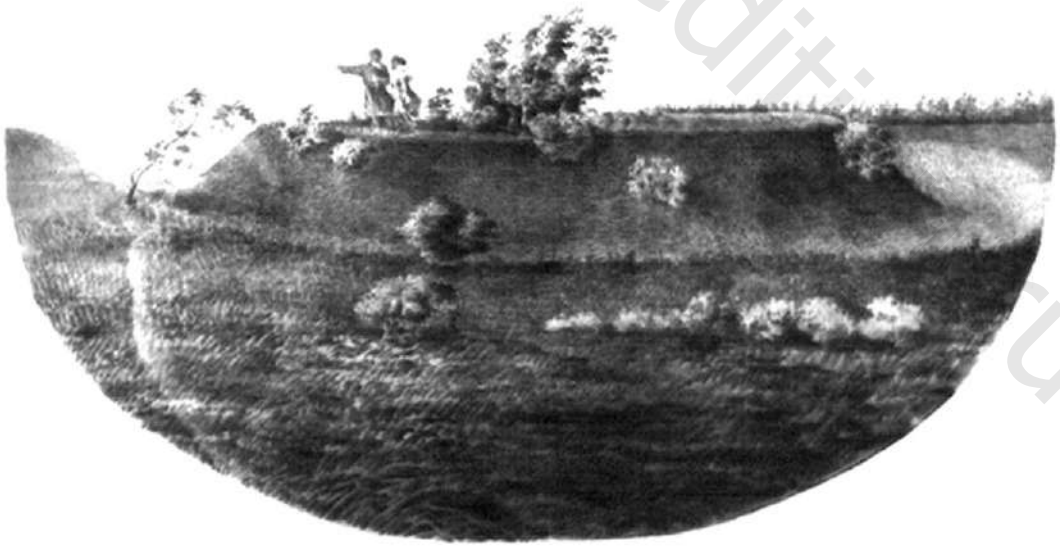


Рис. 3. Курган на Чувашском мысу.
(рисунок М. С. Знаменского).

www.tobolsk-expedition.ru

Рис. 4. Савинский курган.
(рисунок М. С. Знаменского).

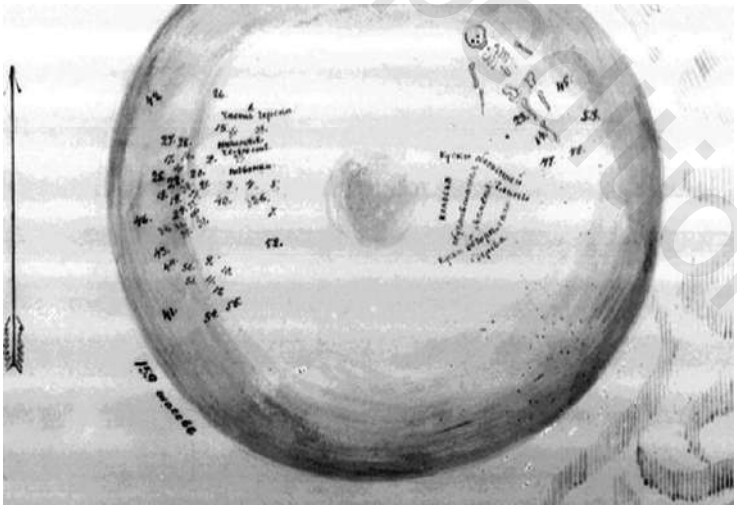


Рис. 5. План раскопа Савинского кургана.
(рисунок М. С. Знаменского).

www.polsk-expedition.ru

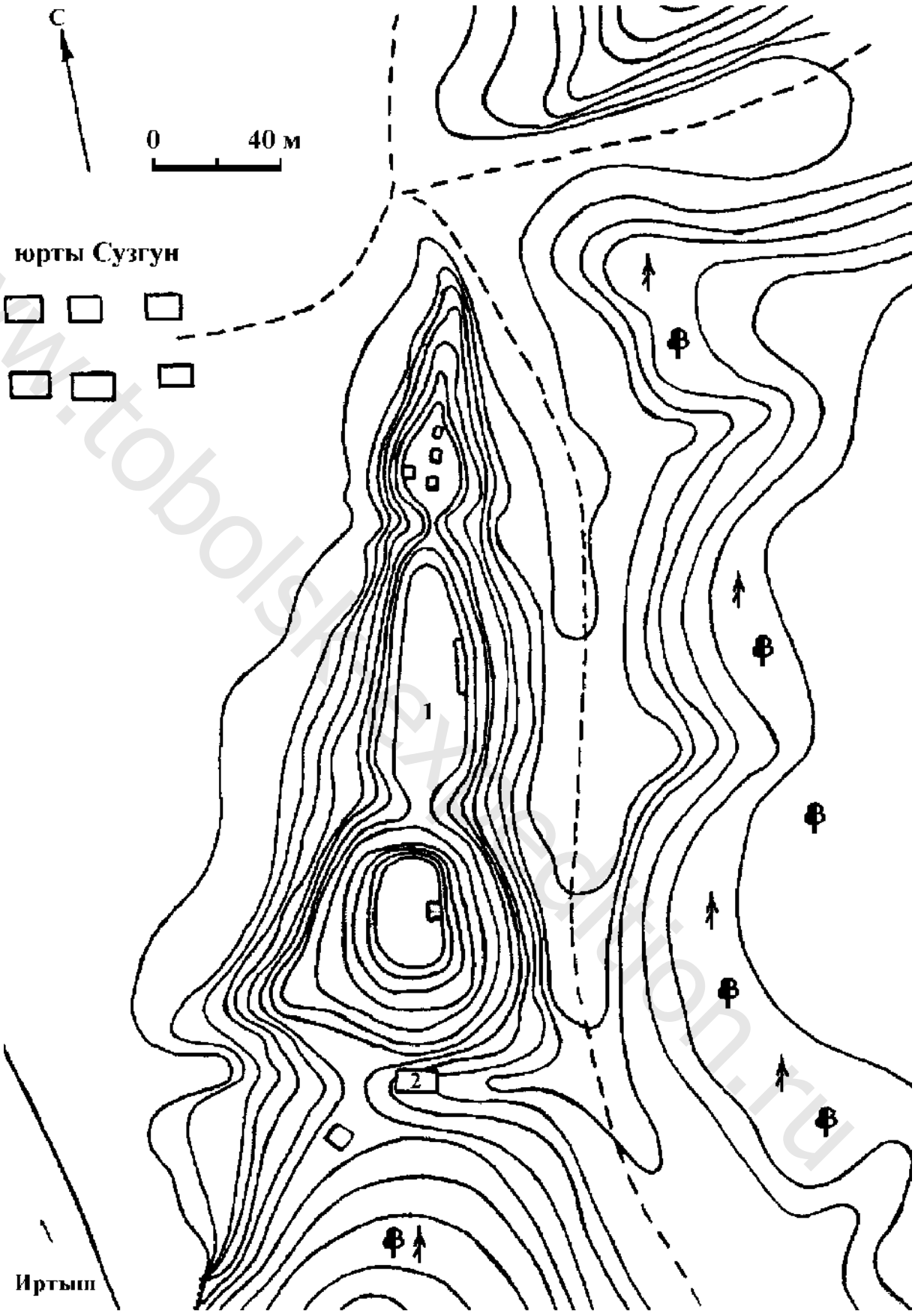


Рис. 6. План городища Сузгун 1 и культового места Сузгун 2.
(по В. Н. Чернецову).

www.tobolskexpedition.ru

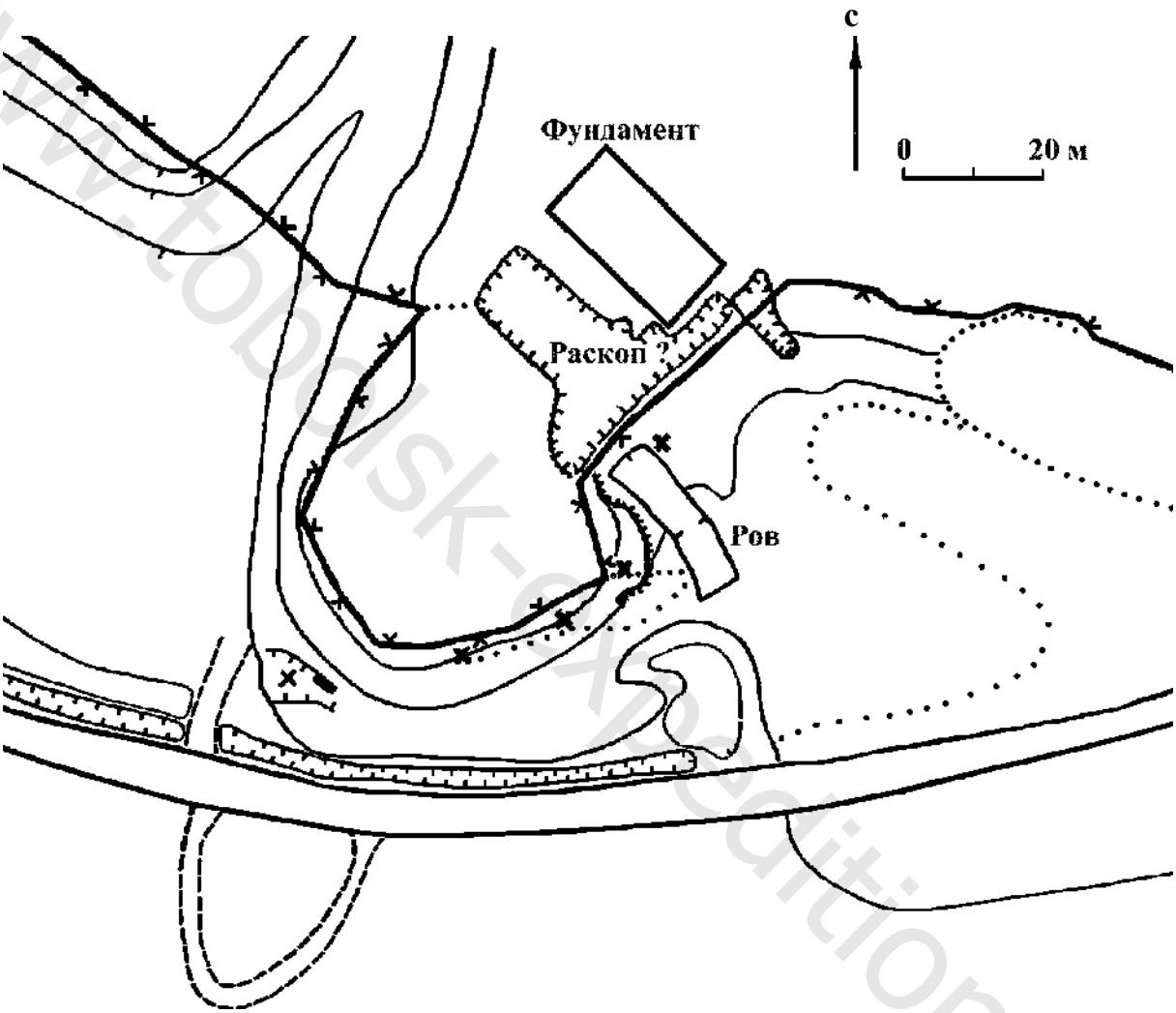
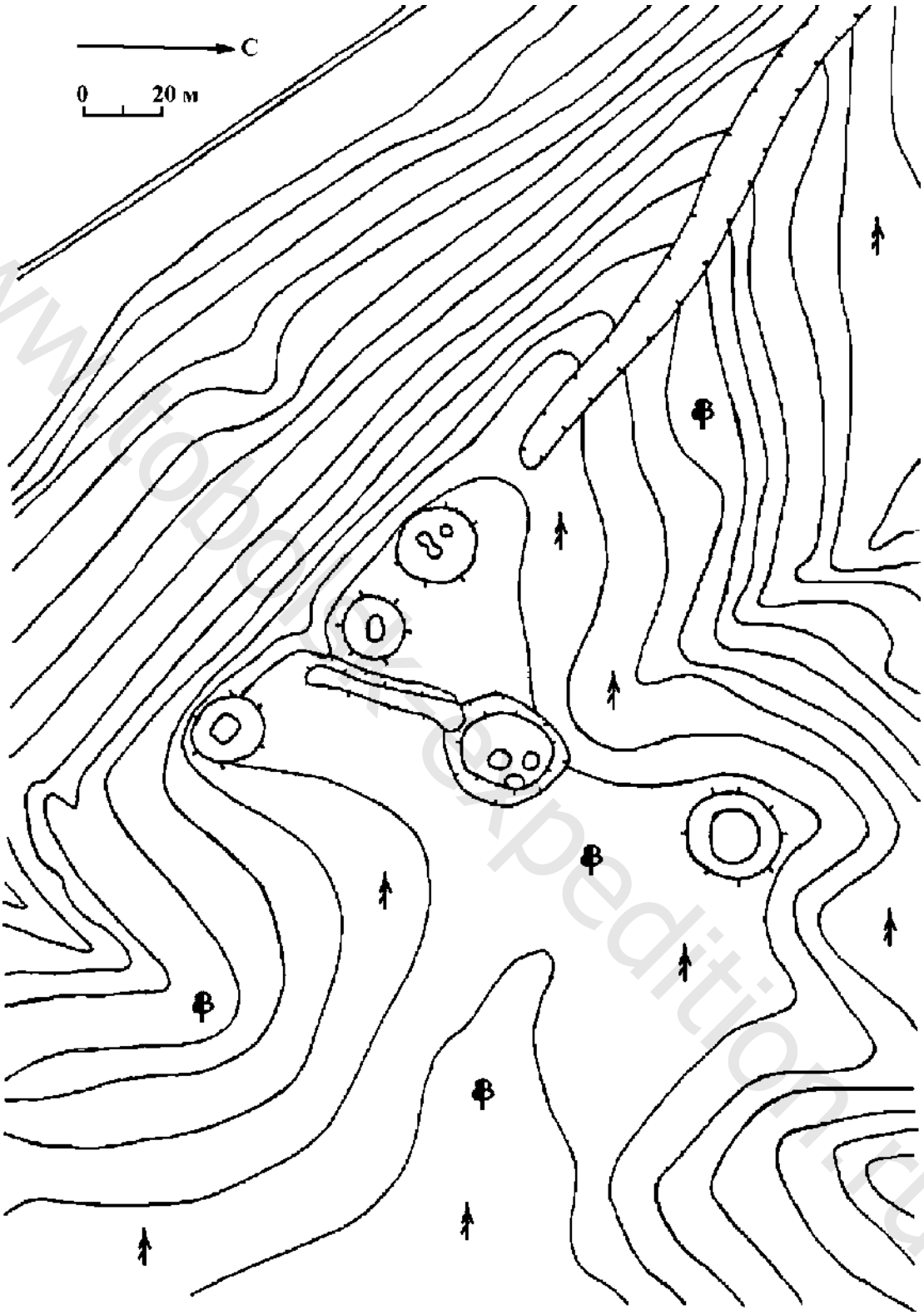


Рис. 7. План Ивановского городища.
(по А. Е. Цеменкову).

www.tobolsk-expedition.ru



с. 8. План Ивановских курганов. Группа 3.
(по А. Е. Цеменкову).

www.topoexpeditions.ru

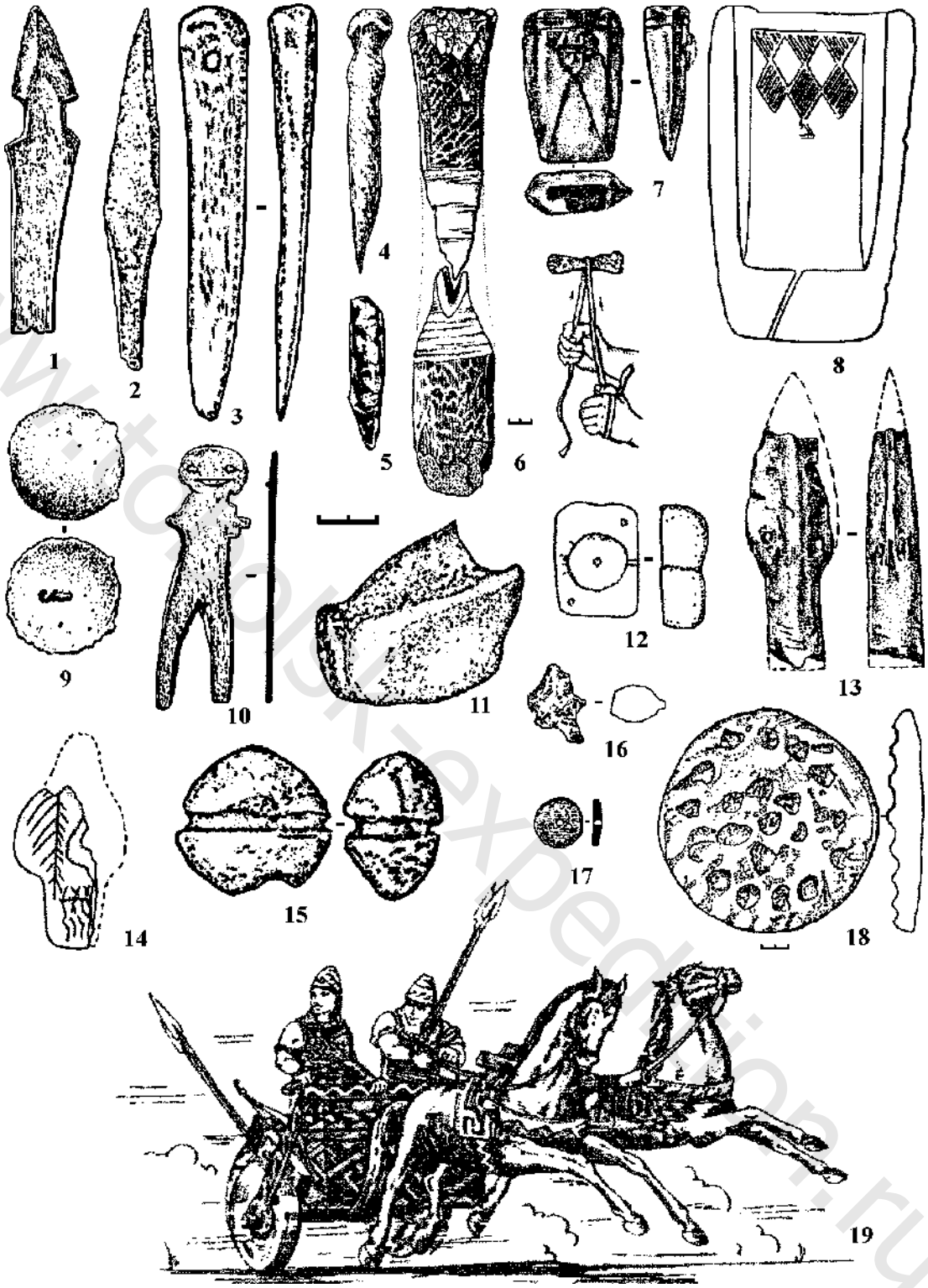


Рис. 9. Сузгунская культура.

(1, 2, 4, 5, 9, 10, 17 по Т. М. Потемкиной, О. Н. Корочковой, В. И. Стефанову; 3, 7, 13, 15, 16, 18 по В. Т. Галкину; 11, 12, 14 по И. Г. Глушкову).

1 - накладка от лука; 2 - наконечник стрелы; 3 - кочедык; 4 - проколка; 5 - нож; 6 - разбильник и принцип работы (по А. П. Бородовскому); 7 - модель кельта; 8, 12 - литейные формы; 9 - зеркало; 10, 16 - антропоморфные изображения; 11, 14 - зооморфные изображения; 13 - модель копья; 15 - грузило; 17 - пряслице; 19 - колесница бронзового века (по А. И. Соловьеву): 1, 2, 4, 5, 9, 10, 17 - городище Чудская гора; 3, 6, 15, 18 - поселение Красная Гора; 7, 13, 16 - поселение Сузгун 2; 8 - близ д. Тюковой; 11, 12, 14 - поселение Лучкино 1: 1-4, 6 - кость; 5, 9, 10 - бронза; 7, 11, 13-18 - глина.

www.tobolsk-expedition.ru

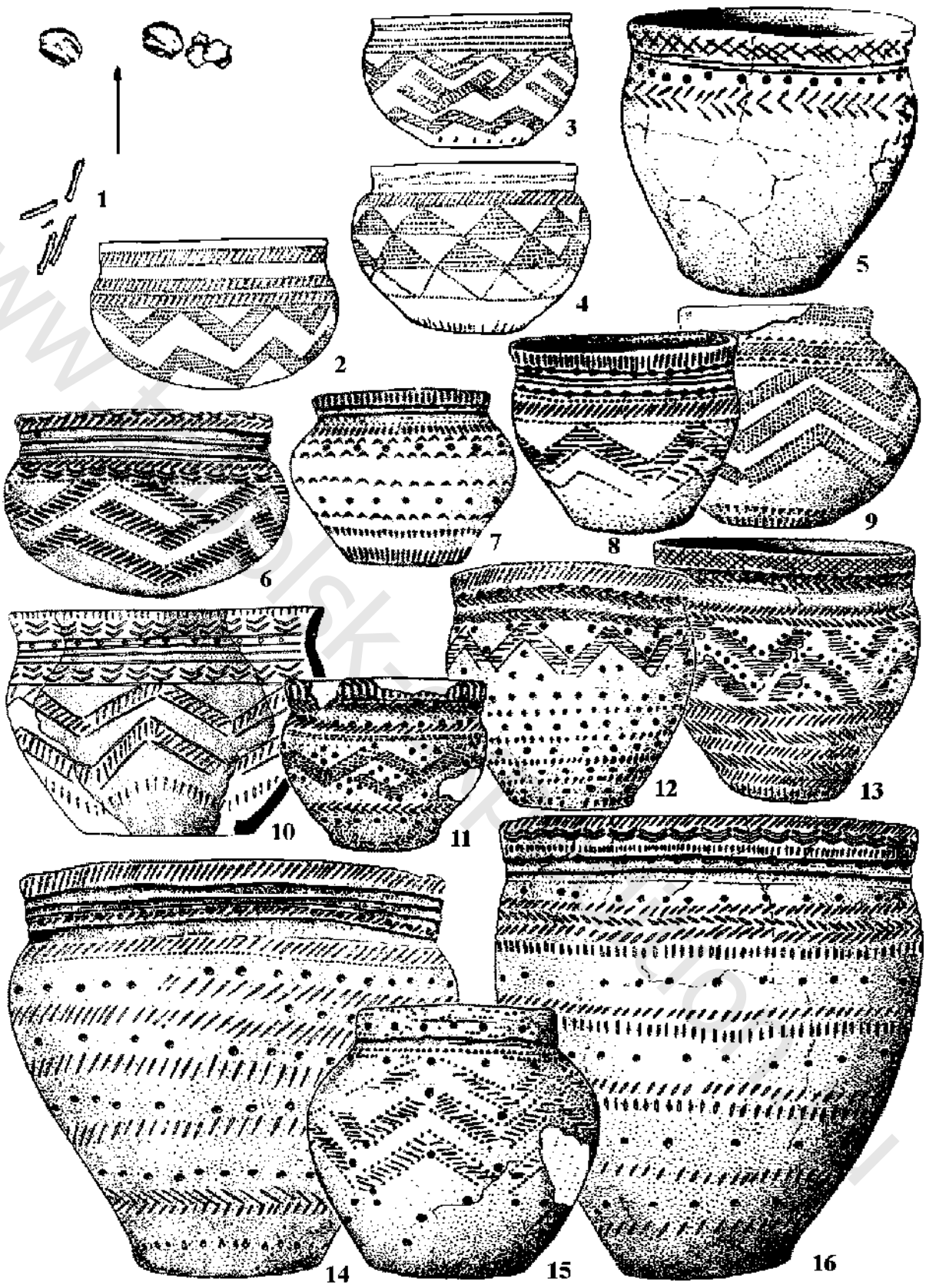


Рис. 10. Сузгунская культура.

(2-16 по Т. М. Потемкиной, О. Н. Корочковой, В. И. Стефанову).

1 - план погребения на городище Потчеваш (по В. И. Стефанову); 2-16 - сосуды: 2-4 - городище Потчеваш; 5-16 - городище Чудская гора: 2-16 - глина.

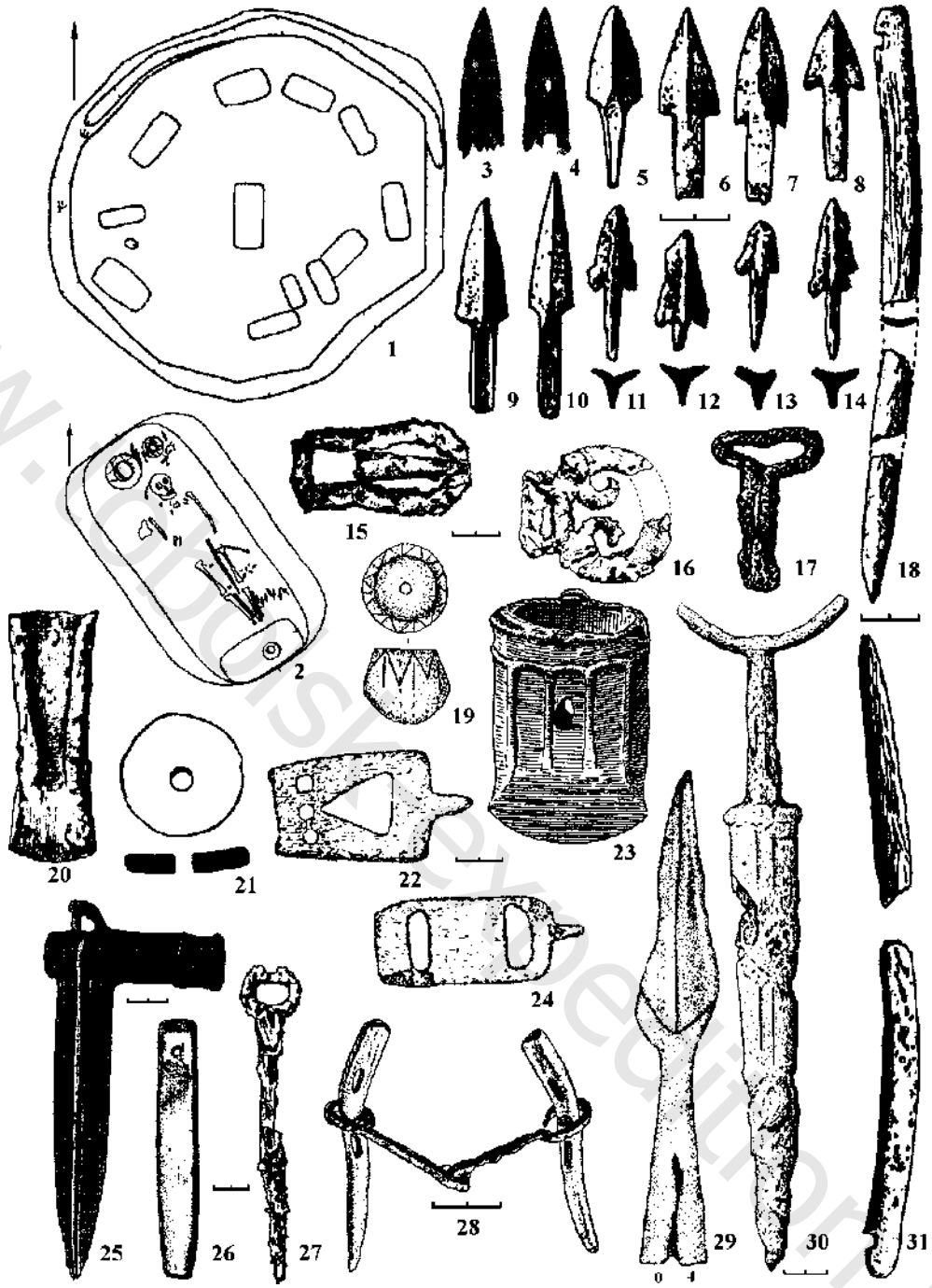


Рис. 11. Саргатская культура.

(1, 2, 5-18, 20, 21, 26-28, 31 по Н. П. Матвеевой; 19 по Н. В. Полосьмак; 22, 24 по Л. И. Погодину, А. Я. Труфанову; 29 по В. И. Матющенко, Л. В. Татауровой; 30 по Л. Н. Коряковой, В. А. Булдашеву, Ж. - П. Потро).

1 - план кургана могильника Абатский 1; 2 - план погребения могильника Абатский 1; 3-14 - наконечники стрел; 15, 16, 22, 24 - поясные пряжки; 17 - колчанный крюк; 18, 31 - накладки от лука; 19, 21 - пряслица; 20, 23 - кельты; 25 - чекан; 26 - оселок; 27 - нож; 28 - удила; 29 - наконечник копья; 30 - кинжал: 3, 4 - могильник Потчеваш; 5-15, 18, 20, 26, 31 - могильник Абатский 1; 16, 27, 28 - могильник Абатский 3; 17 - могильник Красногорский Борок; 19 - могильник Абрамово 4; 21 - могильник Красногорский 1; 22, 24 - могильник Исаковка III; 23 - близ Ивановского монастыря; 25 - Тюкалинский уезд; 29 - могильник Сидоровка; 30 - могильник Гаевский: 3, 4, 23, 25 - бронза; 5-10, 18, 22, 24, 31 - кость; 11-17, 20, 27, 29, 30 - железо; 19, 21 - глина; 26 - камень; 28 - железо, кость.

www.tobolskexpedition.ru

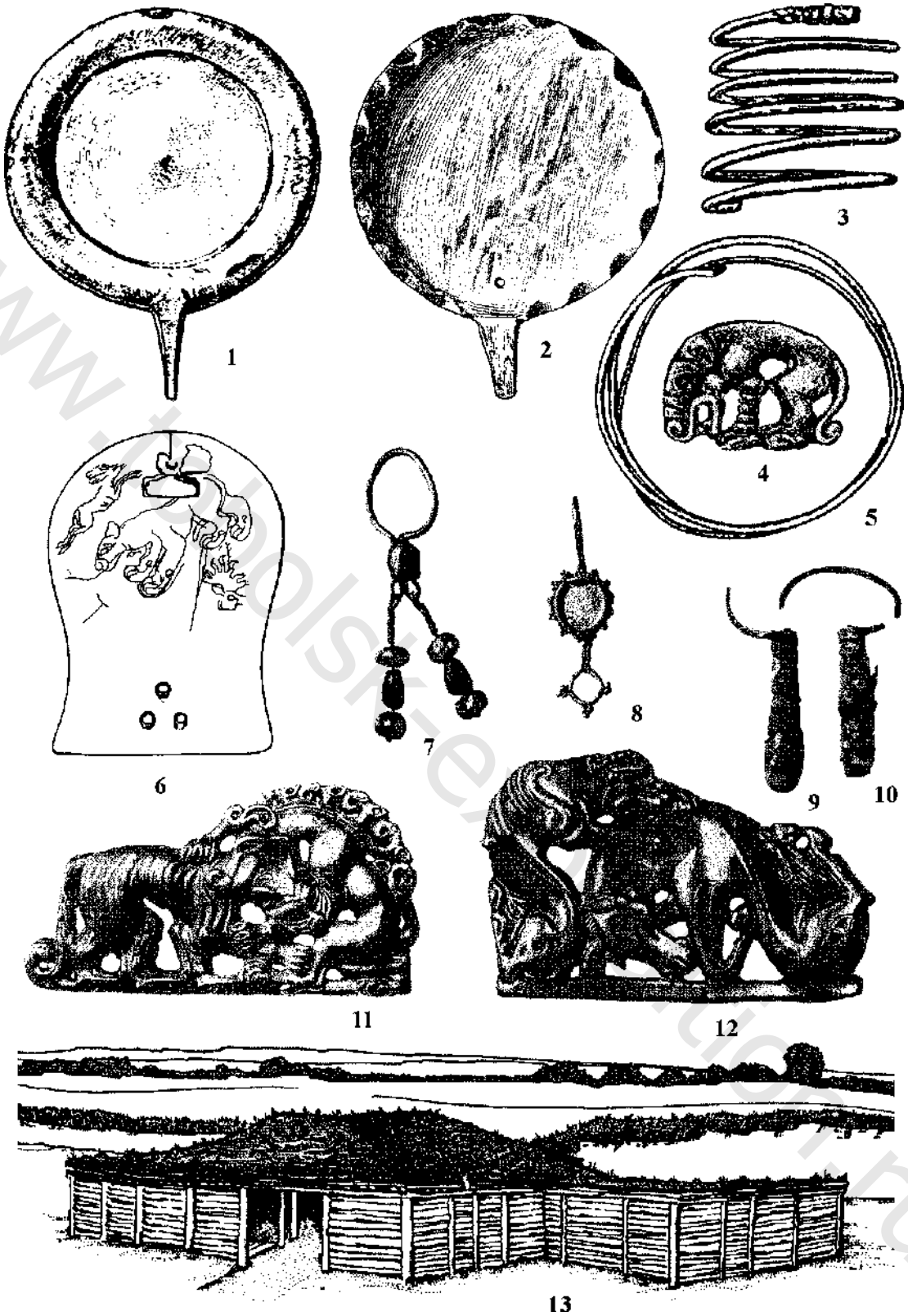


Рис. 12. Саргатская культура.

(1, 3, 6 по Н. П. Матвеевой; 2, 5 по В. И. Мошинской; 4 по Н. В. Полосьмак; 7, 8, 11, 12 по С. И. Руденко).

1, 2 - зеркала; 3 - браслет; 4, 11, 12 - бляхи; 5 - гривна; 6 - пряжка; 7-10 - серьги; 13 - внешний вид саргатского жилища (по А. В. Матвееву): 1, 3, 6 - могильник Абатский 3; 2, 5 - Тюковский курган; 4 - могильник Абрамово 4; 7, 8, 11, 12 - Сибирская коллекция Петра 1; 9, 10 - могильник Потчеваш: 1-5, 9, 10 - бронза; 6 - рог; 7 - золото, бирюза, жемчуг, альмандин; 8, 11, 12 - золото.

www.tatolsk-ekskursii.ru

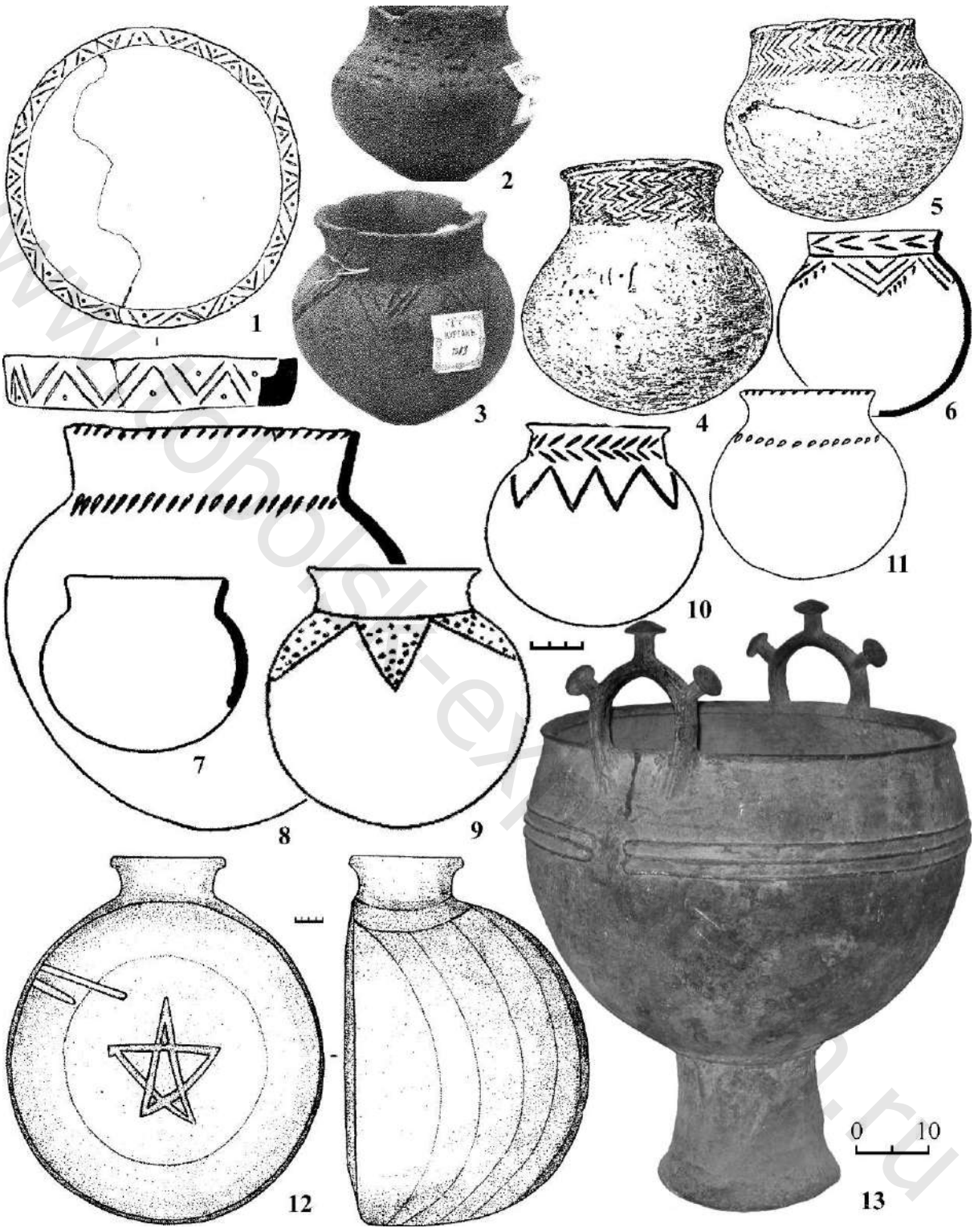


Рис. 13. Саргатская культура.

(1, 7 - 11 по Н. П. Матвеевой; 12 по В.И. Матющенко, Л. В. Татауровой; 6 по Н. В. Полосьмак).
1 - блюдо; 2-12 - сосуды; 13 - котел: 1 - могильник Савиновский; 2, 3 - могильник Потчеваш; 4, 5 - Тюковский курган; 6 - могильник Марково 1; 7-11 - могильник Красногорский Борок; 12 - могильник Сидоровский; 13 - г. Тобольск: 1-12 - глина; 13 - бронза.

www.bohoslovie.ru

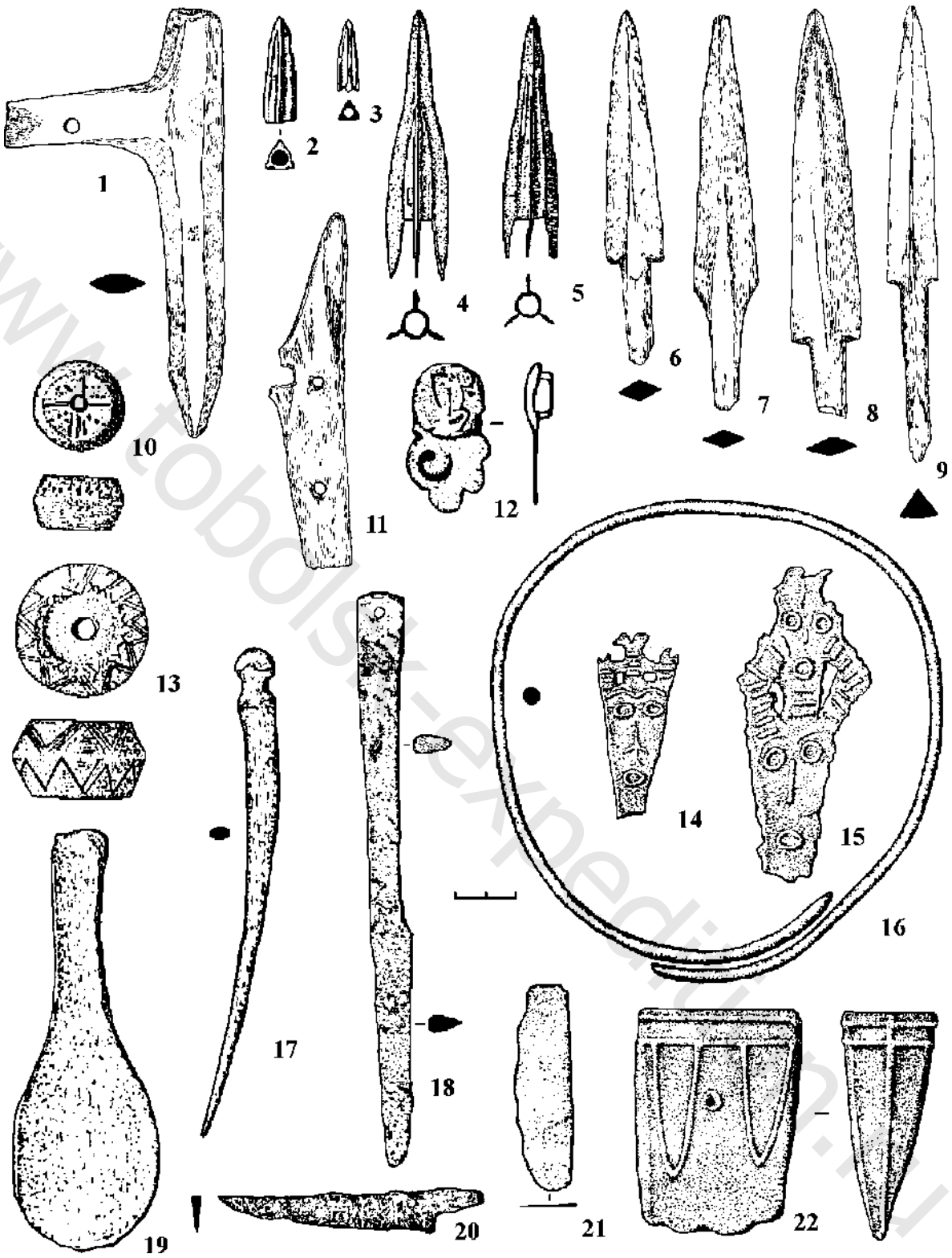


Рис. 14. Богочановская культура.

(2-5, 10, 12, 13, 16-22 по Е. М. Данченко).

1 - чекан; 2-9 - наконечники стрел; 10, 13 - пряслица; 11 - накладка от лука; 12 - бляшка; 14, 15 - антропоморфные изображения; 16 - гривна; 17 - кочедык; 18, 20, 21 - ножи; 19 - ложка; 22 - кельт: 1, 6-9, 11, 14, 15 - городище Ивановское; 2, 5 - поселение Утьма; 3 - поселение Серебрянка III; 4, 21 - городище Богочановское; 10, 13, 18, 20 - городище Михайловское; 12 - могильник Михайловский; 16 - могильник Богочаново II; 17, 19 - поселение Затон; 22 - случайная находка: 1, 6-9, 11, 17, 19 - кость; 2-5, 12, 14-16, 21, 22 - бронза; 10, 13 - глина; 18, 20 - железо.

www.tobolsk-expedition.ru

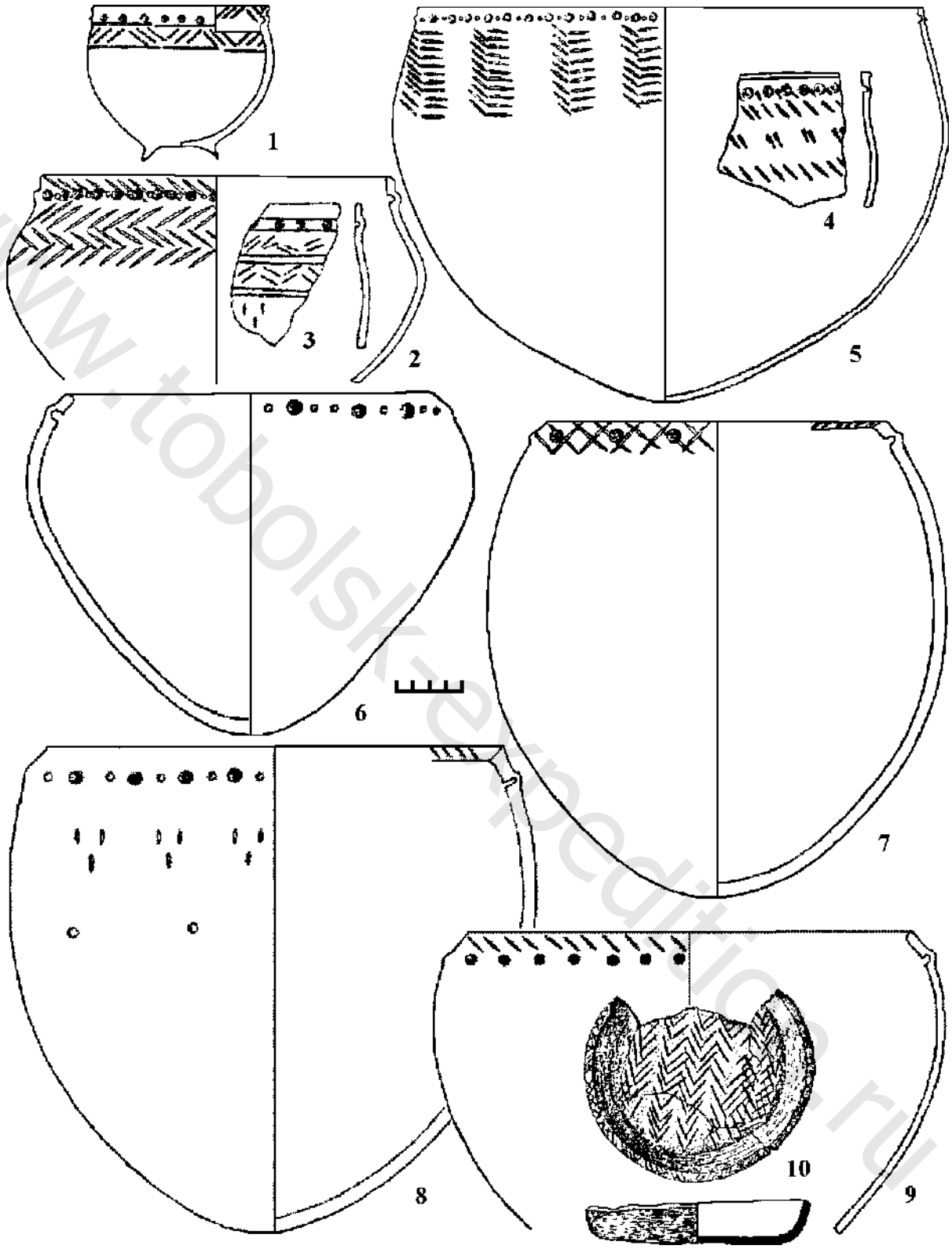


Рис. 15. Богочановская культура.

(по Е. М. Данченко).

1-9 - сосуды; 10 - блюдо: 1, 6 - городище Богочановское; 2, 3 - поселение Затон; 4 - поселение Копейкино; 5, 10 - поселение Утьма; 7, 8 - поселение Серебрянка III; 9 - городище Михайловское: 1-10 - глина.

www.tobolsk-expedition.ru

Рис. 16. Кулайская культура.

(2-5, 9, 11, 12, 14, 16-18, 20 по Т. Н. Троицкой; 6, 8, 10, 13, 19 по Л. А. Чиндиной).

1 - шлем; 2, 9, 12 - наконечники гарпунов; 3-5, 10, 11 - наконечники стрел; 6 - чекан; 7, 8 - наконечники копий; 13 - гребешок; 14, 15 - кельты; 16 - пряслице; 17 - нож, 18 - подвеска; 19 - ложка; 20 - пряжка: 1 - Истяцкий «клад»; 2, 4, 5, 9, 11, 12, 14, 16, 18 - могильник Каменный Мыс; 3, 20 - могильник Ордынское 1; 6 - Парабельское культовое место; 7 - могильник Потчеваш; 8 - д. Дунаево; 17 - городище Дубровинский Борок 3; 10, 13, 19 - городище Саровское; 15 - место находки не известно: 1, 6, 7, 14, 17 - железо; 2-5, 8, 15, 18, 20 - бронза; 9-13, 19 - кость; 16 - глина.

www.tobolsk-expert.ru

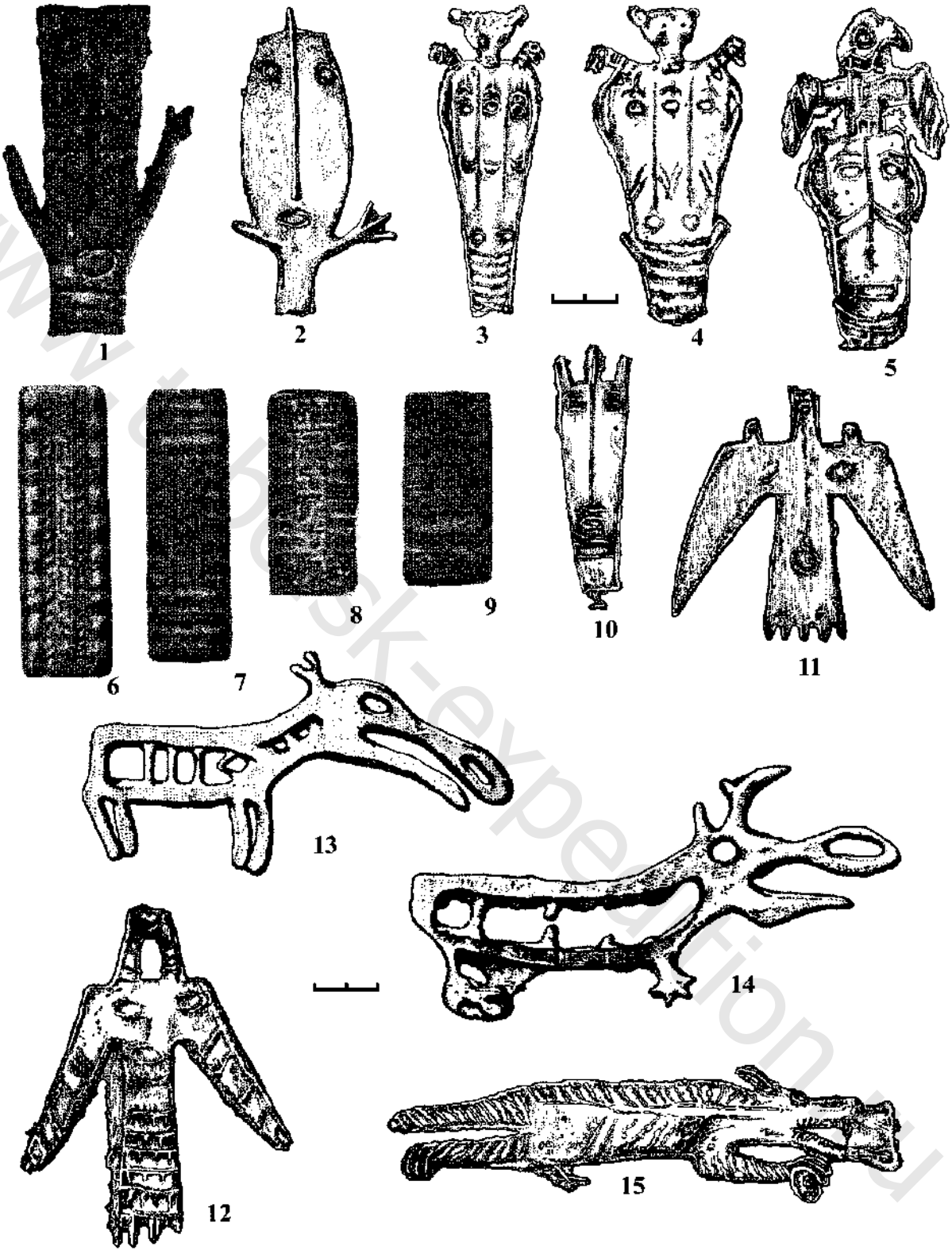


Рис. 17. Кулайская культура.

I, 2, 10 - антропоморфные изображения; 3-5 - зоо-антропоморфные изображения; 6-9 - пронизки; 11-15 - зооморфные изображения: 1, 6-9 - могильник Потчеваш; 2, 10 - Красный Яр; 3-5 - Тюменская область; II, 12 - с. Овсянниково; 13, 14 - Кулайское культовое место; 15 - Истяцкий «клад»: 1-15 - бронза.

www.ugrsk-expedition.ru

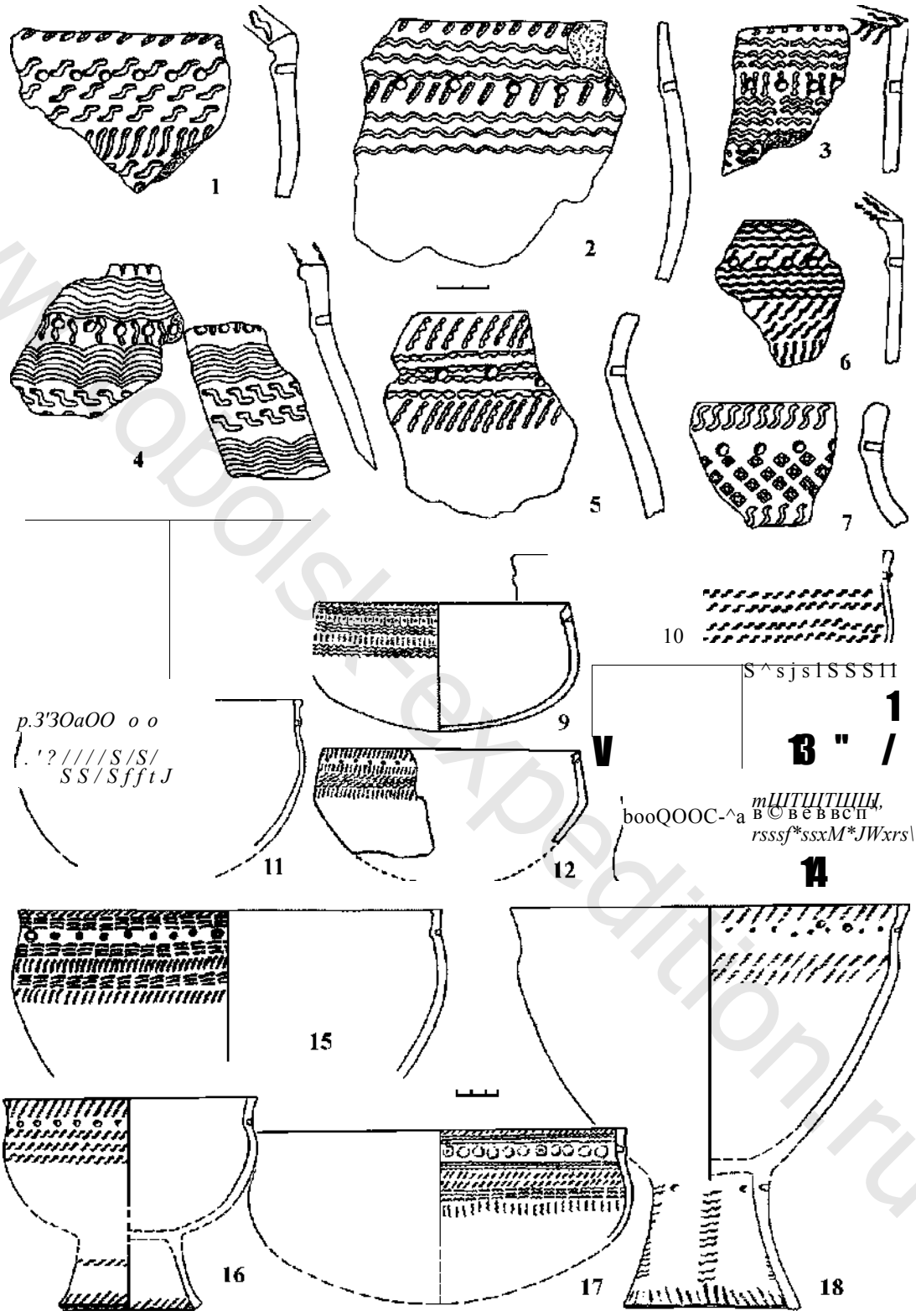


Рис. 18. Кулайская культура.

(10, 11, 13-18 по Ю. П. Чемякину; 8, 9, 12 по Л. А. Чиндиной).

1-18 - сосуды: 1-7 - городище Потчеваш; 8, 9, 12 - городище Саровское; 10, 11, 13-18 - поселение Остяцкий Живец IV: 1-18 - глина.

www.obolsk-expedition.ru

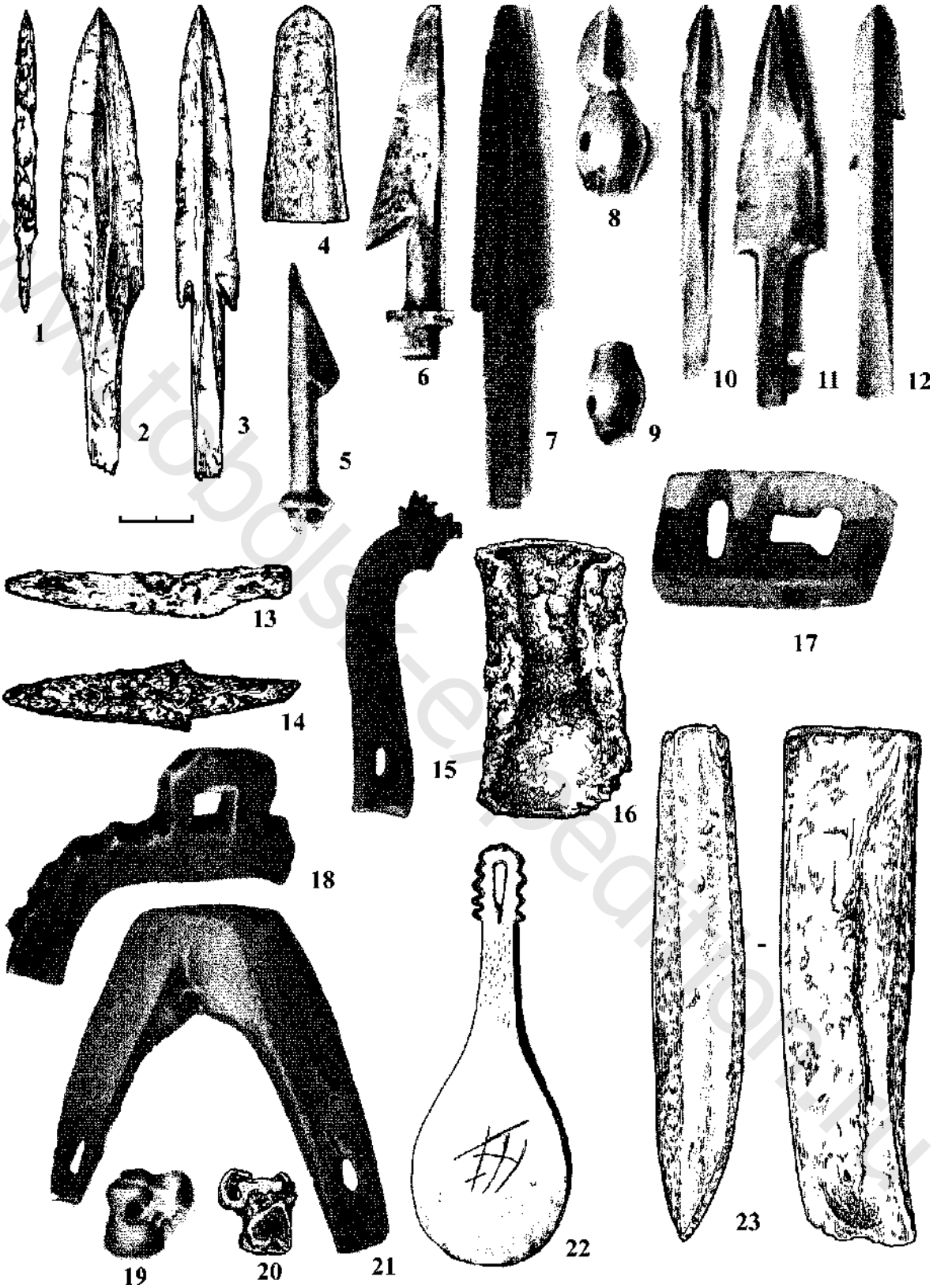


Рис. 19. Потчевашская культура.

1-4, 7, 8, 10-12 - наконечники стрел; 5, 6 - наконечники гарпунов; 9 - свистунка; 13, 14 - ножи; 15 - обломок псалия; 16 - тесло; 17 - пряжка; 18, 21 - стремена; 19, 20 - игральные кости; 22 - ложка; 23 - клин: 1-3, 5-12, 14, 15, 17-19, 21-23 - городище Потчеваш; 4, 13, 16, 20 - городище Долговское 1: 1, 13, 14, 16 - железо; 2-12, 15, 17-23 - кость.

www.tobolsk-expedition.ru

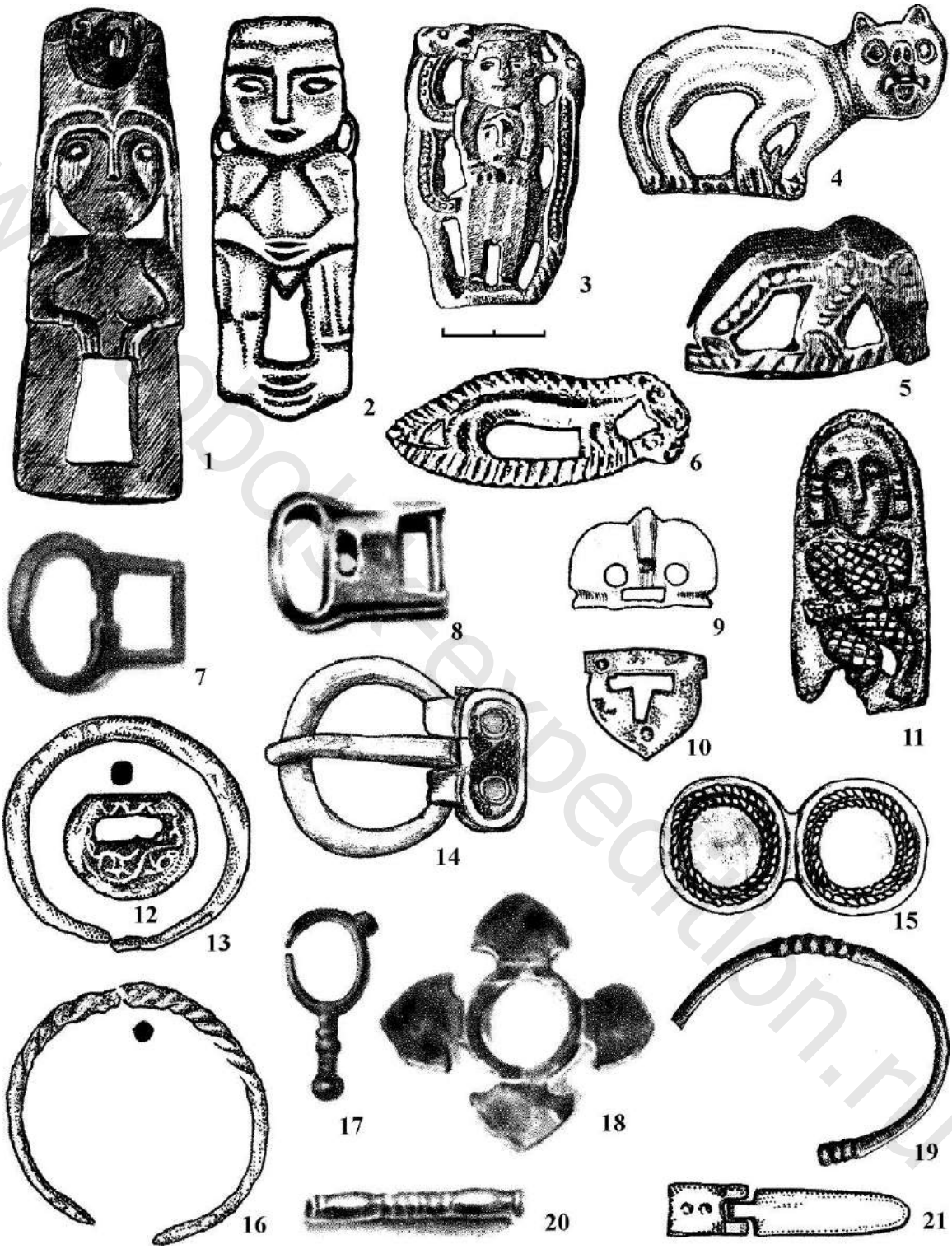


Рис. 20. Потчевашская культура.

1, 2, 11 - антропоморфные подвески; 3 - зоо-антропоморфная подвеска; 4-6 - зооморфные подвески; 7, 8, 14 - пряжки; 9, 10, 12, 15 - бляшки; 13, 16 - височные кольца; 17 - серьга; 18 - распределитель ремней; 19 - браслет; 20 - пронизка; 21 - наконечник ремня: 1, 6-8, 11, 17-20 - городище Потчеваш; 2, 4, 10, 12, 16, 21 - городище Долговское 1; 3, 5, 9, 14, 15 - Савинский курган: 1-9, 11-21 - бронза; 10 - железо.

www.prodrevnepedion.ru

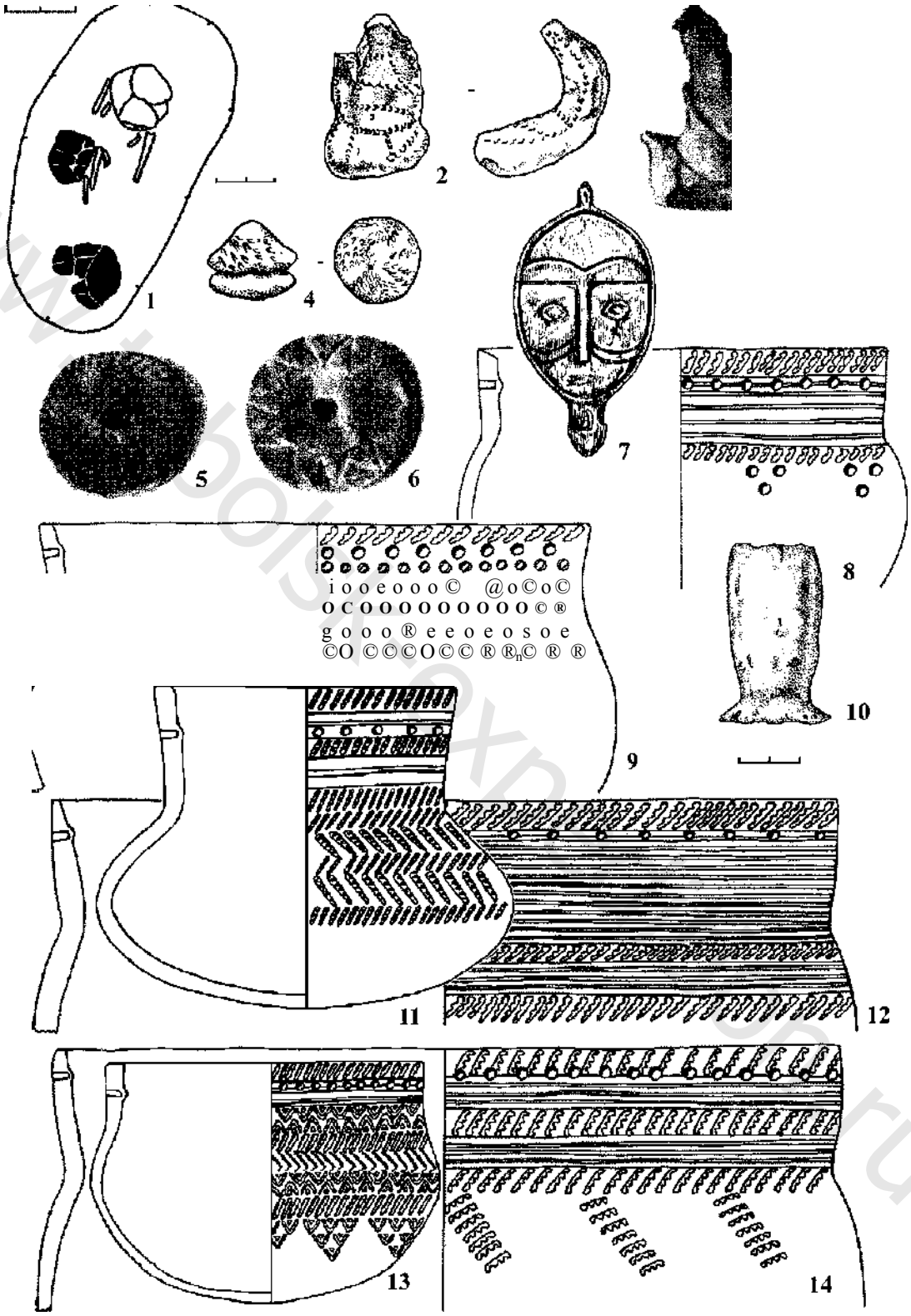


Рис. 21. Потчевашская культура.

1 - план погребения на городище Долговское 1; 2, 7 - антропоморфные изображения; 3 - всадник; 4 - «грибовидный» предмет; 5, 6 - пряслица; 8, 9, 11-14 - сосуды; 10 - тигель: 2, 4 - городище Долговское 1; 11, 13 - погребение на городище Долговское 1; 3, 5-10, 12, 14 - городище Потчеваш: 2-6, 8-14 - глина; 7 - дерево.

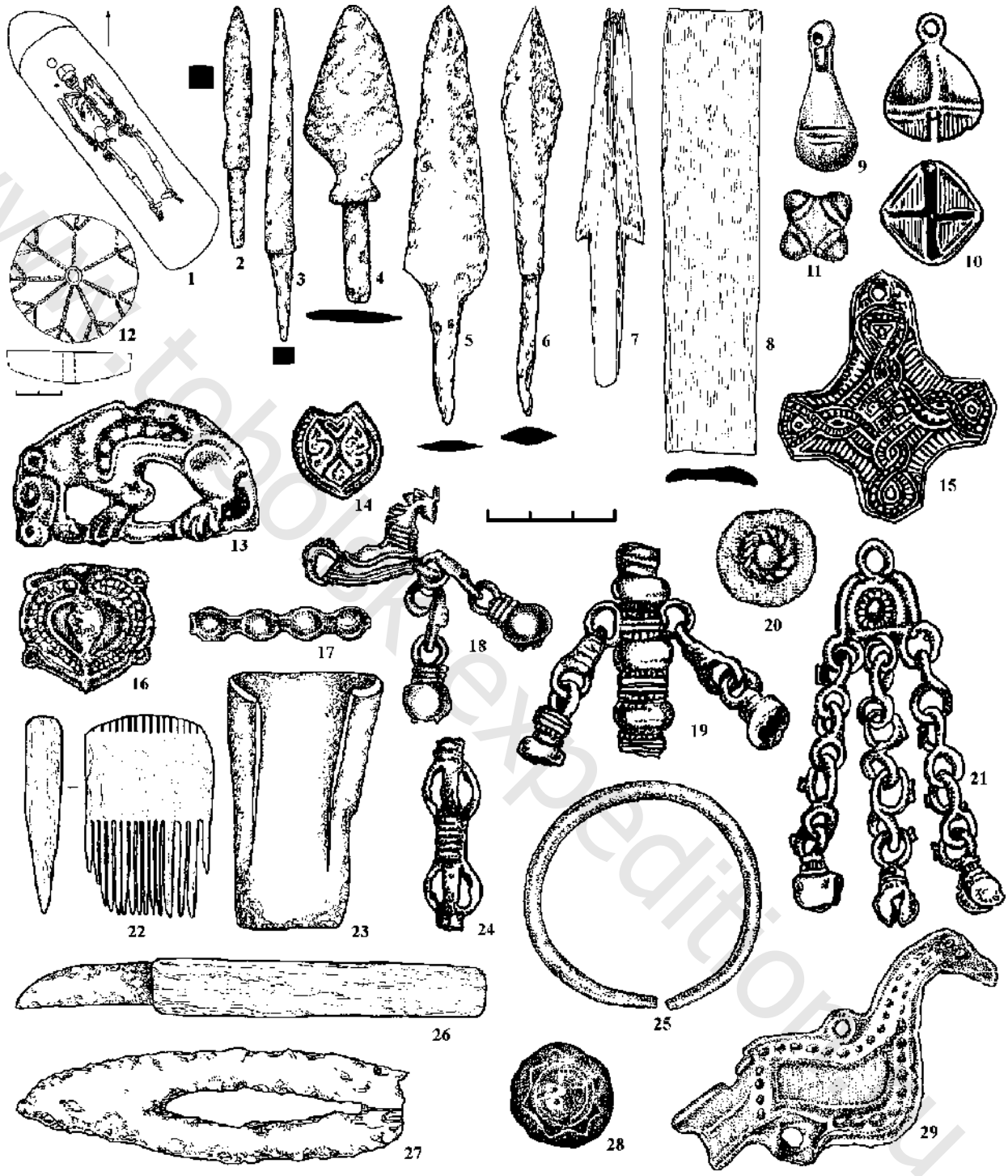


Рис. 22. Усть-ишимская культура.

1 - план погребения из могильника Масарлы 2; 2-7 - наконечники стрел; 8 - накладка на лук; 9 - подвеска; 10 - бубенчик; 11. 14, 16, 20, 28 - бляшки; 12 - пряслице; 13, 18, 29 - зооморфная подвеска; 15 - распределитель ремней; 17, 19, 24 - пронизки; 21 - шумящая подвеска; 22 - гребешок; 23 - тесло; 25 - височное кольцо; 26 - нож; 27 - кресало;: 1-20, 22-29 - могильник Масарлы 2; 21 - могильник Нугай 1: 2-6, 23, 27 - железо; 7, 8 - кость; 12 - глина; 9-11, 13-21, 24, 25, 28, 29 - бронза; 22 - дерево; 26 - железо, дерево.

www.tobolsk-expedition.ru

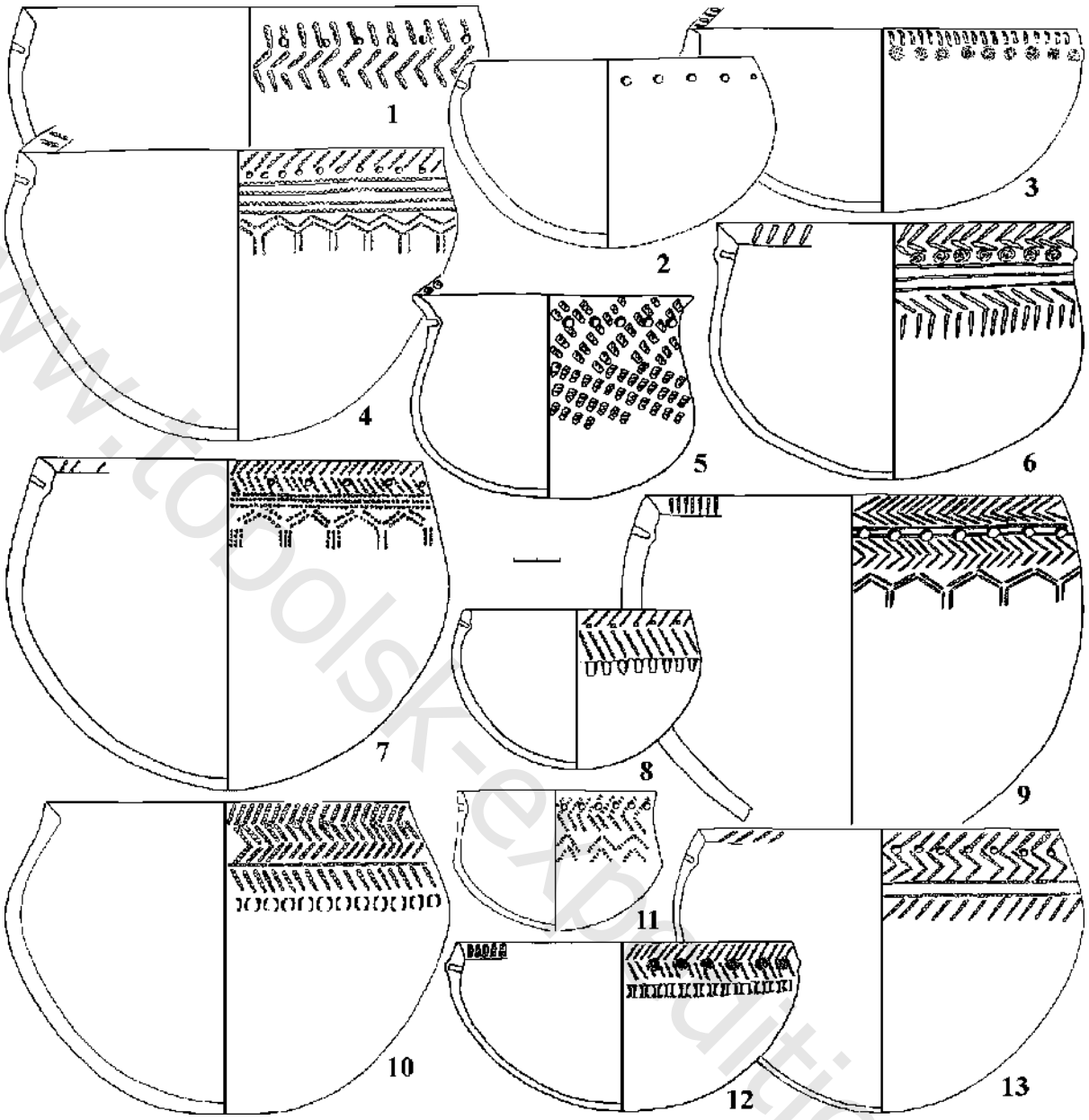


Рис. 23. Усть-ишимская культура.
1-13 - сосуды: 1-13 - могильник Масарлы 2: 1-13 - глина.

www.tobolsk-expedition.ru

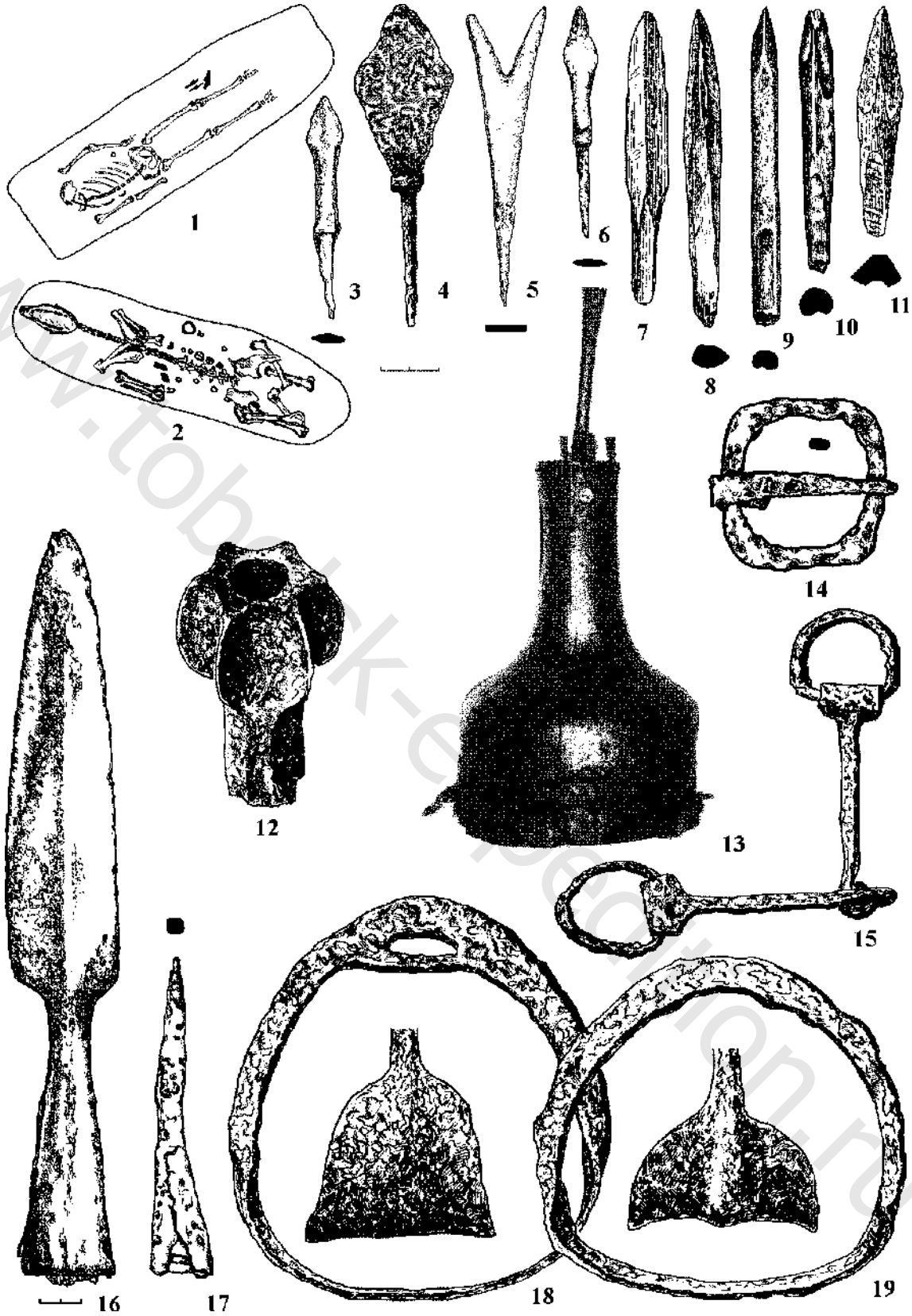


Рис. 24. Сибирские татары.

(1, 2, 4, 7, 11, 12, 15, 18, 19 по В. Ф. Генингу, Б. Б. Овчинниковой).

1, 2 - планы погребений могильника Пахомовский; 3-11 - наконечники стрел; 12 - шестопер; 13 - шлем; 14 - пряжка; 15 - удила; 16 - наконечник копья; 17 - наконечник дротика; 18, 19 - стремена: 3, 5, 6, 8-10, 14, 17 - городище Искер; 4, 7, 11, 12, 15, 18, 19 - могильник Пахомовский; 13 - Тобольский музей-заповедник; 16 - случайная находка в Заболотье: 3-6, 12-19 - железо; 7-11 - кость.

www.tobolsk-expedition.ru

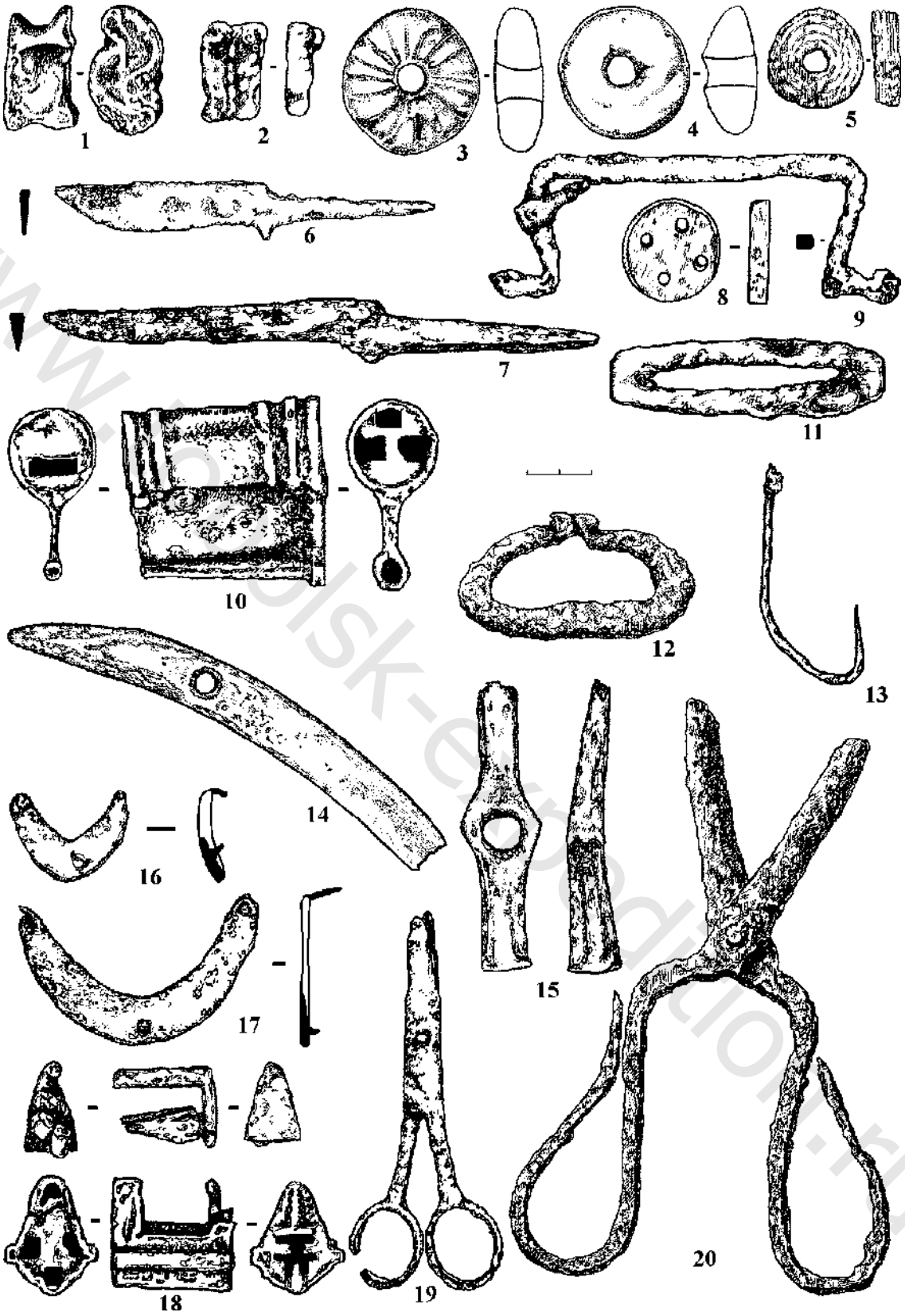


Рис. 25. Сибирские татары.

(12, 20 по В. Ф. Генингу, Б. Б. Овчинниковой).

1, 2 - игральные кости; 3-5 - пряслица; 6, 7 - ножи; 9 - ручка; 10, 18 - замки; 11, 12 - кресала; 13 - крючок; 14 - кочедык; 15 - молоток; 16, 17 - сапожные подковки; 19, 20 - ножницы: 1-6, 8, 9, 11, 13-19 - городище Искер; 7, 10 - городище Долговское 1; 12, 20 - могильник Пахомовский: 1, 5, 8, 14 - кость; 2 - свинец; 3, 4 - глина; 6, 7, 9-13, 15-20 - железо.

www.tobolsk-expedition.ru

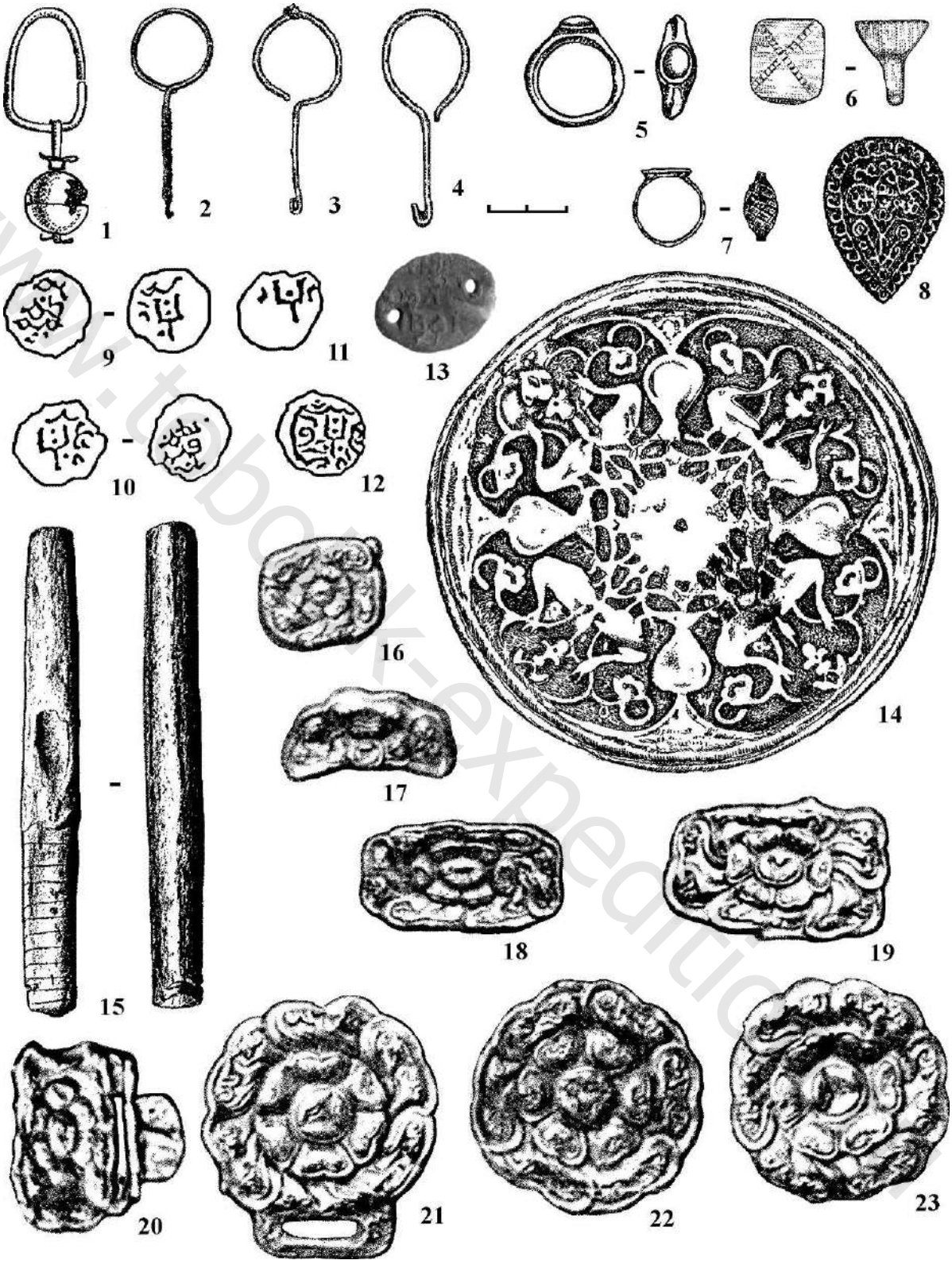


Рис. 26. Сибирские татары.

(9 - 12 по А. Г. Нестерову).

1-4 - серьги; 5-7 - перстни; 8 - бляшка; 9-13 - монеты; 14 - зеркало; 15 - слиток; 16-23 - поясные бляшки: 1, 5 - городище Долговское 1; 2-4, 6-8, 13, 14 - городище Искер; 9-12 - д. Могилева Шадринского уезда; 15 - д. Терехова Логиновской волости Тарского округа; 16-23 - с. Фирсовское Ишимского округа: 1-8, 14 - медь; 13, 15 - серебро; 16-23 - золото.

www.tobolsk-expedition.ru

Рис. 27. Сибирские татары.

(2 по Р. Д. Голдиной; 7 по В. Ф. Генингу, Б. Б. Овчинниковой).

1 - обломок котла; 2, 7 - сосуды; 3 - душка от котла; 4 - ушко от котла; 5 - ложка; 6 - черпак: 1 - городище Искер; 2 - городище Кучум-Гора; 3-5 - городище Долговское 1; 6 - д. Терехова Логиновской волости Тарского округа; 7 - могильник Пахомовский: 1 - чугун; 2, 7 - глина; 3, 5 - железо; 4 - медь; 6 - серебро.

www.tobolsk-expert.ru

Рис. 28. Сибирские татары.
(рисунки М. С. Знаменского).
1 - вид на городище Искер; 2, 3 - серьги; 4 - подвеска; 5-8 - перстни; 9-12 - пломбы; 13-20,22 - бусы; 21 - пряжка; 23 - рукоять ножа; 24-26 - зеркала: 2-26 - городище Искер.

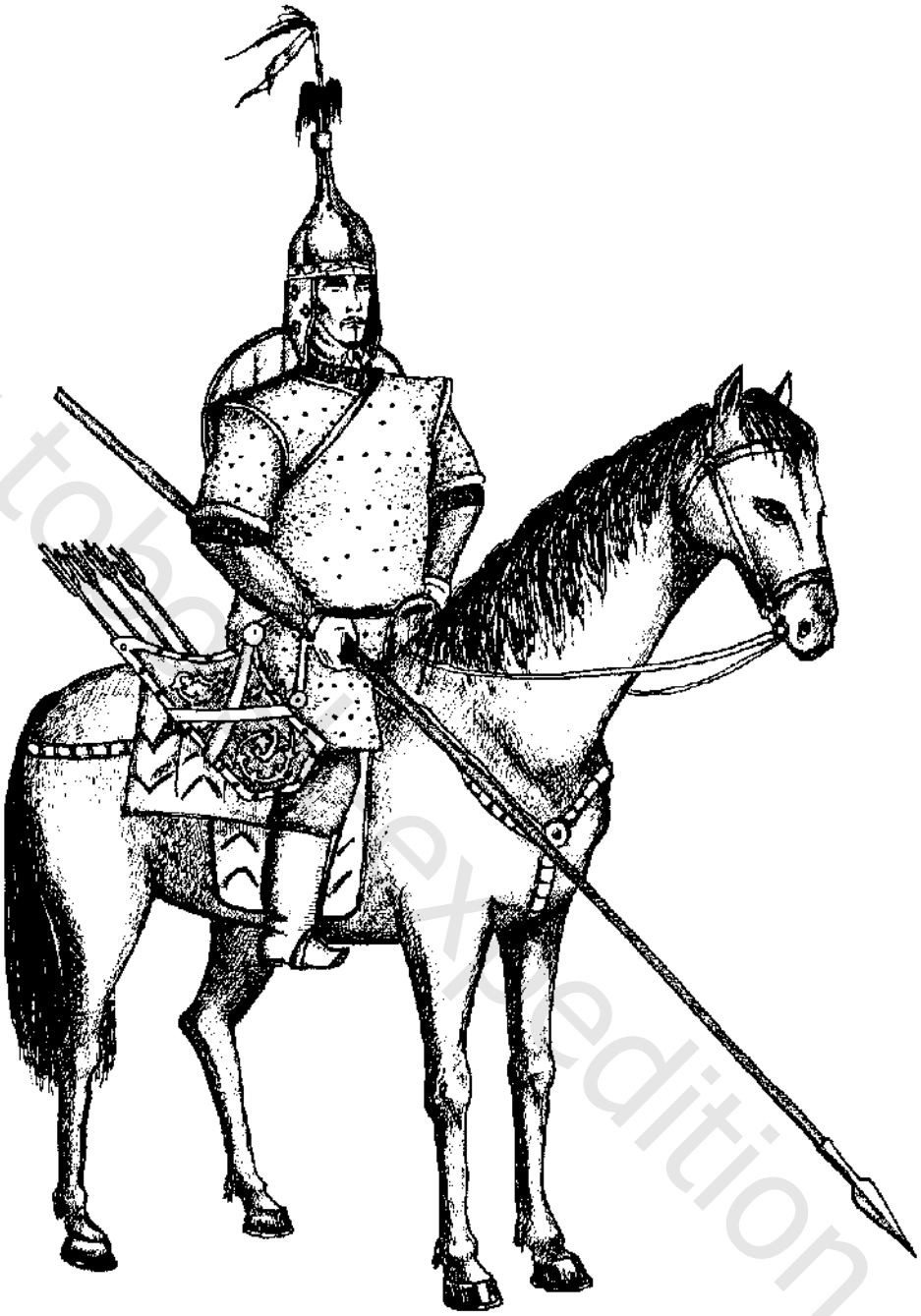


Рис. 29. Татарский воин.
(реконструкция и рисунок Д. Т. Кульмаметова).

www.tobolsk-expedition.ru

Рис. 30. Фундаменты квадратной северо-западной башни Тобольского Кремля.
(раскопки 2001 года).

Рис. 31. Остатки конструкций жилого дома XVIII века.
(раскопки 2006 года на ул. С. Ремезова).

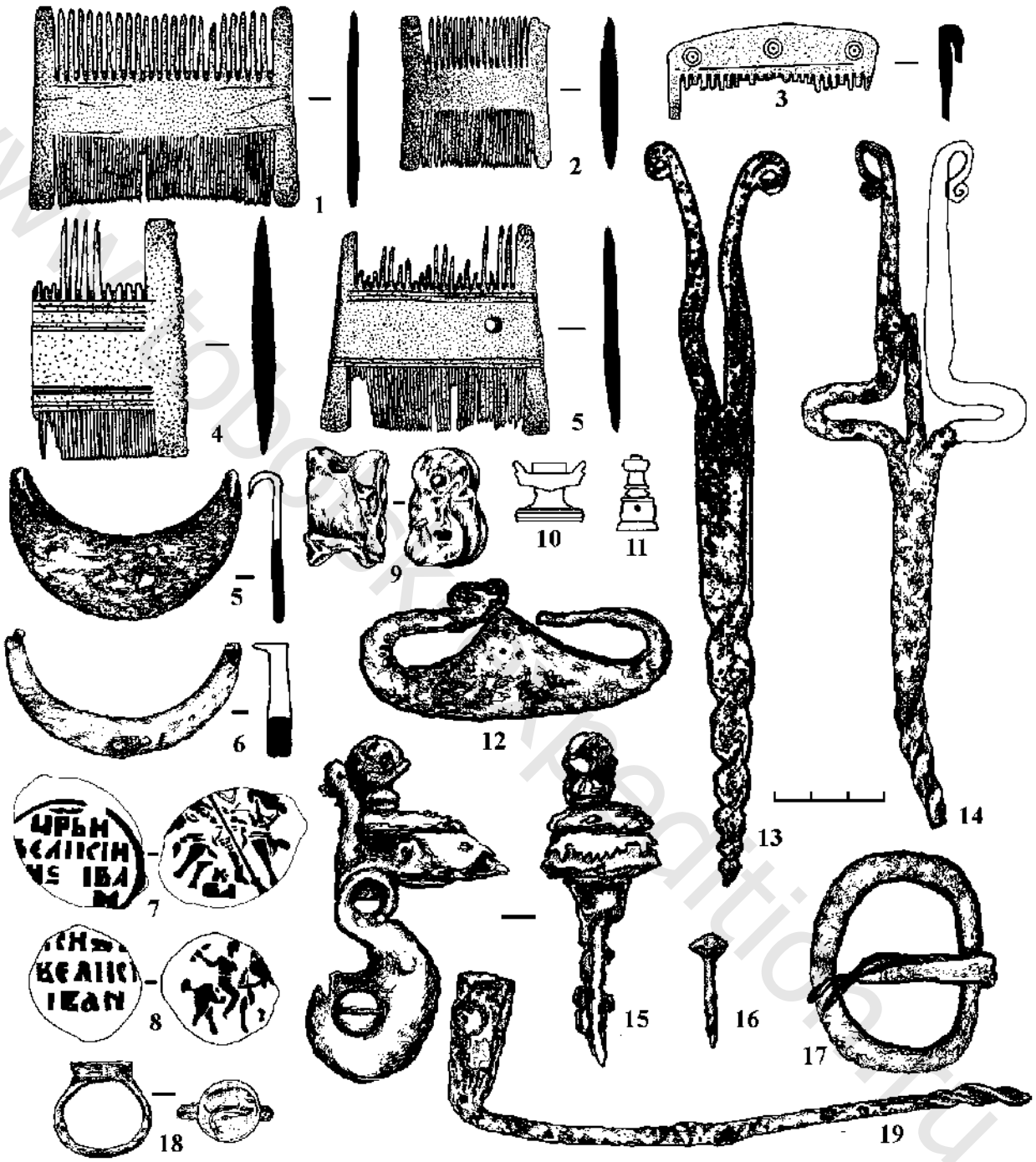


Рис. 32. Материальная культура русского населения г. Тобольска.

1, 2, 4, 5 - гребни; 3 - расческа; 5, 6 - обувные подковки; 7, 8 - серебряные монеты (чешуйки); 9 - игральная кость; 10, 11 - шахматные фигурки; 12 - огниво (кресало); 13-14 - светцы; 15 - деталь кремневого ружейного замка; 16 - гвоздь; 17 - дверная петля; 18 - перстень; 19 - подсвечник: 1-5, 9-11 - кость; 5-8, 12-17, 19 - железо; 18 - бронза.

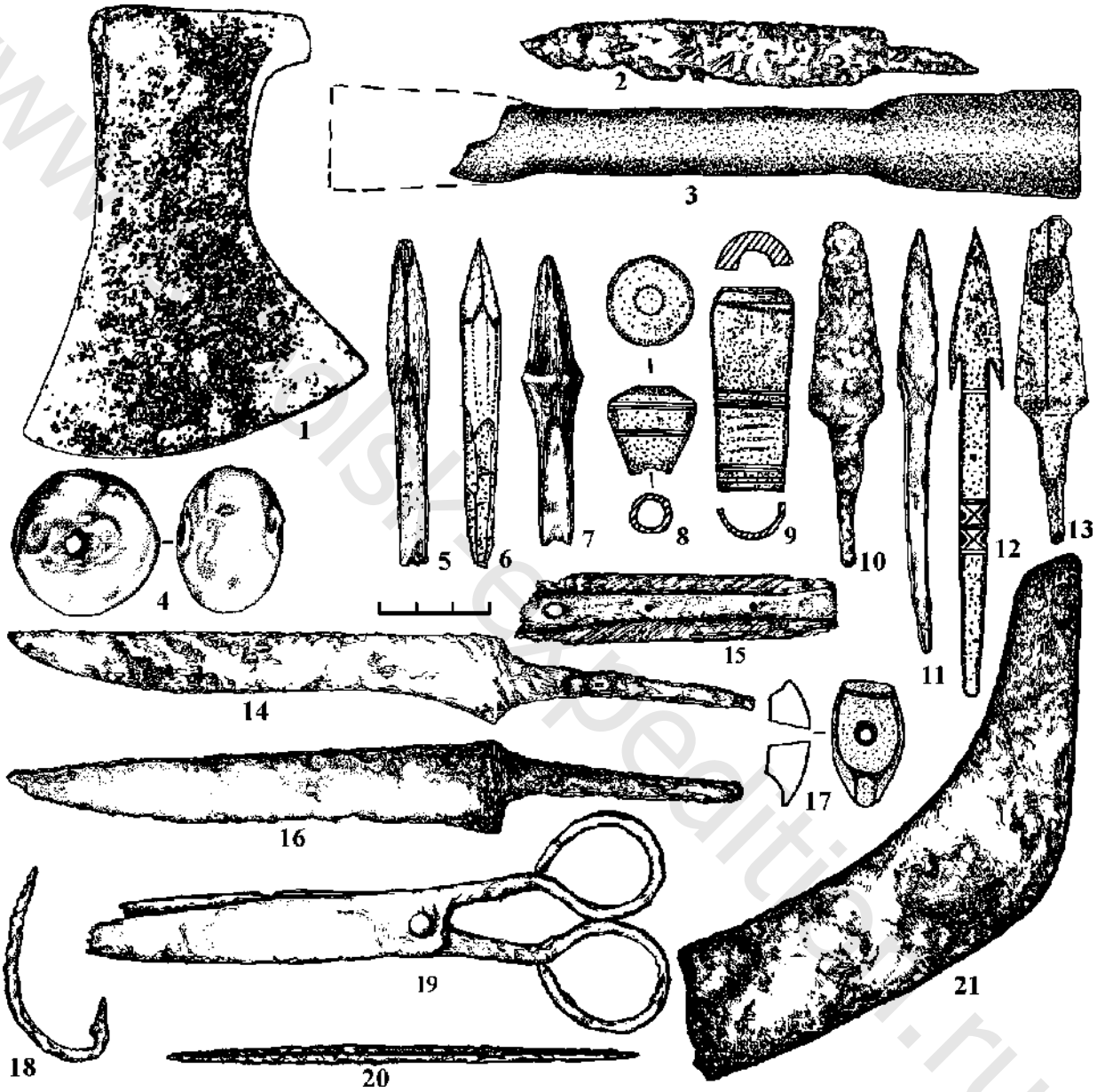


Рис. 33. Материальная культура русского населения г. Тобольска.

1 - топор; 2, 14, 16 - ножи; 3 - серединная накладка на лук, 4 - рыболовное грузило; 5-13 - наконечники стрел; 15, 17 - детали рукоятей ножа; 18 - рыболовный крючок; 19 - ножницы; 20 - шило; 21 - коса-горбуша: 1, 2, 10-14, 16, 18-21 - железо; 3, 5-9, 15, 17 - кость; 4 - глина.

www.tobolskexpedition.ru

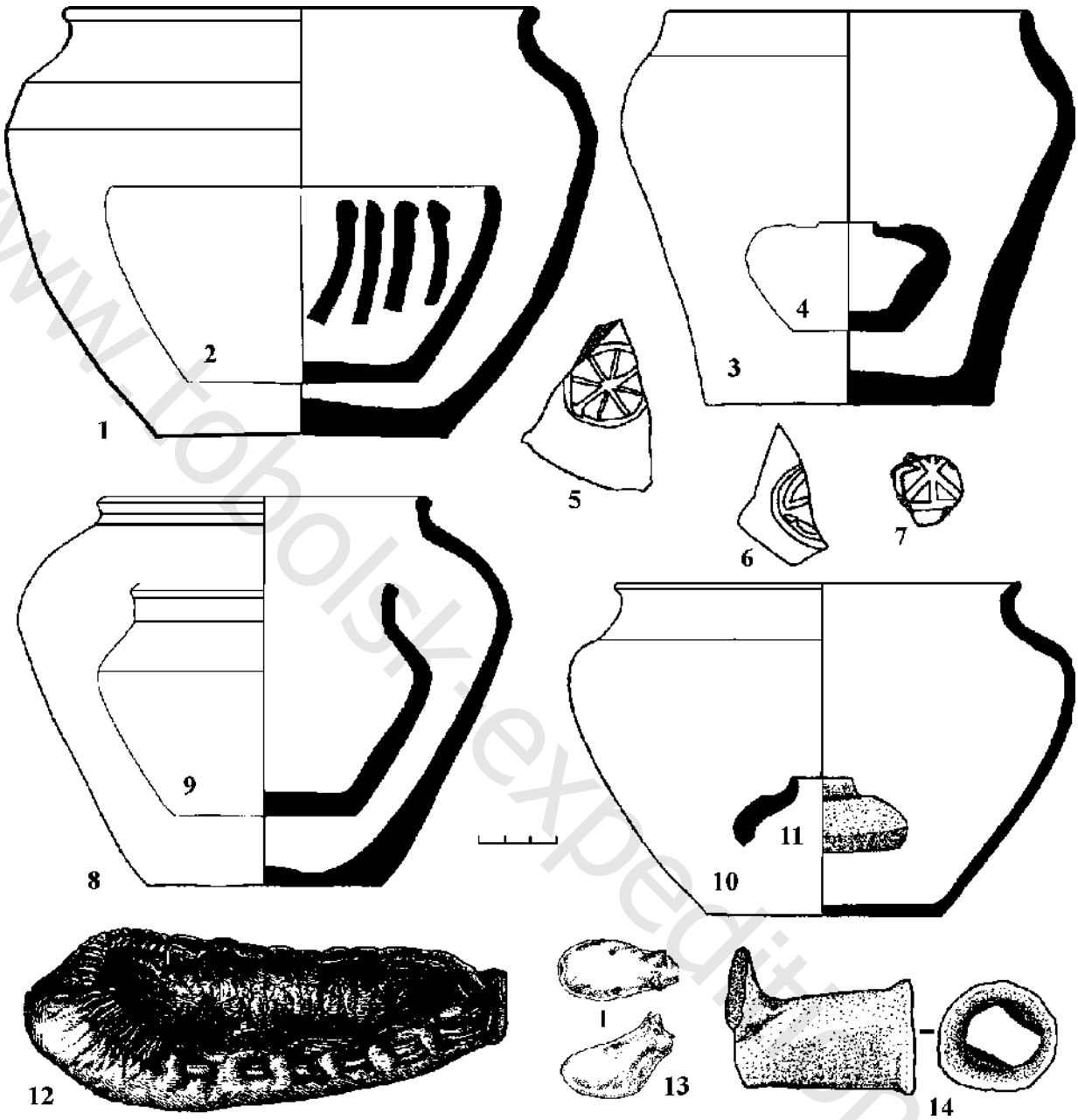


Рис. 34. Материальная культура русского населения.

(12 по М. И. Белову, О. В. Овсянникову, В. Ф. Старкову).

1, 3, 8, 9,10 - горшки; 2 - миска; 4, 11 - чернильницы; 5, 6, 7 - гончарные клейма; 12 - поршень; 13 - свистулька; 14 - фрагмент слива: 1-11, 13, 14 - г. Тобольск; 12 - г. Мангазея: 1-11, 13-14 - глина; 12 - кожа.

www.tobolsk-expedition.ru

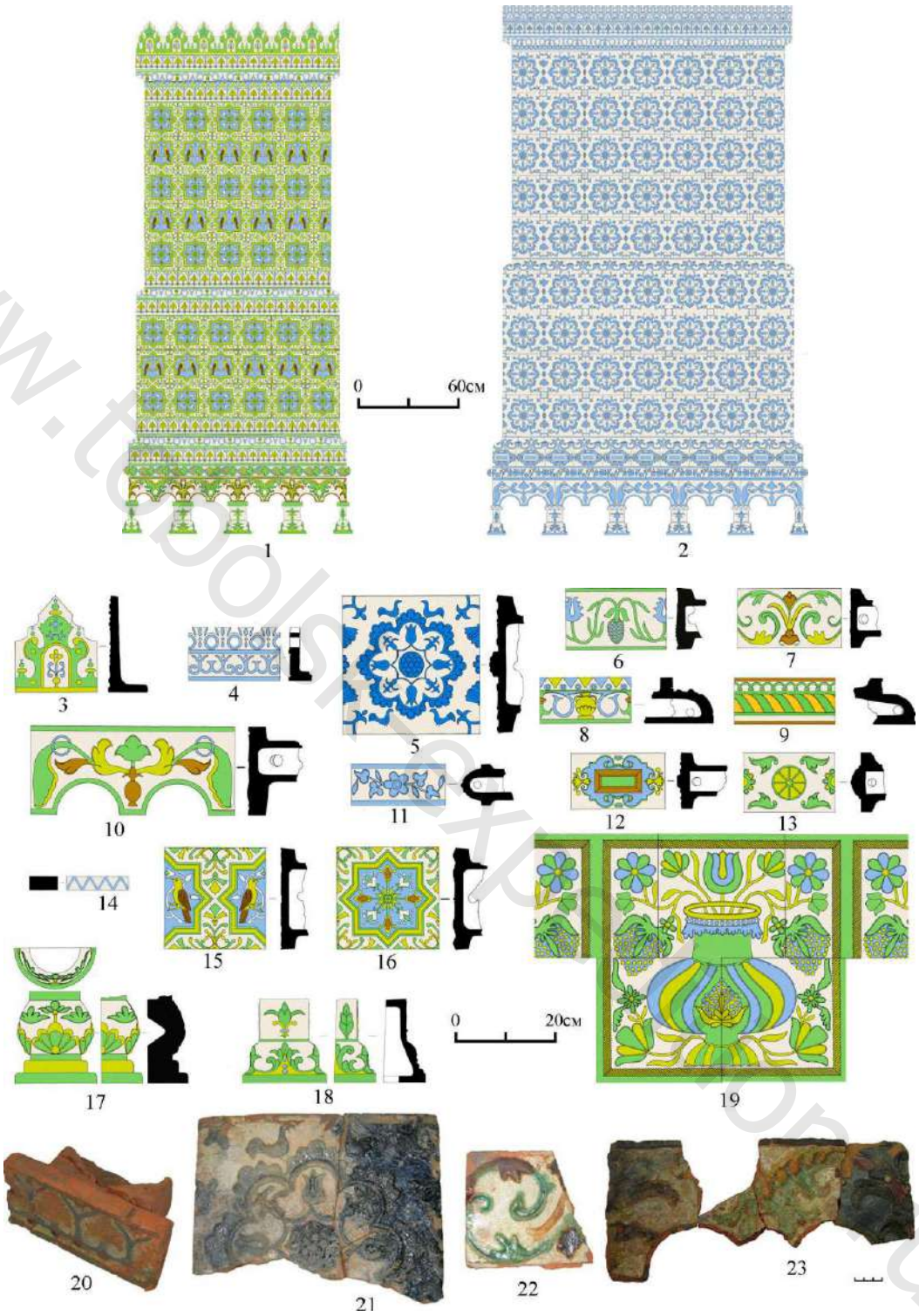


Рис. 35. Тобольские изразцы.

1, 2 - реконструкции изразцовых печей; 3, 4 - городки; 5, 15, 16, 21 - стенные изразцы; 6, 7, 12, 13, 20, 22 - плоские пояса; 8, 9 - карнизы; 10, 23 - подзоры; 11 - пояс-валик; 14 - ножная пластина; 17, 18 - ножки; 19 - печное панно из 5 изразцов. 1-19 - графическая реконструкция; 20-23 - фотографии изразцов: 20-23 - глина, эмаль, глазурь.

www.tobolskhram.ru

Рис. 36. Внешний облик русских воинов в Сибири в XVII веке.
(Реконструкция и рисунок Л. А. Боброва).

От авторов 3

Глава I

Город Тобольск и история исследования древностей 4

Глава II

Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей 30

Глава III

Очерк древней истории 41

§1. Бронзовый век 41

§2. Ранний железный век 44

§3. Эпоха средневековья 51

§4. Материальная культура г. Тобольска в XVII - XVIII вв 63

Список использованных источников и литературы 77

Список сокращений 88

Иллюстрации 89

www.tobolsk-expedition.ru

Адамов Александр Александрович,
Балюнов Игорь Валерьевич, Данилов Петр Григорьевич

ГОРОД ТОБОЛЬСК.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Научно-справочное издание

Редактор С. В. Сотникова

Подписано в печать 18.02. 2008.
Печать цифровая. Бумага офсетная.
Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 7,75. Тираж 350 экз.
Заказ 0026

www.tobolsk-expedition.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
Типография ООО «Западно-Сибирская консалдинговая компания»
626150, Тюменская область, г. Тобольск, ул. Б. Сибирская, 50/1
Тел/факс (3456) 22 61 82, сот. 8 961 782 07 49